

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ВЫПУСК
XXVII

июль-
сентябрь

ТАШКЕНТ
2012

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИЯ,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лия ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Иерей Андрей ТУГУШЕВ

Светлана АСАНОВА

Алексей АХМЕДОВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Виктор ДУБОВИЦКИЙ

Вадим МУРАТХАНОВ

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

На обложке:

Стр. 1: Храм «Всех скорбящих Радосте» в Газалкенте (с. 17).

Стр. 2-3: Письма великой княгини Елизаветы Феодоровны (с. 42).

СОДЕРЖАНИЕ

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы <i>главного редактора</i> . Три сестры и София. 1875 лет преставления мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (17 сентября ок. 137 года)	5
--	---

Новостные страницы <i>Виталия СТОЛЯРОВА</i> . «Царские дни», новый архиерей и подготовка к юбилею епархии	10
--	----

Церковная жизнь: страницы <i>Романа ДОРОФЕЕВА</i> . Воссоединение Церквей: первые итоги. К пятилетию Акта о каноническом общении внутри Поместной Русской Православной Церкви	13
---	----

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ УЗБЕКИСТАНА

<i>Протоиерей Борис МАСЛАКОВ</i> (при участии <i>Романа ДОРОФЕЕВА</i>). Храм «Всех скорбящих Радосте» в Газалкенте	17
--	----

ДИНАСТИЯ: К 400-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ

Дневники <i>НИКОЛАЯ II</i> . Июль 1905 года	33
---	----

«Любящая тебя тётя Элла...». Письма великой княгини Елизаветы Феодоровны великим княжнам Татьяне, Анастасии, Марии и наследнику цесаревичу Алексею. (Публикация <i>Е. Абдуллаева</i>)	42
--	----

ИЗ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ

<i>Наталья СЕЛУЯНОВА</i> . Семейная хроника Селуяновых (Публикация <i>О. Илюшкиной</i>)	49
---	----

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

<i>Бахтияр БАБАДЖАНОВ</i> . Туркестанский конквистадор: взлеты и падения генерала Черняева	63
---	----

<i>Рубен НАЗАРЬЯН</i> . «Выгодно выделяется среди бесцветных беллетристок...» Людмила Симонова-Хохрякова и ее очерк о «чародействе» в старом Самарканде	73
---	----

<i>Александр ДЖУМАЕВ</i> . «Радости бытия высокого порядка». Александр Семенов – исследователь культуры Средней Азии	85
---	----

ORIENTALIA

<i>Андрей ВОЛОС</i> . Возвращение в Панчруд (Главы из нового романа)	96
---	----

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Социальные страницы <i>Лилии КАЛАУС</i> .	
Божий дар и яичница	123
Двойное прочтение: протоиерей Сергей СТАЦЕНКО и Лилия КАЛАУС о книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы»	125
Литературные страницы <i>Вадима МУРАТХАНОВА</i> .	
Сомнения в очевидном, уверенность в невидимом. О книге Антония, митрополита Сурожского, «Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001–2002)»	132
<i>Инна КУЛИШОВА</i> . Ре-анимация любви. Заметки о фестивале анимационных фильмов «Никози» в Никозской епархии (Грузия)	135
Авторы номера	141
Информация для авторов	142

Календарные страницы *главного редактора*

«Софии честныя священнейшыя ветви...»

*1875 лет преставления мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии
(17 сентября ок. 137 года)*

Год 137-й от Рождества Христова еще не был годом 137-м от Рождества Христова. Годы в Риме пока отсчитывались от основания Рима. И от начала правления того или иного императора — земного бога, чьи статуи украшали храмы.

Итак, шел год восемьсот девяностый со дня основания Рима. Двадцатый — правления императора Адриана.

Каким был этот год? Вероятно, неплохим. Войны почти не велись. Казней было мало.

Адриан вообще был не худшим императором. Толковым, образованным. Особой страсти к завоеваниям, как его предшественник Траян, не питал. Удержать бы огромную империю — пеструю, как покрывало, и гудящую, как улей, — в прежних пределах.

И Адриан укрепляет границы, возводит валы с воротами и кастеллами и лично инспектирует отдаленные провинции. Все ли спокойно? Нет ли недовольств?

Он увлекается философией и покровительствует искусствам. Он ослабил налоги, он улучшил положение рабов. Он много строит, еще больше ломает — ломает и перестраивает. Стройкомания была профессиональным заболеванием всех римских императоров.

На двадцатом году его правления Адриану шел 62-й год. Идеальный возраст для диктатора. Жажда власти и славы отступает, приходит тихая мудрость, ясная и прохладная, как осенний день. Чтение древних философов, одинокие прогулки по саду на вилле возле Тибура. Не совсем, разумеется, одинокие: стараясь не попадаться на глаза, за ним бесшумно следуют телохранители. Враги, все-таки, не дремлют, только ждут удобного случая. В прошлом году он казнил нескольких сенаторов... Пришлось.

Впрочем, сенаторы — не самое худшее. Многих даже казнить не требовалось — сами справлялись. Ванна, теплая вода. Вначале чуть красноватая, потом все темнее и темнее...

Хуже было с инородцами. Назовем вещи своими именами, — в год 890-й от основания Рима политкорректности еще не изобрели. И так, хуже всего было с иудеями.

Только год назад Адриан подавил восстание Бар-Кохбы. Подавление было суровым, показательным. Вся Иудея превратилась в огромную ванну с кровью.

Но Иудея была, слава Аполлону, далеко. В Иудее жила только часть иудеев. Миллиона два, не больше. А вот остальные шесть расплылись по всей его, Адриана, империи — пестрой, как покрывало, и гудящей, как улей. Шесть миллионов — уже ощутимая цифра. И с этой цифрой надо было что-то делать. В самом Риме их становилось все больше.

Конечно, кого только в Риме не было. Весь Восток, кажется, хлынул сюда. Ремесленничать, торговать своими руками, своим телом, наниматься на всякую работу за гроши — за сестерции, точнее. Горбоносые сирийцы, шустрые греки, смуглые египтяне. Но с этими было проще — их боги не запрещали молиться римским богам. И это было очень разумно с их стороны. Молитесь дома и в своих храмах кому хотите. Но раз вы живете в нашем отечестве, едите наш хлеб и пьете нашу воду, извольте уважать наших, государственных, богов... Они — шустрые, смуглые, горбоносые — это понимали. И уважали. Все. Кроме иудеев.

Казалось бы, что тут сложного? Смотрите, какие статуи. Прекрасные? Прекрасные. Юпитер, Юнона, Аполлон. Рядом его, Адриана, статуя, с мраморной бородкой, — как никак он тоже божество, должность обязывает. Или вот Антиной — видите статую Антиноя, вот, рядом с императорской? Его, Адриана, любовник, — утонул, бедняга, несколько лет назад в Ниле. Император его тоже назначил богом, посмертно. Народ, как всегда, воспринял новый культ с воодушевлением. Народ любит все новое. Новые бани, новые зрелища, новых богов. Все. Все. Кроме иудеев.

Нет, некоторые, наиболее культурные из них, бывали в храмах. Приносили жертвы, все как положено. Но культурных было меньшинство. Большинство же иудеев поклонялось какому-то единому Богу. Которого было запрещено высекать в мраморе и отливать в бронзе. Которого нельзя было называть по имени. С которым нельзя было договориться.

Но самыми опасными среди них были, разумеется, христиане.

Небольшое пояснение. Римские императоры — первые гонители христиан — слабо разбирались в религиоведении. Для них (императоров) христиане были всего лишь новой иудейской сектой. Зато в юриспруденции они (императоры) разбирались неплохо. И оказывалось, что эти христиане умудрялись нарушить почти все римские законы о религии. Их можно было судить и за *sacrelegium* — преступление против веры: отказывались почитать римских богов. И за *crimen laesae majestatis* — оскорбление императорского величества: открыто не признавали императора богом. И за *collegii illiciti* — незаконные сборища. И особенно за *ars magica* — занятие колдовством. Именно так квалифицировались исцеления, изгнания бесов и прочие чудеса, творимые христианскими священниками.

И христиан судили. По всей империи. За преступления против веры. За оскорбление императорского величества. За незаконные сборища. За занятия колдовством.

...На этот раз Адриан решил разобраться лично. Он уже давно повелел Антиоху, наместнику области, привести к нему кого-нибудь из этих... христиан. Не из обо-

рванцев, разумеется. Пусть отыщет кого-нибудь почище, пообразованней. Чтобы можно было побеседовать на ученые темы, не зажимая ноздри от вони и уши от разных глупостей. Побеседовать и полностью опровергнуть их предрассудки и нелепые выдумки.

И Антиох выполнил приказ.

Несколько дней назад они были доставлены в императорский дворец. И представили перед императором.

Это были женщины.

Мать и три дочери, еще совсем девочки.

«Увидев царя, они воздали ему подобающую честь, — сообщает житие, — но стояли пред ним без всякой боязни, без всякого изменения в лице, с мужеством в сердце, и смотрели на всех веселым взором, как будто бы они призваны были на пир».

Адриан с удивлением разглядывал своих гостей. Потом посмотрел на Антиоха. Ты привел мне женщин, Антиох? «Государь, они образованны и сведущи в науках...» Они, кажется, не иудейки? «Они италианки, государь, вдова и три ее дочери». Тем хуже для них, Антиох. «...Кто-то приохотил эту женщину к чтению иудейских книг. А она уже подучила этому своих бедных детей...»

Возможно, этот диалог звучал так. Возможно, нет. Возможно, Антиоха вообще не было в этот момент в зале. А был только Адриан, несколько придворных и телохранителей. И мать с тремя дочерьми в пятне солнечного света, падавшего на мозаичный пол через комплювий.

«Видя их благородные, светлые и бесстрашные лица, царь стал спрашивать, какого они рода, как их зовут и какова их вера».

Отвечала женщина. Девочки молчали и жались к матери.

Родом они из Милана. Мать зовут Софией. Дочерей — Верой, Надеждой и Любовью. Двенадцать лет. Десять лет. Девять лет.

Женщина подтвердила, что она — христианка. И что воспитала в этой вере своих дочерей. Потом стала говорить о Христе.

— Достаточно!

Адриану хотелось задать ей несколько каверзных вопросов, развернуть пару сокрушительных силлогизмов. Но во рту вдруг стало сухо, словно кто-то отер десны, язык и нёбо колючей шерстяной тряпицей. Сухо и горько.

Не случайно этих христиан обвиняют в колдовстве.

Он приказал их увести. Как повествует житие — к некой «знатной женщине Паллади, поручив ей наблюдать за ними». На три дня.

Эти три дня император мало спал. Как когда-то в молодости, в Парфянском походе, в котором сопровождал Траяна. Мало спал, редко выходил на прогулку. Он готовился к диспуту. София. Вера, Надежда, Любовь...

Он читал историков, риториков, философов. И еще, прикрыв уставшие от чтения глаза, молился. Боги должны помочь ему. Вы слышите? Вы, боги государства, боги Рима. Возвысившие Рим над десятками, сотнями народов. Сделавшие его центром мира. Центром науки, ремесел, просвещения. Центром цивилизации.

«Или вам нужна кровь? — спрашивал он статуи. — Их кровь?»

Боги смотрели на Адриана мраморными глазами, молчали и улыбались.

И настал третий день. Снова Адриан сидел на троне, а они — все четыре — были внизу. Только дочери уже не жались к матери, а стояли прямо.

— Дети! Видя вашу красоту и щадя вашу молодость, я советую вам, как отец: поклонитесь богам, властителям вселенной...

Адриан сделал жест в сторону статуй.

Статуи молчали и улыбались.

— И если выслушаете меня и исполните то, что вам приказано, то я назову вас своими детьми. Я призову начальников и правителей и всех моих советников и при них объявлю вас своими дочерьми...

По залу пронесся шепот восхищения. Дочерьми! Император готов объявить этих несчастных своими дочерьми! Воистину, милость императора безгранична!

Шепот стих. Женщина молчала. Вера. Надежда. Строгие, безмолвные. Только Любовь слегка улыбалась — каким-то своим, детским мыслям.

— А если вы не послушаете и не исполните моего повеления, то причините себе великое зло! — Адриан облизал губы, горечь во рту снова вернулась. — И старость матери своей огорчите, и сами погибнете, в то время, когда бы могли более всего веселиться, живя беспечно и весело.

«Беспечно и весело» он произнес уже темным, упавшим голосом.

Сделал несколько быстрых глотков из чаши.

— Итак, для вашего же собственного блага послушайте меня... — Адриан торопился договорить, пока рот снова не наполнился углями. — Ибо я люблю вас и не только не хочу губить красоты вашей и лишать вас жизни, но желал бы стать для вас отцом.

Вера подняла голову:

— Отец наш — Бог, на небесах живущий...

Все было ясно. Можно было заканчивать. Оставалась одна юридическая формальность.

Заныли флейты. Вдоль колонн двинулась процессия. Впереди, на носилках, слегка покачивалось изваяние богини, украшенное цветами и лентами.

Носилки приблизились. Флейты, пискнув, замолкли.

— Принеси жертву великой богине Артемиде!

Указал на Веру.

Вера не двинулась с места. Так они стояли неподвижно друг напротив друга.

А вот теперь действительно можно было заканчивать. И как можно скорее.

— Раздеть ее. Щипцы!

Принесли подстилку из бычьей кожи, чтобы кровь не испортила драгоценный мозаичный пол.

Адриан вышел в сад. Было тепло; он взял с собой флейтистов, чтобы их игра заглушила крики. Но криков не было.

Когда он вернулся, все уже было закончено. Палач вытирал тряпкой большие мохнатые руки.

Оставались еще две сестры. И мать.

Он повторил все, что сказал до этого. Готов стать их отцом. Не хочет погубить красоты. Неужели так сложно принести жертву Артемиде.

Он подошел к Надежде:

— Ну, посмотри, какая она красивая, великая богиня... Какое у нее платье! Тебе нравится? У тебя будет такое же. Почти такое же. Поклонись же ей, дурочка...

Он попытался улыбнуться. Не сразу, но это ему удалось. Тут же заболели щеки и зачесался подбородок.

— Царь! — услышал Адриан как будто откуда-то сверху, а не от этой девочки-подростка. — Разве я не сестра той, которую ты умертвил? Разве я не от одной с нею матери родилась? Не тем же ли молоком я вскормлена и не то же ли получила я крещение, как и сестра моя?

...К вечеру все было закончено. Рабы молча складывали инструменты, разбирали железную клетку; чистили пол, который все-таки забрызгали. Придворные, нагладившись на казнь, расходились по своим делам. Статую Артемиды унесли, флейтистам накрыли ужин на кухне. Остальные тоже торопились к столу. После казни у всех, как обычно, разыгрывался зверский аппетит.

Вот, собственно, и все. Христианка София, вдова, родом из Милана, была признана виновной в *sacrelegium, crimen laesae majestatis* и так далее. А также в том, что воспитывала в этих беззакониях своих дочерей. Однако ей, по милости императора, была сохранена жизнь. В тот же вечер ей выдали тела трех ее дочерей, о чем была произведена соответствующая судебная запись. Вдова погребла их недалеко от Рима и три дня молилась на их могиле. На четвертый день ее нашли мертвой и там же погребли.

Адриан тоже вскоре умер. Меньше, чем через год. В самом расцвете славы и могущества. Незадолго до смерти написал стихотворение: *Душа, странствующая и ласкающая, пока ты была спутницей и гостьей тела. В какие страны ты отправляешься теперь, оцепенелая, нагая, покрытая смертельной бледностью? Все твои шутки пришли к концу.*

Вряд ли кто-то из окружения Адриана мог ответить на вопрос, куда отправится его душа. Равно как и знать, где окажется прах императора через пару веков, когда Империя — пестрая, как покрывало, и гудящая, как улей, — станет христианской.

Потом пройдут еще четыре столетия, и мощи мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии будут перенесены папой Павлом I (757—767) в Рим, в церковь св. Сильвестра, что на Марсовом поле. А в 777 году — из Рима в Эшо (Эльзас). Там они и хранятся до сегодняшнего дня.

«Софии честныя священнейшыя ветви, Вера, и Надежда, и Любовь, показавшися, мудрость обуиша еллинскую благодатию: и пострадавше, и победоносицы явившися, венцем нетленным от всех Владыки увязошася».

«Царские дни», новый архиерей и подготовка к юбилею епархии

Минувшее лето выдалось жарким. И дело не столько в погоде — обычной в это время года для нашего региона, — сколько в большом количестве событий, которыми была наполнена жизнь Ташкентской и Узбекистанской епархии в июле-сентябре 2012 года.

С 16 по 19 июля группа паломников Среднеазиатского митрополичьего округа во главе с митрополитом Ташкентским и Узбекистанским отправилась в паломническую поездку в Екатеринбург для участия в «Царских днях» в память убиения семьи последнего российского императора Николая Второго.

В ночь с 16 на 17 июля верующие из Узбекистана молились вместе со всеми другими паломниками — а их приехало около 50 тысяч — под открытым небом во время Божественной литургии в Храме-на-Крови. Храм этот воздвигнут на том самом месте, где 94 года тому назад была расстреляна царская семья.

По окончании Литургии (примерно в 2.30 утра) от Храма-на-Крови под молебное пение двинулся Крестный ход к Ганиной яме. Именно по этой дороге везли тела убиенной царской семьи. На Ганиной яме, в мужском монастыре Царственных страстотерпцев, был отслужен молебен.

Для наших паломников этот четырехчасовой Крестный ход стал настоящим испытанием. Им приходилось бороться и со сном, и с общей усталостью. Но, как сказал один из паломников, «там, где человек терпит страдания, там нет бесов; бесы боятся страданий».

В следующие дни паломники смогли приложиться к мощам святых, в земле уральской просиявших, поклониться чудотворной иконе Пресвятой Богородицы «Всецарица»*, побывать в Свято-Троицком мужском монастыре села Тарасково. А также помолились в храме мужского монастыря Новомучеников Российских города Алапаевск — в том самом месте, где 18 июля 1918 года были убиты великая княгиня Елизавета и

* Образ Божией Матери «Всецарица» («Пантанасса») почитается чудотворным Эта икона относится к иконографическому типу Панахранта, что в переводе с греческого означает «Пренепорочная», «Пречистая». Богородица изображается восседающей на престоле с Младенцем Христом на коленях. Трон символизирует царственное величие и славу Божией Матери, самой совершенной из всех рожденных на земле. (Прим. ВС).

инокиня Варвара, великий князь Сергей Михайлович... Из Алапаевска паломники Среднеазиатского митрополичьего округа продолжили свое путешествие по православным местам — побывали в городе Верхотурье, приложились к мощам св. праведного Симеона Верхотурского*.

Среди других важных событий этих трех месяцев — поставление первого архиерея на недавно образованную Душанбинскую и Таджикистанскую епархию (до 2011 года православные приходы Таджикистана окормлялись митрополитом Викентием). Им стал иеромонах Питирим (Творогов), прежде несший преподавательское послушание в Московской духовной академии. 1 августа, после возведения иеромонаха Питирима в архимандрита, состоялась его епископская хиротония.

Уже через несколько дней митрополит Викентий знакомил епископа Питирима с приходами Таджикистанской, Кыргызстанской и Узбекистанской епархий. А 22 августа Преосвященный Питирим был представлен мэру Душанбе Махмадсаиду Убайдуллоеву.

3 сентября Божественной литургией и молебном начались занятия в Ташкентской Духовной семинарии. В этом году при семинарии открылось новое отделение — регентское. По итогам вступительных экзаменов и собеседований на очное пастырско-богословское отделение было зачислено 12 студентов.

4 сентября Ташкентскую епархию посетил митрополит Омский и Таврический Владимир, который более 20 лет, вплоть до августа 2011 года, возглавлял Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию. Его Высокопреосвященство смог познакомиться с теми изменениями, которые произошли за этот год.

И, наконец, кратко об официальных встречах, которые провел глава Среднеазиатского митрополичьего округа, митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий.

19 августа владыка Викентий посетил Духовное управление мусульман Узбекистана и поздравил Председателя Духовного управления муфтия Усманхана Алимова с Ураза-Байрамом.

4 сентября в епархиальном управлении митрополит Викентий встретился с представителями Счетной палаты США Аманду Бартин и Сушмиту Шрикант. 5 сентября в Москве состоялась встреча с Александром Стерниковым, директором третьего департамента стран СНГ МИД Российской Федерации.

14 сентября в епархиальном управлении в Ташкенте Его Высокопреосвященство встретился с новым руководителем представительства Россотрудничества в Узбекистане Валерием Кайером. Стороны рассмотрели перспективы расширения сотрудничества по ряду направлений, в числе которых были вопросы поддержки соотечественников, проживающих на территории Узбекистана, совместного проведения акций для детей, оставшихся без попечения родителей, и мероприятий по укреплению духовной связи соотечественников с Россией, а также ряд направлений, связанных с социальной работой.

* Симеон Верхотурский (Симеон Меркушинский; ок. 1607—1642) — святой Русской Православной Церкви, почитается в лике праведных. Память совершается (по юлианскому календарю): 18 декабря (день прославления), 12 мая (второе перенесение мощей) и 10 июня (Собор Сибирских святых). Почитается как небесный покровитель уральской земли. (Прим. ВС).

15 сентября в здании духовно-административного центра епархии глава Среднеазиатского митрополичьего округа, Высокопреосвященнейший Викентий, митрополит Ташкентский и Узбекистанский, встретился с новым Чрезвычайным и Полномочным Послом Румынии в Узбекистане Ромео Станчу. Во время встречи обсуждалась возможность сотрудничества между Ташкентской Духовной семинарией и теологическими факультетами Румынии после согласования этого вопроса с Патриархом Румынии.

Памятной датой стал день 16 сентября, когда впервые митрополит Викентий, а также епископ Бишкекский и Таджикистанский Феодосий и епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим приняли участие в Божественной литургии в Астане вместе с епископами Казахстанского митрополичьего округа. В этот день праздновался Собор новомучеников и исповедников, в земле Казахстанской просиявших. 17 сентября епископат двух митрополичьих округов принял участие в заседании Синода Православной Церкви Казахстана.

Одним из главных итогов этого заседания стала идея о совместной службе архипастырей Среднеазиатского и Казахстанского митрополичьих округов в честь празднования 140-летия Среднеазиатской епархии. Эта служба пройдет в Ташкенте, в Свято-Успенском кафедральном соборе, 11 ноября 2012 года.

Церковная жизнь: страницы *Романа ДОРОФЕЕВА*

Воссоединение Церквей: первые итоги

К пятилетию Акта о каноническом общении внутри Поместной Русской Православной Церкви

Вот и прошло незаметно пять лет со дня подписания Акта о воссоединении между Русской Православной Церковью Московского Патриархата (РПЦ МП) и Русской Православной Церковью за рубежом (РПЦЗ).

Для тех, кто помнит «ледниковый период» в отношениях между РПЦ МП и РПЦЗ в 1990-х годах, сам факт того, что иерархи двух Церквей вообще сели за стол переговоров, — уже чудо. Слишком много накопилось за долгие годы взаимной неприязни и обоюдного недоверия.

А там, где взаимная неприязнь, быстро начинают плодиться всякого рода любители ею воспользоваться. Достаточно вспомнить кыргызстанского протоиерея Владимира Клипенштейна, который в начале девяностых пытался увести в Зарубежную Церковь приход в селе Чалдовар. Немало было разных самозванцев и в прочих епархиях. Главное было громко заявить о своем желании бороться с «прогнившей» и «сергианской» Московской Патриархией, а далее можно было свободно искать покровителя среди «зарубежных» епископов.

То, что многие из таких самозванцев в то время получали поддержку от епископата РПЦЗ, не удивительно. Священноначалие Зарубежной Церкви еще плохо понимало реальное положение дел в бывшем СССР. Оно все еще находилось в плену представлений, более характерных для эпохи времен «холодной войны». Тогда многим в русском зарубежье казалось, что вслед за коммунистической державой вот-вот рухнет и «мертвая коммунистическая церковь», а на смену ей из религиозных катакомб на просторы свободного мира выйдут не «запятнавшие» себя лояльностью к большевикам истинно-православные христиане. Однако эти ожидания не оправдались.

На поверку выяснилось, что действительных «катакомбников» не так уж много и что они не всегда стремятся к соединению с Зарубежным Синодом. И что, в противоположность истинно-православным, в объятья «зарубежников» зачастую кидаются клирики, чем-то обиженные (или считающие себя обиженными) во все той же Московской Патриархии... В итоге к рубежу тысячелетий стало окончатель-

но ясно: Русская Православная Церковь Московского Патриархата не спешит самоуничтожаться, а в российских «катакомбах» по большей части прописались далеко не исповедники. Однако часть епископата РПЦЗ во главе с ныне уже покойным митрополитом Виталием (Устиновым) продолжала держаться антипатриархийных иллюзий.

На этом фоне знаменитый визит архиепископа Марка (Ардта) в Москву в сентябре 2003 года и его встреча с патриархом Алексием II производили впечатление чего-то совершенно нереального. Все время хотелось спросить себя: «Неужели это правда?!». Однако приезд нового первоиерарха РПЦЗ митрополита Лавра (Шкурла) в столицу России в 2004 году и его присутствие на ряде патриарших служб дали надежду на то, что раскол между двумя ветвями некогда единой Русской Православной Церкви может быть преодолен...

И наконец — 17 мая 2007 года, Храм Христа Спасителя, торжественное подписание патриархом Алексием II и митрополитом Лавром Акта о каноническом единении...

По большому счету, событие такого масштаба может произойти на памяти одного или даже нескольких поколений только однажды. Хотя церковные расколы в наше время — событие почти заурядное (лишь на моей памяти произошли филаретовская, суздальская, диомидовская схизмы и многочисленные отколы от РПЦ разных «истинно-православных» клириков), но вот уврачевание раскола — явление исключительной исторической важности. Последним из таких, к сожалению, экстраординарных, событий было восстановление общения Московского Патриархата с Северо-Американской Митрополией, ушедшей в вынужденный раскол в середине 1920-х. Произошло это событие более 42-х лет назад, в 1970 г., и сразу же привело к дарованию Митрополии томоса об автокефалии, после которого она была трансформирована в современную Православную Церковь в Америке.

Для наглядности скажу, что из всех мне лично знакомых людей единственным человеком, который имел к этому событию прямое отношение, был протоиерей Владимир Кондратенко (ныне уже, к сожалению, покойный). Он в 1980-1990 годах долго служил в США*, на приходах, пожелавших остаться в юрисдикции Московской Патриархии.

В общем, остается только еще раз подчеркнуть, что восстановление общения между РПЦ МП и РПЦЗ было событием уникальным.

Что же нам принесло нежданное воссоединение с Зарубежной Церковью?

Ответить на этот вопрос — одновременно и просто, и сложно. С одной стороны, что немаловажно, был преодолен многолетний раскол и РПЦЗ вырвана из сообщества альтернативно-православных раскольничьих Церквей (старостильных, «истинно-православных» и т.д.). Воссоединение Зарубежной Церкви произошло на правах широкой автономии, в пределах которой уживаются самые разные церковные тенденции. (Так, к примеру, среди епископата РПЦЗ есть архиереи, окормляющие единоверцев (епископ Иоанн Берзинь) или приходы западного обряда (епископ Иероним Шо.) Также несколько лет назад к Зарубежной Церкви присоединились не вы-

* С мая 1986 по август 1992 гг. о. Владимир служил настоятелем Св.-Воскресенского собора в Чикаго. (Прим. ВС.)

державшие константинопольского этноцентризма православные приходы Индонезии.

Вообще, Зарубежная Церковь в ее современном виде — очень интересное явление. Фактически во многом ей удалось сохранить то лучшее, что было в русском до-революционном православии, но сделать это таким образом, чтобы стремление к сохранению основ не выродилось в мертвое обрядоверие. И по моему личному мнению, воссоединение РПЦЗ с Московским Патриархатом может дать ощутимую пользу и для нее самой, и для Церкви-Матери.

Есть, однако, и сложности. Акт о каноническом общении породил несколько расколов внутри самой Зарубежной Церкви. Произошла своеобразная сепарация, когда некоторые радикально настроенные иерархи и миряне высвободились из РПЦЗ, тут же осудив ее священноначалие за мнимую унию с давно уже заочно ненавидимой Московской Патриархией. Сайты любой из этих раскольничьих организаций можно запросто узнать по нескончаемым потокам обвинений в адрес «предателей» из канонической Зарубежной Церкви, «сергианской и безблагодатной» Московской Патриархии и... собственных братьев, хоть в чем-то не разделяющих позиции сайтообладателей.

Еще одна особенность «зарубежных» радикалов — тщательно культивируемая «истинно-православная» исключительность, помноженная на почти донатистскую гордыню. По их мнению, спасутся одни лишь «верные» (читай — они сами), принадлежащие исключительно к «Церкви Новомучеников и Исповедников» (т.е. к их собственному сообществу).

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на интервью чтеца Владимира Мосса, принадлежащего теперь к одной из таких групп, данного раскольничьему же альманаху «Романитас» в 2001 году. (С тех пор позиция В. Мосса нисколько не изменилась).

Так, на вопрос «Романитас», «есть ли какое-нибудь основание считать, что МП (Московская Патриархия — Р.Д.) имела благодать вплоть до совсем недавнего времени», Владимир Мосс заявляет, что таких оснований «абсолютно нет» и что «невозможно быть христианином и одновременно членом еретической и раскольнической псевдо-церкви», какой он считает РПЦ. А на вопрос: «Считаете ли Вы, таким образом, что все те, кто умирает в МП, попадают в ад?», В.Мосс, хотя и отвечает, что не может этого утверждать, поскольку милосердие Божие неисповедимо, тут же добавляет:

«Многие экуменисты и крипто-экуменисты претендуют иметь больше милосердия, чем Бог, и знать больше, чем было передано Святыми Апостолами и Отцами. Но посудите сами: если Святые Новомученики и Исповедники правы и МП не имеет благодати, не более ли это жестоко — предполагать противоположное? Не подумают ли в этом случае члены МП: если мы имеем благодать, зачем нам искать где-то Истинную Церковь? И не подвергнутся ли они самому жестокому прозрению, когда умрут и предстанут пред престолом Господа на Страшном Суде?»*.

* «Интервью чтеца Владимира Мосса, церковного публициста и историка Церкви, православному альманаху «Романитас»» (<http://www.orthodoxchristianbooks.com/articles/199/russian/>).

Вот так: сидят себе два истинно-православных и неторопливо, со вкусом, обсуждают, как пойдут в ад все «сергиане» и «экуменисты» из «еретической псевдо-церкви». Оказывается, других в геенну посылать очень легко... Особенно, когда ты сам крепко уверен в том, что уже держишь в руке билет до рая.

Что же здесь можно сказать? Я лично готов молиться за чтеца Владимира, даже если он сто пятьдесят раз обзовет лично меня «крипто-экуменистом», «сергианином» и «патриархийщиком». И готов сделать это как раз-таки по той причине, что *не хочу и не желаю* его посмертного пребывания в преисподней. Слишком уж страшны слова Господа Иисуса о плаче и скрежете зубов (Мтф. 22, 13). Посмертное воздаяние определяется не тем, насколько мы упиваемся собственной «ортодоксальностью», а тем — насколько исполняем слова Христа. В том числе и о любви к ближним и о подвиге любви к своим врагам (Мтф. 5, 21-26; 5, 43-48; 22, 35-40).

Протоиерей Борис МАСЛАКОВ

Храм «Всех скорбящих Радосте» в Газалкенте^{*}

*...и не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам";
ибо говорю вам, что Бог может из камней сих
воздвигнуть детей Аврааму.*

Евангелие от Матфея, 3,9

Дети, сотворенные из камней

Газалкент — маленький городок в Ташкентской области. Небольшая площадь при въезде в город, на которой останавливаются едущие из Ташкента маршрутки, шумный базарчик и живописный лабиринт застроенных частными домиками улиц. В общем, размеренный быт, без каких-либо, кажется, достопримечательностей. Однако это не совсем так. И для того, чтобы убедиться в этом, достаточно добраться до улицы Ахунбабаева и свернуть за бесконечную серую стену местного молокозавода...

Храм почти внезапно открывается (другого слова и не подберешь) во всей своей неброской красоте на фоне широкой панорамы сине-белых Тянь-Шанских гор. Небольшая серебристого цвета луковичка, выкрашенные нежно-голубой краской стены, «осьмиконечный» крест над узорными металлическими воротами... В типично среднеазиатском окружении храм выглядит пришельцем из какого-то другого мира. Но это обстоятельство не делает его чем-то совершенно чуждым. Он просто не похож на все вокруг, однако и эта непохожесть — какая-то своя, почти родная...

Под стать храму и местная православная община. Она небольшая, сплоченная и известна, пожалуй, лучшей воскресной школой во всей Ташобласти. Но самая интересная черта газалкентского прихода — то, что он, по всем законам «истории с географией», вообще не должен был существовать. Он просто не мог появиться в городе, где не существовало православной общины до 1917 или до 1990 гг.; не было хотя бы минимального числа воцерковленных людей.

Зато присутствовал значительный процент протестантов (евангелистов, харизматов и т.д.), прочно заполнявших религиозную нишу среди русскоязычного населения. До «перестройки» Газалкент был многонациональным городом. Преобладали этнические

* Очерк составлен на основе дипломной работы о. Бориса Маслакова, настоятеля храма, успешно защищенной в мае 2012 г. в Ташкентской Духовной семинарии. (Маслаков Б., прот. Церковь во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» в городе Газалкент: история и современное состояние. Дипломная работа. [На правах рукописи]. — Ташкент, 2012.) Исходный текст был отредактирован в соответствии с требованиями публикации; добавлены некоторые комментарии. Материал к публикации подготовил Роман ДОРФЕЕВ.

немцы (тридцать-сорок процентов), потомки депортированных поволжских колонистов, сохранявших живую связь с протестантскими и евангелическими церквями.

Организация любого прихода начинается с создания инициативной группы, как правило, состоящей из более или менее воцерковленных мирян, сознающих необходимость в постоянно действующем православном храме не где-нибудь за тридевять земель, а в родном городе или селе. В Газалкенте же начала 1990-х гг. таких мирян почти не было.

И наконец, Газалкент — относительно новый город, получивший такой статус только в 1964 г., и устройство в нем в советское время православного храма (буде такая идея пришла бы кому-нибудь в голову) стало бы делом почти невозможным. Ближайшей к городу церковью был еще дореволюционный Свято-Георгиевский приход, в который изредка ездили помолиться немногочисленные православные.

Итак, собственный приход в Газалкенте просто не должен был возникнуть. Для этого не было объективных предпосылок. По земной логике вещей, вместо него должна бы появиться очередная евангелическая община, а две-три местные православные старушки так и продолжали бы время от времени ездить в Чирчик или в Ташкент... Но православный приход в Газалкенте не только существует, но и является (на мой пристрастный взгляд) одним из лучших по Ташкентскому благочинию. На примере этой общины мы можем видеть, как Бог из «каменной», то есть из далеких от веры и Церкви людей, сотворяет новых детей праотцу Аврааму, который, как известно, первым заключил завет с Господом и чрез это стал отцом всех верующих (см.: Мтф. 3,9, Быт. 17, 4-7).

Роман ДОРОФЕЕВ

С чего начинается приход?

С чего начинается история церковного прихода? Скажете — со стройки, с первых прихожан, с благословения архиерея. И это все будет правильным и верным. Но иногда история новой общины начинается с чудес и благословений Божиих. Так было и с нашим приходом. Правда, узнали мы об этом гораздо позже, когда уже полным ходом шло строительство нашего храма. Тогда одна из прихожанок рассказала священнику о своем странном сне, который она увидела в 1993 году.

Как она говорила, в один из весенних дней того года она решила переждать дневную жару, зашла в дом, прилегла на диван и задремала. А далее она увидела следующее:

«Сна глубокого еще не было, вдруг вижу двух молодых людей, стоящих рядом с диваном. По внешнему виду молодые ребята, с длинными волосами, в длинных белых сорочках, в каких сегодня не ходит молодежь. Обращаются ко мне: «Вставай. Выходи на улицу».

Встала, иду. Они идут рядом. Я обратила внимание, что их ног не вижу. Выходим на улицу. Дом, в котором мы живем с семьей, располагается с востока на запад. Когда мы вышли во двор, я взглянула на восточную часть. И обомлела. Передо мной стояла Божия Матерь, огромного роста, в длинной одежде неземного цвета. Вокруг нее, слева и справа, бесшумно передвигались святые ангелы. Я упала вниз лицом, и все равно продолжала видеть Богородицу. Я начала просить у нее прощения о том, что ходила в различные секты, а они не признают Ее. Взгляд у Нее был и не строгий и не радостный. Рядом находящиеся молодые люди говорят мне: «Проси!». А я не могу

понять, о чем они мне говорят. Они опять говорят мне: «Проси!». Я начала просить Божию Матерь, чтобы все в нашей семье были живы и здоровы. Чтобы муж не болел. Чтобы дети были с нами. А они мне опять: «Проси!». Тут я вспоминаю, что в детстве мне хотелось помогать болящим людям, была бы у меня волшебная палочка, я бы дотронулась к болящему человеку, а он бы и вылез. А они мне опять: «Проси!». «Мне бы хотелось Богу служить и людям помогать». Божия Матерь посмотрела на меня еще раз и произнесла: «Через десять!».

И видение кончилось. Когда я очнулась от сна, не могла понять, что бы это все значило. Так в недоумении я и осталась».

Мы же поняли, к чему было это видение, только в 2003 году. 13 апреля 2003 года, ровно через десять лет, мы освятили только что построенный храм и отслужили в нем первую литургию!

...А немного ранее, в 1997 году, перед нами встал вопрос о выборе небесного покровителя для храма. И чтобы решить это затруднение, я и матушка Елена отправились к епархиальному архиерею — архиепископу (ныне митрополиту) Владимиру* на прием.

— В честь кого назовем новый храм? — спросил владыка.

В ответ мы ему рассказали о видении Божией Матери. Он послушал нас и сказал:

— Мало есть икон Богородицы, написанных в полный рост. Вот, к примеру «Боголюбская» или «Всех скорбящих Радосте». Какая из этих икон больше подходит под описание прихожанки?

Немного посоветовавшись, мы с матушкой решили, что все-таки «Всех скорбящих Радосте», на которой изображены и большая фигура Девы Марии, и ангелы, Ей служащие, и люди — чающие исцеления и помощи**.

— На том и порешим! — сказал владыка.

И с того времени наш приход находится под защитой Пресвятой Богородицы и под Ее благодатным покровом.

Становление общины

Ну а теперь расскажем не о небесном, а о земном... Я по основной профессии тренер-преподаватель, но в начале 1990-х годов был вынужден заняться предпринимательством и часто уезжал по торговым делам. Моя же супруга, Елена Маслакова, оставалась дома с детьми. И, может быть, наша жизнь и далее протекала бы таким порядком еще долгие годы, если бы Господь не управил все по Своему Промыслу.

А началось все с непонятной болезни будущей матушки — Елены Николаевны. Куда мы только не обращались, какие врачи только ее не лечили... Лежит в больнице по два

* Владимир (Иким), митрополит Омский и Таврический. В 1990-2011 гг. — правящий архиерей Среднеазиатской епархии. В 2011 г. переведен на Омскую кафедру, в 2012 г. получившую статус центра Омской митрополии.

** «Всех скорбящих Радосте и обидимых Заступнице...» — наименование чудотворной иконы Богородицы. На иконе изображена Богородица в сиянии, ее окружают люди, обуреваемые недугами и скорбями, и ангелы, совершающие благодеяния от ее имени. Образ впервые был прославлен в 1688 году в Москве в церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» (Преображения) на Большой Ордынке, где и хранится ныне. Празднование иконы совершается 24 октября (6 ноября по новому стилю). — Прим. ВС.

месяца, выходит, дома лежит еще два месяца — и опять в больницу. И уже без посторонней помощи не могла двигаться по дому. То ей казалось, что кто-то ходит по комнатам, что что-то непонятное, какое-то лохматое, давит ее так, что невозможно ни крикнуть, ни руку к телефону протянуть, ни перекреститься. В доме дверцы шкафа открывались сами собой, кто-то шелестел бумагой и т.д. и т.п. И вся эта свистопляска продолжалась долгое время. Наконец, кто-то из наших знакомых посоветовал: чтобы все это прекратить, надо привезти батюшку из города Чирчика и освятить дом. Что мы и сделали.

Привез я из Георгиевской церкви священника о. *Леонида Патрахина** и диакона *Сергия Башука*. Батюшка освятил дом, побеседовал с нами. И уже когда я подвозил их к чирчикскому храму, о. Леонид сказал, казалось бы, незначительную фразу, что у него есть знакомые учителя и преподаватели, которые все-таки ходят в храм и верят в Бога. А я тогда, естественно, в храм не ходил, хотя в Бога верил всегда, но, как бы точнее высказать, — пассивно, что ли.

После освящения дома будущая матушка Елена часто стала проситься в храм. Я всегда старался ее просьбу выполнить. И бывало это обычно так — привезу матушку в Чирчик, к церкви, а сам раскладываю в автомобиле спинку сиденья и читаю газету или просто дремлю.

А затем вокруг нашей семьи стала складываться небольшая «общинка» верующих. По соседству с нашим домом жила семья немцев — *Вальдемар и Галина Грюнер*. Они посещали немецкую религиозную группу, которая называлась «Божьи дети» (ныне — «Церковь Христа»). Были Грюнеры очень приветливыми людьми, и жили мы с ними в теплых добрососедских отношениях. Они подарили нам Библию. Каких-либо духовных книг и даже молитвослова у нас в доме еще не было. Бывало так — созвонившись между собой, соберемся, почитаем Евангелие, помолимся своими словами да прочтем чудом сохранившийся, переписанный из какой-нибудь дореволюционной брошюры духовный рассказ. Так и собралась наша небольшая «общинка». И на первых порах мы сходились для молений в доме нашей семьи, на Пролетарской (ныне Дустлик).

Со временем группа наша разрасталась, пришлось нам подбирать помещение. С десяти человек в начале 1994 г., к концу этого же года наша «общинка» уже объединяла более шестидесяти человек. Назрела также необходимость собираться не только по воскресеньям, но и по средам. Летом мы часто молились в саду, сидя прямо под черешнями.

Благословение архиепископа Владимира. Временные священники

В 1995 году два наших «прихожанина» поехали в Чирчик, в Георгиевскую церковь, отстоять там литургию и причаститься Св. Тайн. На исповеди новый священник — *иеромонах Елисей (Кашин**)* — задал им вопрос: «А вы на службах бываете?».

— Каждое воскресенье!

— А где?

* Протоиерей Леонид Патрахин в 1982-1994 гг. был настоятелем Свято-Георгиевского храма города Чирчик. Ныне — настоятель Христо-Рождественского храма в селе Анна Воронежской области.

** Назначен настоятелем Георгиевского храма с 15 мая 1994 г.

— У нас дома! — ответили они, в ожидании похвалы.

— А службу-то кто ведет?

— Елена Николаевна! — радостно ответили они в один голос.

— Какая еще Елена Николаевна?! Вы что — сектанты?

— Да что вы, батюшка, мы православные! Вот и кресты на нас есть!

— Идите за благословением к владыке. Так принято, что без его благословения никаких молитв совершать нельзя, — отрезал отец Елисей.

Вернувшись, удивленные «прихожане» разъяснили моей супруге и мне, что наша «общинка», как оказалось, была незаконная. Нужно в Ташкенте найти Епархиальное управление и обратиться к владыке с просьбой разрешить проводить на дому службу. Чтобы было все по закону и по церковным правилам.

— Вот бюрократы! Дождались! И молиться нельзя без разрешения, — буркнул кто-то из наших «прихожан».

Но делать нечего. Е.Н. Маслакова собралась в Ташкент, где с трудом, но все же нашла Епархиальное управление. Тогда оно находилось в неприметном доме в третьем тупике улицы Жуковского, прямо за Протезным заводом. Епархиальный архиерей, архиепископ Владимир (Иким), побеседовал с Еленой Николаевной, прочитал прошение от наших «прихожан» и благословил священников окормлять нашу «общинку».

После этого к нам в Газалкент стали периодически наезжать временные священники. И первым, кто приехал, был протоиерей Димитрий Гошук*, священник Свято-Никольского монастыря. В первый свой приезд он оставался с нами четыре дня.

Представьте наше состояние, когда мы священников раньше видели только издали, а если поближе — то по телевизору, а тут священник прямо в нашем доме! Растерянность полнейшая...

Собрались в нашем доме «старожилы» прихода. Видя нашу растерянность, о. Димитрий попросил нас помолиться так, как мы обычно молились. И мы начали... «Запели» речитативом молитву «Отче наш».

— Да-а-а-а, — протяжно сказал о. Димитрий. — Одним словом — шантрапа. Знаете, как с французского переводится слово «шантропэ»?

— Нет, не знаем, батюшка...

— Не умеющие петь!

Отец Димитрий, находясь у нас в течение этих дней, преподавал нашим «прихожанам» очень много полезного. Он рассказывал о жизни святых отцов, о богослужении... А кроме того, совершил для наших «прихожан», для всех 64-х человек, соборование и причастил нас Св. Христовых Тайн.

После отца Димитрия к нам в город приезжали и другие священники из ташкентского женского монастыря — о. Владимир Ляпин и о. Олег Боровиков. Батюшки приезжали один раз в месяц — отслужить молебен, исповедать, причастить, соборовать, окрестить. Из того времени мне запомнился один эпизод об отце Олеге Боровикове. Как-то он, приехав к нам рано, начал исповедовать часов с 10 утра, а закончил в 10 часов вечера. Люди занимали очередь на исповедь, уходили домой, управлялись по хозяйству и возвращались исповедаться. Усердно служил батюшка — даже без обе-

* В 2002 г. принял монашеский постриг с именем Дорофей. С 2008 г. — архимандрит.

да! Жаль, что затем он охладил к пастырскому служению и оставил сан священника.

Когда же к нам на приход не приезжали священники, то мы по-прежнему молились сами. Об одном из таких собраний хочется рассказать особо.

Отец Владимир Ляпин, также окормлявший нашу «общинку», дал мне на время грампластинки с духовными песнопениями, чтобы я переписал на магнитофонную пленку песнопения и колокольный звон. И тогда мы с Еленой Николаевной решили устроить «службу с пением». Я записал с пластинок пение разных молитв, с тем, чтобы всей общиной прослушать их во время одного из наших воскресных собраний.

В то время желающих присутствовать на наших службах было много. Мы уже не помещались в двух комнатах, поэтому установили музыкальные колонки, чтобы было слышно всем присутствующим.

Боже, воистину Ты с нами!

Торжественный и величественный момент. Думается, каждый из стоявших в этих маленьких комнатках обычного дома, в необозримой дали от России, от российских святынь, в далеком городке, затерявшемся у подножья высоких гор Тянь-Шаня, был обласкан и услышан Господом. Пение было таким захватывающим, что все в этот момент забыли, кто они, где они и что с ними происходит.

Рукоположение постоянного священника

На каждом приходе должен быть постоянный священник, иначе без пастыря прихожане разбредаются «по горам и по долам». Постоянный священник должен был появиться и в нашей общине. У нас в «общинке» был молодой мужчина, который, как нам всем казалось, сможет стать священником и возглавить новый приход. Но он вместе со своей семьей отошел от Церкви, а потому единственным, кто хотя бы по возрасту подходил для принятия священного сана, оставался я.

Перед тем, как окончательно решиться, я пережил очень много сомнений. И в разуме, и в сердце постоянно вопрошал себя — смогу ли? Более девяти месяцев шла внутренняя борьба. И вот в один из дней, весной 1995 года, во мне появилась уверенность, что надо ехать на прием к владыке. Как будто кто-то подтолкнул — езжай!

Чтобы попасть на прием к архиепископу Владимиру, некоторым людям, как они сами рассказывали, приходилось ожидать неделями, а мне в тот день повезло, Владыка принял меня в течение десяти минут. Когда я высказал свое пожелание стать священником, он благословил обратиться к *Алексею Петровичу Гречушкину** — старшему алтарнику ташкентского кафедрального собора, или к *диакону Владимиру Максудову*, прекрасному знатоку церковного устава.

Приехав из Епархиального управления в собор, я побеседовал с Алексеем Петровичем, и мы договорились о том, что я приступлю к послушанию после Пасхи — 24 апреля 1995 года. Так началась моя жизнь в качестве послушника при Кафедральном соборе.

Почти два года я прожил в общежитии Ташкентского Духовного училища. И оттуда каждое утро и вечер ходил на службы в Успенский собор. А в соборе — под руководством Алексея Петровича — учился читать на церковнославянском языке и постигал пономарскую премудрость.

* Ныне клирик Успенского кафедрального собора в Ташкенте иеромонах Варфоломей (Гречушкин).

Такое обучение продолжалось вплоть до самого моего рукоположения во диакона. А совершил его в 1997 году, на праздник Входа Господня во Иерусалим, архиепископ Владимир. И он же 27 сентября 1997 года, в день Воздвижения Креста Господня, рукоположил меня в сан пресвитера.

Так началась моя новая жизнь. Теперь уже в священном сане.

27 января 1997 года я был указом архиепископа Владимира назначен настоятелем Газалкентского прихода. А в конце января 1999 года из Епархиального управления нашему приходу был выдан антиминс, и с этого момента у нас стала совершаться Божественная литургия.

Строительство храма

Церковь на нашем приходе и прилегающая к ней земля обустроивались долго. С 1997 по 2003 год.

Множество было препятствий с регистрацией прихода. Но, невзирая ни на какие препятствия, в течение четырех лет, мы все-таки зарегистрировались. В первый раз провели учредительное собрание нашего прихода в июне 1997 года. Но до 1999-го приход существовал в «подвешенном состоянии». В октябре же этого года устав нашего храма был подписан архиепископом Владимиром, а затем нам от Министерства юстиции Узбекистана выдали официальное свидетельство о его регистрации.

А чтобы выделили обещанный участок для строительства храма, пришлось походить по областным учреждениям не один год. Матушка, начиная с раннего утра и до позднего вечера, ежедневно ожидала в приемной хокимията — то самого хокима, то его первого заместителя, то второго. И так изо дня в день. И уже некоторые сотрудники начали спрашивать ее:

— А вы в каком отделе хокимията работаете?

Нам предлагали различные варианты. Но все они нам не подходили. Один из них был на кладбище. Но мы сразу объяснили, что кладбище находится далеко от черты города, городской транспорт не проходит мимо него. А ведь среди прихожан в основном — люди преклонного возраста.

Тогда мы сами нашли место на въезде в город. Как будет боголепно! Речка! Небольшая рощица! А на краю рощицы — красивая маленькая церквушка! Но и этот вариант не был одобрен.

Наконец, зимой 1997 года, хоким пригласил матушку и районного архитектора к себе в кабинет:

— Выделить ей, — указал на Елену Николаевну, — участок около молочного комбината. И чтобы эту женщину в хокимияте я больше не видел!

Чудны дела Твои, Господи!

Это была территория бывшей Геологической экспедиции на улице Юлдаша Ахунбабаева. 0,25 гектара земли, на которой когда-то хотели построить административный корпус Экспедиции и вырыли для этого огромный котлован. Зброшенное здание радиостанции — из него начальники связывались с бродившими по горам геологами. Маленький сарайчик — бывшая прачечная. И покосившийся забор вдоль улицы. Пустая территория, бесхозная. Но, слава Богу, нам ее отдали!

Мы получили землю, и сразу встал вопрос: с чего начинать стройку? С какого конца подступиться? Помолвившись, забили первый колышек... Укрепили покосившийся забор и приступили к разборке здания радиостанции. Разобрали ветхую крышу и потолок, оставив только кирпичные стены.

Надо было строить дальше. И опять пошли, как казалось, непреодолимые для решения вопросы: откуда взять деньги на стройку? К кому с этим обратиться? Кто поможет?

К тому же в то время продолжался отъезд русскоязычного населения. Многие рассуждали так: «Завтра мы уедем, а для кого здесь строить храм?».

Мы были в полной растерянности. Сознаемся, иногда у самих закрадывалось сомнение: а в самом деле, зачем? Для кого? Может быть, лучше собираться у нас в саду под черешнями, как раньше... Вместо подсвечников будет стоять чашка с песком для постановки свеч... Может, расширить дом наш, пристроив еще две комнаты?

Вопросы. Вопросы. Сплошные вопросы и сомнения.

Тогда мы с матушкой стали думать: а как такие или подобные вопросы решают на других приходах? Тех мизерных средств, которые приносил нам приход, хватало только на пропитание семьи. Так что о строительстве храма на скудные приходские деньги даже и мысли не могло быть.

Чтобы найти выход из ситуации, нам пришлось расспрашивать других священников, изучать их опыт. Мне посоветовали обратиться к *протоиерею Александру Гречушкину**. Оказалось, что батюшка разводит и выкармливает свиней, а на полученные от их продажи средства перестраивает приходскую территорию.

Побеседовав с о. Александром, я решил: раз другие батюшки так могут, почему и я не смогу?

Приступили к строительству свинарника в конце огорода, рядом с домом, в котором живет наша семья. Соорудили его «по последнему слову техники». Установили поилки, провели водопровод для мытья пола...

И началась обычная работа по разведению парнокопытных на домашней свиноферме. Заготовили корма и кормили животных по строгой технологии выращивания молодняка. В связи с тем, что все средства были затрачены на приобретение кормов и поголовья скота, что-то строить на выделенном хокимиятом участке не представлялось возможным. И как только появлялись какие-то финансы — мы все вкладывали в новое хозяйство. Так продолжалось в течение двух лет.

По окончании этого срока, когда подсчитали расходы и доходы, стало понятно, что эта наша затея не только не принесла дохода, но у нас даже не окупилась те деньги, которые мы вложили в свой «свинячий бизнес».

Пришлось опять думать: откуда взять средства на строительство храма? Раз уж приход у нас «не приход, а сплошной расход», а свинки нужных денег не принесли... И мы с матушкой решили ехать в Ташкент на прием к архиепископу Владимиру, за советом.

Выслушав наше дело, Владыка сказал, что «без благодетелей дела ваши успешно не пойдут».

* Настоятель храма во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в городе Янгиюль.

Совет Владыки был мудрым, и мы решили приступить к его выполнению на практике. Стали писать письма и обращаться ну буквально ко всем, кто мог бы нам хоть чем-нибудь, но помочь. И наши настойчивые поиски постепенно стали приносить результаты. И в Узбекистане и в России нашлись меценаты, которые помогли построить наш храм и украсить его. Дай им Бог здоровья на многая лета!

В один из дней матушка пришла в хокимият за очередной бумагой по выделению участка и случайно встретила в какой-то приемной с таким же «ходоком», как и сама. Разговорились. Он был очень удивлен, услышав, что мы собрались строить храм. Несколько раз приезжал посмотреть, как он сказал, на «непонятных для моего понимания людей». Все, мол, начали строить и возводить дворцы, а вы беретесь поднимать церковь. И это был первый наш благодетель — *Сергий**, протянувший руку помощи нашему храму.

В дни поисков благодетелей кто-то из наших прихожан подсказал нам, что на ташкентском заводе строительных материалов работает главным инженером наша землячка *Ольга Валентиновна Крештель*. Приготовив просительное письмо, отправились на поиски завода и его главного инженера. В самом деле, в районе улицы Волгоградской в Ташкенте мы нашли этот завод. Переговорили с директором и главным инженером о благотворительной помощи строящемуся в Газалкенте храму. Нам обещали помочь.

Через некоторое время раздался звонок с завода. Главный инженер О.В. Крештель приглашала меня приехать и уточнить некоторые детали для выделения благотворительной помощи. В итоге завод дал нашему приходу 100 квадратных метров кафеля и два автомобиля металлолома (старые конструкции из уголков сотого размера). Это были отходы от перестройки корпусов завода под новое оборудование.

Однажды, проезжая по Чирчику, я обратил внимание, что там есть строительная организация — Комбинат строительных материалов и конструкций. Узнал, где она находится, и обратился к директору с письмом о благотворительной помощи в строительстве храма в Газалкенте. Он прочитал наше обращение и говорит:

— Помогу вам стеновыми плитами, но вывозить будете своим транспортом.

— Спаси Вас, Господи!

Как будто у нас в церковном гараже стоит с полным баком солярки панелевоз-длинномер, чтобы вывезти плиты в двенадцать метров длины! Но согласился. А что было делать?

— А есть ли в Чирчике какая-нибудь организация, у которой были бы такие громадные машины?

— Есть, — отвечает директор.

— Где?!

— Автобаза номер десять.

Снова мы от прихода составили письмо. Теперь уже на автобазу. Нам не отказали — пообещали помочь.

— Подъемный кран плиты на заводе загрузит?

— Загрузит!

* К сожалению, мы так и не узнали его фамилию. Во всех записных книжках он у нас записан как Сергей Васильевич.

Дело — за малым. Чем и как их разгрузить, когда подвезу их к территории будущего храма?

В Газалкенте нахожу кран. Но нет солярки, чтобы заправить его.

Нашел двадцать литров.

У крана не работает гидроусилитель для подъема стрелы. Для его нормальной деятельности нужно веретенное масло.

Нахожу десять литров.

Остается только загрузить. Привезти. И, естественно, выгрузить.

Господи, благослови!

Услышал Господь! И помог!

Эпопея с поиском средств и с безуспешным свиноводством на два года отвлекла нас от благоустройства выделенной нам земли. Богослужения мы пока проводили в пожертвованном приходе небольшом доме на улице Есенина. А на выделенном участке одиноко стоял остов здания разобранный нами радиостанции...

Но теперь дело сдвинулось с мертвой точки и мы наконец-то смогли начать строительные работы. Показали специалистам-строителям здание радиостанции. Они подумали и пришли к выводу, что если достроить стены, то из выделенных нам заводом металлических ферм можно поставить четырехскатную крышу, а затем на нее установить барабан с куполом, и... церковь будет готова. А что еще надо! Быстро и дешево! Получился бы небольшой дом с маленькой луковкой наверху. В то время мы даже и не мечтали о чем-либо более масштабном. И еще не знали промысла Божьего! Но это будет потом ...

А сейчас мы принялись распускать металлические фермы, чтобы непосредственно приступить к выполнению нашей мечты. В то время у нас не было ни «болгарки» (циркулярной пилы для разрезания металла), ни хорошего сварочного аппарата, да и электроды были в таком дефиците, что приходилось ходить по производственным предприятиям, обращаться к сварщикам, выпрашивая хотя бы по одному десятку.

Так постепенно распустили фермы на уголки, а потом стали вести сборку будущей крыши церкви: из тех уголков попытались сделать ее каркас.

От прихожан я узнал, что есть в Барраже сварщик, уже на пенсии, но может нам помочь со сварочными работами. Нашелся еще один пенсионер, который проработал на стройке всю свою жизнь: он пообещал, мол, «крышу мы сделаем быстро». Но когда начали собирать воедино уголки, оказалось, что он спроектировал данную конструкцию в одной плоскости, а ведь крыше нужен скат для воды...

Пришлось заново искать специалиста и разрезать стыки ранее сваренной конструкции. Но в этот интересный момент денежные средства закончились...

Необходимо упомянуть еще об одном очень важном этапе — проектировании. Первоначально у нас не было никакого проекта. Просто решили строить «дом с крестом на крыше». На большее, как нам тогда казалось, и средств не хватит, и возможностей не будет. Но Господь судил иначе...

1999 год, очередная поездка в Епархиальное управление. Стоим, разговариваем с его сотрудниками о строительстве храма. Все священство и сотрудники знали, что строительство ведется с большими трудностями, и при встречах живо интересовались его ходом.

И вот стоим мы, разговариваем. Я и посетовал, что никак не могу найти архитектора для будущего храма.

— Так что же ты молчишь? — говорит вдруг бухгалтер *Елена Ивановна Филатова*. — У меня сосед — архитектор. Он давно меня просит: найди хоть кого-нибудь, чтоб мне церковь спроектировать.

Так я познакомился с будущим автором нашего храма — архитектором *Александром Викторовичем Дивиным*. С первых же минут нашей встречи этот обаятельный человек произвел на меня неизгладимое впечатление. И в последующие встречи он всегда встречал меня с открытой улыбкой на лице. Замечательный был человек!

В один из воскресных дней он приехал в Газалкент, чтобы осмотреть наш участок и «привязать к местности будущий проект». Осмотрев местность, Александр Викторович взял отпуск и в течение 24-х дней работал над нашим проектом. Время от времени мы с ним созванивались по телефону.

Прошел месяц. В один из осенних дней он приехал к нам и привез законченный проект. Когда развернули листы ватмана, то все присутствующие от удивления ахнули. И было от чего. Перед нами предстал великолепный проект настоящего собора. Трехалтарный храм! Просторный! Вместимость — 5 000 прихожан!

В ожидании похвалы архитектор стоял рядом с нами и улыбался.

— Всем хорош данный проект, — сдержанно сказал я, — но строить храм по этому проекту в городе Газалкенте мы не сможем. Столько прихожан, чтобы наполнить такой храм, не только в Газалкенте, но и во всем Бостанлыкском районе не наберется.

Да и в любом случае строительство пришлось бы приостановить в самом начале. Представьте себе храм, для возведения которого по проекту необходимо 988 000 (почти миллион!) единиц обожженного кирпича, по цене 9 000 сумов за штуку. А у нашего прихода тогда было на счету всего-то 100 000 сумов. И в будущем оплата коммунальных услуг и содержание такого огромного храма с прилегающей территорией ежегодно будут требовать гигантских денег. Где их взять?

И пришлось нам отказаться от этого варианта. Конечно, Александр Викторович обиделся, и это понятно. Более полугода он не звонил мне и не приезжал. И я тоже. Ну вот, наконец его обида прошла, стали перезваниваться. Созвонились в очередной раз. Он поинтересовался строительством:

— Строите? — спрашивает.

— Да, строим.

— Из чего?

— Из шлакоблоков.

— Да вы с ума сошли! Да как можно?! Завтра же сам приеду!

Как оказалось, шлакоблоки ни в коем случае нельзя использовать для строительства ответственных сооружений. Александр Викторович, приехав на следующий день, осмотрел стройку... И пообещал переделать свой первоначальный вариант в ближайшее время. И обещание выполнил. Сделал новый, наиболее подробнейший, проект, с указаниями по укладке кирпича и с инструкциями о выступах и углублениях на стенах. Как он сам говорил: «Ну, теперь даже слепой сможет выложить стены вашего храма».

Сегодня, когда гости приезжают в Газалкент, они собственными глазами могут увидеть то, что нам оставил после себя архитектор огромной творческой силы, Алек-

сандр Викторович Дивин, жизнь которого оборвалась внезапно на сорок девятом году жизни...

Теперь мы буквально бросились охотиться за кирпичами. Напечатав толстую кипу прошений о благотворительности, начали обходить все подходящие организации не только в Бостанлыкском районе, но и в Ташкенте и Ташкентской области. Искали кирпичи... и находили их! Постепенно стены храма начали подниматься.

И вот в связи с этой «охотой за кирпичами» мне хочется рассказать об одном эпизоде. В 2000 году, в один из ветренных декабрьских дней, мы с моим сыном Евгением вели вдвоем кладку забора. Вечерело. Осталось нам доложить несколько ведер раствора. Увлеченные работой, мы не сразу обратили внимание на человека, который стоял недалеко от нас и наблюдал за нашей работой.

— Вы здесь начальник? — спросил он.

— Я не начальник. Я священник.

И он рассказал причину своего прихода. А дело было так. Он и его сын Рашид шли мимо нашей стройки устраиваться на работу и дали обещание Богу: если устроимся, то с первой же зарплаты обязательно пожертвуем на строительство храма. И вот, получив первую зарплату, они принесли свою лепту нам. Когда мы пересчитали пожертвованные деньги, то пришли в изумление. В руках мы держали ту сумму, которая была необходима для покупки одной машины жженого кирпича! Ни рублем больше, ни рублем меньше!

Так постепенно у нас набиралось нужное количество кирпича. Теперь необходимо было подумать об устройении кровли. И здесь нам помогло еще одно чудо...

Уезжавших в Россию наших соседей Грюнеров дом купил *Ибрагим Усманович Эргашев*. Хочется сказать несколько слов об этом *православном* человеке. Я не оговорился. Хотя он и не крещенный, но жизнь его и поступки такие, какие должны быть у истинно православного человека. Ибрагим окончил Ташкентский авиационный институт и имел представление о сопромате и сооружении металлоконструкций. Когда встал вопрос о кровле, то я обратился к нему:

— Ибрагим, помоги, знаю, ты сможешь.

Ибрагим предложил прекрасный проект для крыши храма. И сделал трудоемкий расчет, на основе которого мы исполнили его задумку...

Здание будущего храма получилось почти квадратное. Мы решили на земле сделать крышу целиком и потом водрузить ее на стены, как головной убор. Нарезали уголки по размерам, начали сборку. Для того, чтобы солнце не прогревало крышу, слоями укладывали разные материалы (именно такой проект предложил Ибрагим). В начале из уголков собрали конструкцию для удержания прочих слоев. Затем положили слой из досок. Потом на доски уложили слой глины, замешенной с соломой, для связки. Сверху глины постелили слой бумаги, а уже на бумагу уложили стекловату. Следующий слой — опять из глины. Получилась конструкция типа «сэндвича».

Собрали, теперь надо было поднять все это на стены. Нашли подъемный кран...

Посмотрел крановщик груз и определил, что с такой конструкцией может совладать кран грузоподъемностью не менее 40 тонн. Вот еще одна проблема! А денег-то нет.

Господи помоги!

Нашел в Ташкенте монтажное управление, где было несколько таких подъемных кранов. Но там обещали помочь только через неделю...

Через неделю прибыл кран. Начали подъем. Стали подводить один край конструкции к закладным, чтобы сваркой приварить крышу к стенам. Выясняется, что неточно приварили монтажные «ушки» для подъема крыши. Подвешенная на крюках крыша во время подъема перекосилась. А высота стен — 10 метров. Строительных лесов нет. Монтажнику встать на стену невозможно — некуда наступить. Да еще крановщик поторапливает — ему ехать в Ташкент и к 5 часам надо быть в гараже.

Решили так: подводим одну из сторон ската крыши, привариваем, затем опускаем всю крышу.

Приступили к выполнению. Получилось!

В 2003 году мы наконец завершили строительство здания храма. В тот год я, по благословию митрополита Владимира, освятил храм иерейским чином. И произошло это событие 13 апреля, в самом начале Страстной седмицы, в день праздника Входа Господня в Иерусалим.

С тех пор у нас пошли совсем другие хлопоты. Надо было приобретать иконы для иконостаса, изыскивать для этого средства. Строить приходской дом, подсобные помещения, обустраивать разбитый рядом с храмом сад. И эта работа идет у нас до сего дня, конца и края ей не видно.

Колокол

В завершение повести о строительстве храма хочется рассказать историю о колоколе-благовесте, который нам пожертвовали из Ташкентского женского Свято-Никольского монастыря. Колокол этот был когда-то разбит и запаян, но голос у него чистый и гулкий.

Когда мы установили этот колокол на нашей «колокольне», к нам из Ташкента приехал ныне покойный *Владимир Плехухин*. Он в свое время делал оклады под иконы, оформлял иконостасы на разных приходах. И до сих пор во многих храмах Узбекистана можно видеть иконные оклады его работы.

Когда мы с ним поднялись на колокольню, он увидел пожертвованный колокол и спросил: знаю ли я историю этого колокола, как он был разбит и кто его запаял?

— А мне-то откуда все это знать. Мне об этом никто не рассказывал, — ответил я. И тогда он рассказал мне такую историю.

Было это в 1950-е годы. Прихожане Троицкого храма в Ташкенте (ныне Свято-Троице-Никольский женский монастырь) решили подремонтировать храм и построить колокольню (до того вместо колокола били в рельсу, привязанную к дереву). Подняли стены колокольни, заштукатурили, установили крышу, а вот колокола нет. Где взять в советское время церковный колокол? И вот нашелся смельчак, который предложил отлить хотя бы один колокол в Москве, привезти его в Ташкент и установить на колокольню. От такой фантастической идеи у многих (а в то время в это дело были посвящены только самые преданные православию) в «зобу дыхание сперло».

Надо сказать, что в то время машинист и кочегар заправляли паровоз водой и углем и ехали от Ташкента до Москвы одним экипажем, от станции до станции дозаправляя свой агрегат. А потому шанс привезти колокол в Ташкент, хоть и небольшой,

но все-таки был. Предварительно наши смельчаки нашли в Москве цех, где ночью, когда не было начальства, могли отлить колокол. А затем под покровом ночи загрузить его на дно тендера — места для угля в конце паровоза, — а сверху засыпать толстым слоем угля. Кто будет ворошить эту громадную кучу?..

Наконец, отлили колокол, благополучно довели до Ташкента. Загнали паровоз в один из цехов, под видом ремонта. Стали вручную разгружать... и в последний момент кто-то из мужчин не смог удержать груз, колокол сорвался и ударился о землю. И почти треть колокола отвалилась от удара. «Господи помилуй!» — вырвалось у кого-то...

— Ребята, я постараюсь его запаять, — сказал один из присутствующих на разгрузке. — Копайте яму!

Ночью начали копать, прямо в цеху.

— Несите дрова, да побольше. Разжигайте костер...

Когда от костра остались угли, начали опускать на край ямы колокол. Когда он нагрелся до нужной температуры, отвалившийся кусок приставили, и начал тот умелец специальной оловянно-медной мелкой пудрой засыпать шов колокола.

Работа уже подходила к концу. За окном все четче вырисовывалось в рассветной дымке соседнее здание.

— Можно заканчивать наше дело? — спрашивают специалиста.

— Нет! Если сейчас колокол поднять, то припаянная часть под собственным весом может отвалиться! Надо забросать яму с колоколом землей — не менее чем на сутки!

Новая проблема. Как объяснить начальству, что там под мусором лежит? Вечером уходили по домам — было ровное место. Пришли утром — непонятно что. Решили: не подпускать к этому месту ни одного человека, который бы мог их выдать...

Всю ночь не спали, такое пережили. А теперь и план рабочий надо выполнять, да и за колоколом наблюдать. Вот какие люди были, с таким крепким духом!

С нетерпением дождались конца второй смены, которая заканчивалась в одиннадцать часов вечера. Опять вручную загрузили колокол на автомобиль и на следующий день привезли в Троицкий храм. А уже здесь, не спеша, с молитвой, установили на давно приготовленное для «московского гостя» место.

А ныне этот, с таким трудом привезенный и запаянный колокол находится в нашем храме. И каждый, кто желает послушать его звон, может приехать в Газалкент и ударить в него. Прикоснуться к шраму на боку этого страдальца и героя нашего рассказа и убедиться, что это произошло не только на самом деле, но и совсем недавно — каких-нибудь 55 лет тому назад. И до сего времени колокол продолжает свое важное дело — созывает православных христиан на богослужение. Но теперь уже не в Ташкенте, а у подножия отрогов Тянь-Шаня.

Воскресная школа

Кто-то, наверное, может подумать: они там у себя в Газалкенте только строили и строили. Конечно, строительство и поиск благодетелей отнимали много времени. Но помимо стройки мы занимались также и организацией прихода. В частности, приходской воскресной школы.

В 1997 году, когда только был организован наш приход, мы пытались построить нашу

духовно-просветительскую работу главным образом со взрослым населением. Но вскоре начали слышать:

— А что нам даст ваша Церковь? Вот, к примеру (далее идет перечисление названий местных сект), у них гуманитарную помощь раздают, и денег подкидывают, и в поездки отправляют. А что нам даст ваше православие?

И тогда мы решили пойти другим путем. Елена Николаевна в то время была председателем районного Русского культурного центра, который из-за отсутствия собственного помещения располагался на территории храма. Здесь были все условия для занятий с детьми в различных кружках.

Поэтому мы и принялись в 2004 году открывать такие кружки: рисования и лепки, бисероплетения, кулинарии, вышивания, шитья, настольного тенниса, плавания, подвижных игр... Нужно было, чтобы люди перестали бояться Церкви. И когда нам поверили, то стали приводить своих детей на занятия.

Вначале осторожно, с любопытством, потом все уверенней «обживали» газалкентцы новое место. Некоторые родители приходили даже с претензией: «Почему не берете наших детей в группу?». Но количество детей доходило уже до 30 человек, мы физически были не в состоянии с такой массой управиться.

В 2008 году мы окончательно превратили наш клуб в Воскресную школу, где можно было получить не только практические уроки, но и узнать о Православной вере.

Сегодня в Воскресной школе обучается 15 детей. Занятия по изучению Закона Божьего и Священного Писания проводятся в разновозрастных группах. Кроме этого, есть часы, посвященные нравственному воспитанию, дающие элементарные познания по богослужению; демонстрируются видеофильмы.

Каждое лето организуем лагерь «труда и отдыха», в котором дети и отдыхают, и помогают по хозяйству в храме; стараемся вывозить наших питомцев в Ташкент, на экскурсии по разным музеям...

Престольный праздник на нашем приходе

Как известно, в день памяти своего небесного покровителя храмы отмечают престольный праздник. У нас на приходе «престол» празднуется 6 ноября (24 октября по старому стилю), в день памяти иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте».

В первый раз престольный праздник мы отпраздновали в 2003 году. Много было для нас непонятного. Мы с матушкой не знали положенных в этом случае традиций. Как проводят этот праздник, кого нам приглашать.

Снова отправились за советом к Алексею Петровичу Гречушкину. В то время он был старшим алтарником и уставщиком Успенского собора.

Алексей Петрович (а ныне отец Варфоломей) всегда расскажет, всегда научит и, если ошибешься в чем-либо, поправит тебя. Но сделает это ненавязчиво, пожурит — и сразу все неясное становится ясным, а сложное — понятным. Все теперешние послушники, диаконы и батюшки прошли «через его руки». Он, каким-то неведомым нам чувством, определял и давал характеристику каждому послушнику. Например, перед приездом в 1996 году в Ташкент Святейшего Патриарха Алексия II на празднование 125-й годовщины образования Ташкентской и Среднеазиатской епархии не-

обходимо было выбрать из всех студентов Духовного училища и послушников собора чтеца на торжественную службу. Отец Варфоломей, тогда еще Алексей Петрович, избрал сразу, не колеблясь, *Сергия Николаева* — и не ошибся. Тот прочитал шестопсалмие без единой ошибки — четко и ясно! А ответственность была большой — не каждый день приходится читать на всенощной, в присутствии Его Святейшества! В дальнейшем Сергей Николаев продолжил свое служение Богу в кафедральном соборе, а затем пополнил ряды среднеазиатского духовенства.

Так вот, прибыли мы к Алексею Петровичу с нашим вопросом. Он посоветовал поехать в Янгиюль, на приход к его брату — протоиерею Александру Гречушкину, на престольный праздник. Чтобы посмотреть, поднабраться опыта.

С трепетным чувством мы с матушкой прибыли на службу в янгиюльский храм во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших». Находясь на престольном празднике у отца Александра и матушки Раисы Гречушкиных, мы старались запомнить последовательность службы и почерпнуть все, что могло бы нам пригодиться.

И вот мы постарались провести свой первый «престол» так, чтобы порадовать и приехавшее к нам духовенство, и своих прихожан. И, конечно же, на свое первое престольное торжество пригласили отца Александра с матушкой и Алексея Петровича. С тех пор в этот день они — обязательные наши гости.

Обычно престольный праздник на нашем газалкентском приходе проходит в таком порядке. 6 ноября — в день иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» — в нашем храме служитя торжественная литургия, в сослужении с приглашенным духовенством. После нее — крестный ход вокруг храма и молебен. Затем все гости и прихожане приглашаются в трапезную, для участия в обеде.

А после обеда — торжественное собрание. Обычно мы заранее составляем небольшой сценарий. Распределяются роли, которые будут исполнять почти все присутствующие. Свое маленькое выступление готовят и дети из Воскресной школы: поют песни, декламируют стихи.

Немного уставшие после праздничной службы, гости, послушав песни и стихи, сами иногда просят слова и говорят теплые пожелания всем присутствующим.

Завтра опять начнутся будни с повседневными заботами и постоянными житейскими проблемами, а сегодня ... а сегодня у нас праздник!

Наблюдая в день престольного торжества за собравшимися за праздничной трапезой и на торжественном собрании, мы видим в глазах у каждого теплоту и приподнятое, радостное состояние души. А это — самая большая благодарность всем тем, кто старался приготовить трапезу и представление. Наверное, самое главное, для чего мы с вами живем свой короткий век, это хоть чем-то помочь и угодить ближнему своему и Богу. А что может быть превыше этого?

Дневники Николая II*

Июль 1905 года

1-го июля. Пятница.

Утро было теплое и хорошее. Завтракал Булыгин¹. Принял Витте², кот[орый] едет в Вашингтон уполномоченным для ведения мирных переговоров с Японией^{**}. Гулял под дождем. Милица и Стана³ пили у нас чай. Они вернулись вчера из Крыма. Принял Абазу⁴. Читал до 8 час. Обедали вдвоем в приемной. Вечер провели дома.

2-го июля. Суббота.

Погода поправилась. Были обычные три доклада. Завтракал Борис, вернувшийся из отпуска за границу. Поехал к Н.Н. Ломену⁵, который лежит больной. Недолго поиграли в теннис. В 6 1/2 поехали ко всеобщей. В 8 час. отправились на Знаменку^{***} к обеду. После приехала Стана. Пробыли там до 11 1/2.

3-го июля. Воскресенье.

Отличный теплый день. Были у обедни и завтракали на Ферме^{****}. От 2 1/2 до 5 час. играли в теннис. Дядя Владимир⁶ пил с нами чай. Долго занимался. После обеда хорошо покатались.

4-го июля. Понедельник.

Утром пришла «Зарница»^{*****} с Анастасией⁷. Она заехала к нам и затем отправилась в Гатчину. Был очень занят до часу. Аликс⁸ поехала в Царское Село. Завтракал Ресин⁹ (деж.). Ездил верхом. День был чудный. Дети купались в море перед домом. Покатались в байдарке. Обедали на балконе.

* Продолжение. Начало в №№ 15—26. Все примечания, начиная с № 25, подготовлены ВС.

** Когда в июне 1905 года президент США Теодор Рузвельт предложил свое посредничество в примирении России и Японии, С.Ю. Витте был назначен главным уполномоченным по ведению мирных переговоров и 6 июля выехал в Вашингтон. В результате 23 августа 1905 года был подписан Портсмутский мирный договор.

*** Знаменка — усадьба возле Петергофа.

**** Фермерский дворец, или Ферма, — один из небольших дворцов Петергофа; построен при Николае I.

***** «Зарница» — паровая яхта, принадлежавшая великому князю Михаилу Александровичу.

5-го июля. Вторник.

С 4 час. утра до 10 час. лил дождь. Затем погода сделалась солнечная и теплая. Между докладами принял Витте и простился с ним.

Завтракал Дерфельден¹⁰, вернувшийся с мобилизации в Волынской губ[ернии]. В 3 1/2 поехали на Сергиевку*, где посетили Юрия¹¹ и Стану. Вернулись домой к чаю. Читал. После обеда в первый раз покатались в электрическом катере и попали под теплый дождь одиночной тучи. Занимался долго.

6-го июля. Среда.

Стоял чудный день. Имел большой прием на Ферме. Завтракал Княжевич¹² (деж.). Принял еще совместный доклад Оболенского¹³ и Линдера¹⁴. Гуляли. Получил от Вильгельма¹⁵ предложение повидаться теперь; предложил ему Бьорке**. Обедали на балконе. Покатались на электрическом катере. Долго занимался вечером.

7-го июля. Четверг.

Ночью шел дождь, прекратившийся к часу дня. Завтракали: Миша¹⁶ и Чагин (деж.)¹⁷. Играли с успехом в теннис, хотя было очень жарко. После чая долго читал. Обедали на балконе. Покатались. Ольга¹⁸ и Петя¹⁹ заезжали вечером.

8-го июля. Пятница.

Сегодня наступила здоровая жара. Утром были разные доклады. Завтракали: Булыгин и кн. Орлов (деж.)²⁰. Читал до 3 1/2 час. Аликс ходила с детьми в воде; затем погуляли вдвоем. До обеда успел выкупаться в море. В 9 час. приехали Ольга и Соня²¹. Хотел покатавать их на электр[ическом] катере, но из-за грозы пришлось отменить прогулку.

9-го июля. Суббота.

Жара была здоровая. Утром был очень занят до часу. Завтракал дядя Алексей²². Приняли 10 раненых из приюта Георгия***. Недолго играли в теннис, так как подходила гроза, ливень был очень сильный. К чаю приехала тетя Маруся²³. Много читал. Купался до обеда. Занимался также и вечером.

10-го июля. Воскресенье.

Встали в 9 час. жаркой погодой с темными тучами. После ранней обедни простился с дорогой Аликс и детьми на Ферме и отправился с Мишей на «Александрии» в Кронштадт. Ровно в час вышел на «Полярной Звезде»**** в Бьорке, куда прибыл в 4 часа. Стали на якорь у ост[рова] Равица****. Были две грозы с сильнейшим ливнем, но

* Сергиевка — усадьба и парк в Петергофе на границе с Ораниенбаумом.

** Бьорке (Бьёрке; ныне г. Приморск Ленинградской области) — город на берегу Финского залива; около него 11(24) июля 1905 г. произошла встреча Николая II с германским императором Вильгельмом II.

*** Приют в память Марии, Екатерины и Георгия. Был учрежден с высочайшего разрешения 10 марта 1867 г. на средства принца П.Г. Ольденбургского. Первоначальное название приюту было дано в память Екатерины и Марии — умерших дочерей П.Г. Ольденбургского. В 1871 г. к названию приюта было добавлено имя умершего сына Георгия.

**** «Полярная звезда» — императорская яхта; на ее борту, в царском салоне, отделанном инкрустированным деревом, был подписан русско-германский Бьоркский договор.

***** Один из островов Бьоркского архипелага (ныне Березовых островов) в северной части акватории Финского залива.

температура очень приятная. С 7 час. ожидали прихода «Гогенцоллерна»*, кот[орый] запоздал на два с 1/2 часа. Он подошел во время нашего позднего обеда. Вильгельм приехал на яхту в отличном расположении духа и пробыл некоторое время. Затем он отвез Мишу и меня к себе и накормил поздним обедом. Вернулись на «Полярную» только в 2 ч.

11-го июля. Понедельник.

Проспал подъем флага и встал в 9 1/4. Погода была солнечная, жаркая, со свежим SO. В 10 ч. прибыл Вильгельм к кофе. Поговорили до 12 ч. и втроем с Мишей отправились на герм[анский] крейс[ер] «Берлин»**. Осмотрел его. Показали арт[иллерийское] учение.

Завез Вильгельма к нему и вернулся на «Полярную». Было полчаса отдыха. В 2 часа у нас был большой завтрак. Слушали музыку Гвар[дейского] Эк[ипажа]*** и разговаривали все время стоя до 4 1/2. Простился с Вильгельмом с большой сердечностью. Снялись в 5 час. одновременно и до маяка Веркомоталы шли вместе; затем разошлись. Миша пошел на новом минном крейс[ере] «Украина»****, кот[орый] перегнал «Полярную» на 17 1/2 узл. ходу, идя 24 узл. ходом. Пришел в Кроншт[адт] отличным вечером в 9 час. На «Александрии» прибыл в Петергоф в 10 час. Аликс встретила нас у морских ворот. Вернулся домой под самым лучшим впечатлением проведенных с Вильгельмом часов!

12-го июля. Вторник.

С утра жизнь вошла в обычную колею. Радостно было увидеть детей, но не министров. Завтракал Александр Лейхтенбергский²⁴ (деж.). Поехали на Сергиевку навестить тетю Марусю. Вернулись в 4 1/2 и поиграли в теннис. Читал долго. Обедали в 8 1/2 на балконе. Вечер провели дома.

13-го июля. Среда.

Чудная теплая погода. Утро было занятое. После доклада довольно большой прием на Ферме. Завтракали одни с детьми. Сделал мою любимую прогулку верхом через Настолово и Бабигон****. Занимался до 8 час. Обедали на балконе и вечером прогуляли.

* «Гогенцоллерн» — немецкая яхта, на которой прибыл в Бьорке Вильгельм II.

** «Берлин» (Berlin) — военный крейсер, построенный в 1903 году в серии из семи крейсеров, названных в честь главных городов Германии. Эти корабли строились по образцу предыдущей серии крейсеров типа «Gazelle», но имели более мощную силовую установку и большую толщину броневой палубы. В июле «Берлин» сопровождал императорскую яхту «Гогенцоллерн» на переговоры в Бьорке. В 1935 г. был переоборудован в блокшив.

*** Гвардейский экипаж — военно-морская часть русской императорской гвардии.

**** Минный крейсер, построенный на заводе «Ланге и сын» в Риге и спущенный на воду в марте 1905 года. В середине мая «Украина», установив свои минные аппараты и артиллерию, провела на Бьоркском рейде первые минные стрельбы.

***** Деревни Петергофского уезда; места прогулок и охоты императорской семьи.

14-го июля. Четверг.

Отличный день с легким морским ветром. Был занят до часу. Дядя Владимир завтракал. Играли долго в теннис. Отец Иоанн²⁵ приехал к нам и пил у нас чай. Много читал. После обеда покатались на электрич[еском] катере. Узнал грустную весть о кончине П.П. Гессе²⁶ в Киссингене, куда он поехал с семьей лечиться.

15-го июля. Пятница.

Такой же ясный день. После доклада поехал с Аликс в Верхний парк; около Большого дворца было производство юнкеров старших классов Михайловского и Константиновского арт[иллерийского] и Николаевского инж[енерного] училищ.

Заехали к Н.Н. Ломену, которому гораздо лучше; он нас встретил в дверях. Завтракали с детьми.

В 2¹/₂ поехали на панихиду по Гессе в Придворный собор. Ездил верхом. После чая принял Абазу. Вечером покатались на электр[ическом] катере.

16-го июля. Суббота.

День был довольно занята. После завтрака принимали раненых матросов в числе 30 чел[овек], возвратившихся из Порт-Артура и Владивостока. Вернулся домой, переоделся и отправился на Бабигонскую охоту. Приняли участие: д. Владимир, Николаша²⁷ и Петя. Я убил 64 утки. Всего около 200. Обедали на балконе. Вечером долго принимал Трепова²⁸ с докладом.

17-го июля. Воскресенье.

Простоял чудный день. В 11 час. поехали к обедне и завтракали на Ферме. Дядя Миша²⁹ и Анастасия приехали к нам. Играл в теннис с 3¹/₄ до 5 час. Дядя Владимир, т. Михень³⁰ и т. Евгения³¹ приехали к чаю. Обедал Андрей³² (деж.). Покатались на электр[ическом] катере, Андрей на своем. Заехали к Милице, кот[орая] не совсем здорова, и, конечно, остались очень долго.

18-го июля. Понедельник.

После докладов приняли четырех судовых священников, которые были в отряде Небогатова³³ и вернулись из Японии после Цусимского боя. Завтракал Борис (деж.). На Ферме приняли 34 раненых матроса, большей частью без руки или без ноги. Такие молодцы на вид! Сделал неудачный визит дяде Мише и Анастасии, не застав их дома. Катался в байдарке и видел раненых матросов, возвращавшихся в Петербург на «Онеге». После чая занимался много. Покатали Бориса на электр[ическом] катере. Вечером опять усиленно занимался.

19-го июля. Вторник.

Памятный день прославления преподобного Серафима*. Был занят буквально целый день с 10 час. утра. Завтракал Княжевич (деж.). Аликс уехала в Царское.

* 19 июля (1 августа) 1903 г. состоялась канонизация преп. Серафима Саровского, через 70 лет после его преставления. В день рождения святого с великим торжеством были открыты его мощи и помещены в приготовленную раку. В Сарове при огромном (до 150 000 человек) стечении народа и с участием царя и членов императорской фамилии прошли «Саровские торжества».

В 2 часа в Купеческой зале Б[ольшого] дворца был отслужен молебен и затем в Совещании под моим председ[ательством] началось рассмотрение проекта учреждения Государ[ственной] Думы. Заседание длилось почти до 7 час. Вернулся в несколько размягченном виде домой и сейчас же пошел гулять. Обедали в 8 ¹/₂ на балконе. Читал. Поехали на Знаменку и по обыкновению засиделись.

20-го июля. Среда.

Погода была чудная. Утром было два доклада и небольшой прием. Завтракали: т. Маруся, Стана и Юрий. Принял еще Рихтера³⁴. Сделал отличную прогулку на Троске*. Был виден в канале перед СПб** большой пожар — горел английский пароход, нагруженный нефтью и другими маслами. Дым подымался огромною черною тучею.

21-го июля. Четверг.

С утра шел дождь. Завтракали: Петя (деж.) и гр. А.П. Игнатьев³⁵. В 2 часа поехал во дворец на второе заседание Совещания, которое затянулось до 7 ¹/₂. Мама³⁶ переехала из Гатчины. Обедали у нее с тетей Ольгой и другими. Занимался дома.

22-го июля. Пятница.

День стоял отличный, со свежим SW***. Поехали к Мама и затем к обедне. Не помню столько народа в церкви. Завтракали на Ферме. Гуляли вдвоем. Поехали на Сергиевку к т. Марусе. Элла³⁷ приехала с Марией³⁸ и Дмитрием³⁹. Они пили у нас чай. Занимался. Обедали у Мама в 8 ¹/₄. Вечер провели на Знаменке; вернулись поздно.

23-го июля. Суббота.

Довольно тяжелый день. В 9 час. отправились в город. На платформе нашего павильона была отслужена лития по П.П. Гессе, и затем гроб его был вынесен из вагона. Шествие пошло в А[лександро-]Н[евскую] лавру. Сейчас же вернулись в Петергоф. Принял три доклада. Мама завтракала у нас. В 2 ¹/₂ началось третье заседание Совещания в Б[ольшом] дворце и продолжалось до 7 ¹/₄. После обеда покатали Аликс, Эллу, Марию и Дмитрия в электрич[еском] катере. Вечер стоял чудный.

24-го июля. Воскресенье.

Великолепный день. Были у обедни, за которой многим сделалось дурно из-за жары. После завтрака принял П.В. Жуковского⁴⁰ с кн[язем] Львовым⁴¹ по делам училища Ваяния и Художества**** в Москве. Играл с Мишей и офицерами в теннис. Пили чай под грибом у моря. Обедали у сетки с Мама. Провели вечер на Знаменке.

25-го июля. Понедельник.

Жара стояла поразительная, и тишина моря также. После завтрака поехал во Дво-

* Кличка лошади.

** Санкт-Петербург.

*** Юго-западный ветер.

**** Точнее «Училище живописи, ваяния и зодчества». В 1905 г. стало высшим учебным заведением.

рец на СовеЩание, кот. продлилось до 7 час. Вернувшись, покатался в байдарке. Вечером [катались] вместе на электрическом катере.

26-го июля. Вторник.

Ночью было несколько гроз. День был такой же жаркий, как вчерашний. Во время прогулки зашел к Мама. Имел три доклада. Простился с Эллой, Марией и Дмитрием; они поехали с Аликс в Царское и вечером в Москву. Завтракал Булыгин. В 2 ³/₄ поехал на последнее заседание СовеЩания, в котором окончили рассмотрение вопроса об учреждении Госуд[арственной] Думы. Вернулся домой в 7 ³/₄ и сейчас же поехал с Аликс к Мама к обеду. Затем читал у себя. Вечером побывали на Знаменке.

27-го июля. Среда.

Стоял отличный день с сильным SW и прохладнее предшествующих двух. Утро было занятое. Завтракал Гейден⁴² (деж.). Днем был, к счастью, свободен — без утомительных заседаний. Играли в теннис. Читал много. После обеда тоже занимался долго.

28-го июля. Четверг.

Встали до 6 час. хорошим утром. Поехали в Красное Село на моторе кн[язя] Орлова⁴³. За нами близко следовали: Мама, Ксения⁴⁴, Ольга и Сандро⁴⁵, Миша, Гейден (деж.) — все на разных автомобилях.

Дав тревогу в Конной гвардии, в Кирасирском Ее Вел[ичества] полку и на глав[ной] гауптвахте, поехали на тройке в большой лагерь. Следуя вдоль передней линейки, дал тревогу в первых пяти полках, после чего вернулся в Красное, сел на Троску и отправился на Военное поле. Почти все войска были уже там или подходили. Здоровался с ними. Объехав всю кавалерию и конную артиллерию, стал перед валиком, и прохождение началось. Войска представились блестяще. К концу смотра подошел Измайловский полк, поспевший прийти с маневра. Возвратились в Красное до 11 час. У Миши был ранний семейный завтрак. Посетили вдвоем лазарет т. Михень для раненых. В 2 часа поехали в Гатчину кружным путем мимо Царского. Осмотрели лазарет Мама для раненых. Затем отправились в казармы 23-й арт[иллерийской] бригады на проводы уходящей на войну новой батареи. Уехали из Гатчины по жел[езной] дор[оге] и прямо с вокзала в Петергоф на учебный плац, где были выстроены тоже уходящие в поход: полуэскадрон и сотня полевого телеграфа. Полк[овник] Ухин Уланского полка сформировал их и заведует ими. Напутствовал обе части. Были дома в 7 час. Застали детей до сна. Занимался усиленно до 8 ¹/₂. Обедали на балконе. Вечер провели дома довольные, но усталые.

29-го июля. Пятница.

Ночью шел дождь; утром погода поправилась. В 11 ¹/₄ поехали в Красное к большому завтраку для начальства. Затем долго осматривали военный госпиталь. Уехали в 4 часа в Петергоф с Мама и т. Ольгой. Накрапывал дождь. После чая принял Госуд[арственного] Секр[етаря] бар[она] Иксуля и затем засел за дела. Обедали в 8 ¹/₂. Вечером побывали на Знаменке.

30-го июля. Суббота.

Знаменательная для нас годовщина рождения нашего «маленького сокровища»⁴⁶. Утром приняли с ним депутацию Атаманского полка, кот[орая] поднесла ему образ. Он сам полез на руки вахмистру.

За обедней причастили Алексея. Были доклады. Завтракала т. Маруся. В 2 1/2 приняли 60 чел[овек] увечных раненых. Погуляли вдвоем. Анастасия пила у нас чай и простилась. Читал и отвечал на телеграммы. Мама обедала у нас. Занимался большую часть вечера. Была гроза — дождь лил долго.

31-го июля. Воскресенье.

Стало прохладнее. Дул SW, вода была очень высокая. В 11 час. поехали к обедне. Завтракали на Ферме. Принял Ламздорфа⁴⁷. Играли в теннис. До и после обеда много занимался. Аликс ездила к Стане на Сергиевку. Легли пораньше.

ПРИМЕЧАНИЯ (ПЕРСОНАЛИИ)

¹ Александр Григорьевич Булыгин (1851–1919) — министр внутренних дел (январь–октябрь 1905 г.); статс-секретарь (1913), обер-шенк Двора (1916).

² Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — граф (с 1905 г.), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906), член Государственного совета (с 1903 г.).

³ Анастасия Петрович-Негош (семейное имя — Стана; 1868–1935) — принцесса Черногорская, герцогиня Лейхтенбергская и русская великая княгиня. Дочь короля Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич. По желанию родителей училась в Смольном институте в Петербурге. Супруга Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского; позже — супруга великого князя Николая Николаевича. Милица Николаевна (1866–1951) — принцесса Черногорская и русская великая княгиня. Супруга великого князя Петра Николаевича.

⁴ Алексей Михайлович Абаза (1853–1915) — контр-адмирал (1901); в свите Его Императорского Величества с 1902 г. 13 июня 1905 г. отчислен от должности управляющего делами «Особого комитета по Дальнему Востоку» за упразднением последнего, с оставлением в свите императора.

⁵ Николай Николаевич Ломен (1843–1909) — капитан 1 ранга, командир фрегата «Память Азова», впоследствии командир яхты «Полярная звезда», генерал-адъютант, адмирал.

⁶ Владимир Александрович Романов (1847–1909) — великий князь, третий сын Александра II. Президент Академии художеств (1876–1909); главнокоманду-

ющий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905).

⁷ Анастасия Михайловна Романова (1860–1922) — великая княжна, дочь великого князя Михаила Николаевича («дяди Миши»).

⁸ Александра Федоровна Романова (при рождении принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатрис Гессен-Дармштадтская, семейное имя — Аликс; 1872–1918) — императрица, супруга Николая II (с 1894 г.).

⁹ Алексей Алексеевич Ресин (1866–?) — флигель-адъютант (1904).

¹⁰ Христофор Платонович Дерфельден (1851–1909) — генерал-майор свиты императора, флигель-адъютант (1877), генерал-адъютант (1896).

¹¹ Георгий Максимилианович Романовский (семейное имя — Юрий; 1852–1912) — 6-й герцог Лейхтенбергский, светлейший князь, член Российского императорского дома (с титулом «Императорское Высочество»), генерал-адъютант. Первый муж Анастасии (Станы), принцессы Черногорской.

¹² Дмитрий Максимович Княжевич (1874–1918) — штабной офицер для поручений при главнокомандующем Петербургского военного округа.

¹³ Николай Леонидович Оболенский (семейное имя — Котя; 1878–1960) — князь, в 1905 г. состоял в свите императора.

¹⁴ Константин Карлович Линдер (1836–1908) — статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского.

¹⁵ *Вильгельм II* (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский; 1859–1941) — германский император и король Пруссии (1888–1918).

¹⁶ *Михаил Александрович Романов* (1878–1918) — великий князь, четвертый сын Александра III, младший брат Николая II; российский военачальник, генерал-лейтенант (1916), генерал-адъютант (1905); член Государственного совета (1901).

¹⁷ *Иван Иванович Чагин* (1860–1912) — морской офицер, капитан 2-го ранга, участник Цусимского сражения.

¹⁸ *Ольга Александровна Романова* (1882–1960) — великая княгиня, младшая дочь императора Александра III, сестра Николая II, во время описываемых событий — супруга П.А. Ольденбургского («Пети»).

¹⁹ *Петр Александрович Ольденбургский* (Георг Фридрих Петр, 1868–1924) — герцог Ольденбургский, единственный сын князя Александра Ольденбургского и Евгении Максимилиановны, урожд. герцогини Лейхтенбергской; первый муж великой княгини Ольги Александровны, сестры Николая II.

²⁰ *Владимир Николаевич Орлов* (1868–1927) — граф, помощник начальника Военно-походной Его Императорского Величества канцелярии (1901). Флигель-адъютант (1903), полковник (1904).

²¹ *София Гогенцоллерн* (1870–1932) — кронпринцесса Греческая и Датская, дочь принца Прусского Фридриха (будущего императора Фридриха III), супруга греческого принца Константина, который приходился ей четвероюродным братом (оба были праправнуками Павла I).

²² *Алексей Александрович Романов* (1850–1908) — великий князь, четвертый сын Александра II. Член Государственного совета (1881), генерал-адмирал (1883), адмирал (1888), генерал-адъютант (1880).

²³ *Мария Максимилиановна Романовская* («тетя Маруся», 1841–1914) — принцесса Баденская, урожденная княжна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, жена принца Вильгельма Баденского.

²⁴ *Александр Георгиевич Романовский* (1881–1942) — князь, 7-й герцог Лейхтенбергский, член Российского Императорского Дома (с титулом «Его Императорское Высочество»), полковник, флигель-адъютант.

²⁵ *Иван (Иоанн) Леонтьевич Янышев* (1826–1910) — с 1883 г. до своей смерти состоял духовником императорской фамилии и замещал должность протопресвитера придворного духовенства (до 1906 г.); член Святейшего Правительствующего Синода (с 1905 г.).

²⁶ *Петр Павлович Гессе* (1846–1905) — генерал-адъютант (1896). В 1889 г. зачислен в свиту императора. С 1896 г. до конца жизни состоял дворцовым комендантом.

²⁷ *Николай Николаевич (Младший) Романов* (1856–

1929) — великий князь, первый сын великого князя Николая Николаевича (Старшего), внук Николая I; генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии (1900).

²⁸ *Дмитрий Федорович Трепов* (1855–1906) — генерал-майор (1900), генерал-майор свиты (1903), сын петербургского градоначальника генерала Трепова.

²⁹ *Михаил Николаевич Романов* (1832–1909) — великий князь, четвертый и последний сын Николая I; генерал-фельдмаршал (1878), генерал-фельдцейхмейстер (1852). Председатель Государственного совета (1881–1905).

³⁰ *Мария Павловна Романова* (при рождении Мария Александровна Элизабета Элеонора, семейное имя — Михень; 1854–1920) — герцогиня Мекленбург-Шверинская, великая княгиня, супруга великого князя Владимира Александровича.

³¹ *Евгения Максимилиановна Романовская* (1845–1925) — светлейшая княжна, герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Ольденбургская.

³² *Андрей Семенович Жуков* (? –1916) — флигель-адъютант, полковник Собственного Его Величества Конвоя.

³³ *Николай Иванович Небогатов* (1849–1922) — контр-адмирал, с января 1905 г. — командующий 1-м отдельным отрядом судов Тихого океана. Участвовал в Цусимском сражении. После выхода из строя флагмана принял командование эскадрой. 15 мая 1905 г. сдал японскому флоту броненосцы «Император Николай I», «Орёл», «Генерал-Адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин». По возвращении в Россию за сдачу в плен приговорен судом к смертной казни, замененной десятью годами крепости; в 1909 г., после 25 месяцев тюремного заключения, помилован Николаем II.

³⁴ *Оттон Оттонович Рихтер* (1871–1920) — барон, контр-адмирал, участник Цусимского сражения.

³⁵ *Алексей Павлович Игнатъев* (1842–1906) — граф, в 1905 — председатель Особого совещания для пересмотра установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений и Особого совещания по делам веротерпимости.

³⁶ *Мария Федоровна Романова* (при рождении Мария-София-Фредерика-Дагмара, принцесса Датская, 1847–1928) — российская императрица, супруга Александра III, мать Николая II.

³⁷ *Елизавета Федоровна Романова* (при рождении Елизавета Александра Луиза Алиса; семейное имя — Элла; 1864–1918) — принцесса Гессен-Дармштадтская; супруга великого князя Сергея Александровича, великая княгиня. Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве, почетный член Императорской Казанской духовной академии (с 1913 г.). (См. в этом номере ВС «Любящая Вас тётя Элла»).

³⁸ *Мария Николаевна Романова* (1899–1918) — великая княжна, третья дочь Николая II.

³⁹ *Дмитрий Павлович Романов* (1891–1942) — великий князь, первый сын великого князя Павла Александровича и греческой принцессы великой княгини Александры Георгиевны, двоюродный брат Николая II. С рождения оставшись без матери, воспитывался в семье великого князя Сергея Александровича.

⁴⁰ *Павел Васильевич Жуковский* (1845–1912) — художник-архитектор, действительный член Академии художеств (1893). Сын поэта В. Жуковского.

⁴¹ *Алексей Евгеньевич Львов* (1850–1937) — гофмейстер. В 1896—1917 гг. был директором Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

⁴² *Петр Александрович Гейден* (1840–1907) — граф, член I Государственной думы.

⁴³ *Орлов Владимир Николаевич* (1868 (1869?)–1927) — князь, генерал-лейтенант; заведовал военно-походной канцелярией императора.

⁴⁴ *Ксения Александровна Романова* (1875–1960) — великая княгиня, дочь Александра III, сестра Николая II, супруга великого князя Александра Михайловича.

⁴⁵ *Александр Михайлович Романов* (семейное имя — Сандро; 1866–1933) — великий князь, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I.

⁴⁶ *Алексей Николаевич Романов* (1904–1918) — наследник цесаревича и великий князь, пятый ребенок и единственный сын Николая II.

⁴⁷ *Владимир Николаевич Ламсдорф* (также *Ламздорф* или *Ламбсдорф*; 1844–1907) — граф, дипломат, министр иностранных дел (1900–1906).

«Любящая тебя тетя Элла...»

Письма великой княгини Елизаветы Феодоровны великим княжнам Татьяне, Анастасии, Марии и Наследнику Цесаревичу Алексею

От редакции. Несколько месяцев назад митрополитом Ташкентским и Узбекистанским Викентием была передан в редакцию ВС диск, содержащий отсканированные копии писем преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. Тогда же владыка Викентий благословил публикацию этих писем на страницах нашего журнала в рубрике «Династия: к 400-летию Дома Романовых». К слову, эта рубрика также была создана по благословлению владыки, в предыдущем своем служении в качестве правящего архиерея Екатеринбургской епархии (на территории которой находятся места казни и погребения царской семьи*) много сделавшего для прославления памяти этих святых новомучеников.

Будущая великая княгиня Елизавета Феодоровна родилась 1 ноября 1864 года в Дармштадте. Она была второй дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и великой герцогини Алисы — дочери английской королевы Виктории. При рождении была названа Елизаветой Александрой Луизой Алисой Гессен-Дармштадтской; имя Елизавета она получила в честь святой Елизаветы Тюрингской. Выйдя замуж за великого князя Сергея Александровича, она переехала в Россию и приняла православие.

Вскоре после гибели мужа, Московского генерал-губернатора, от бомбы террориста Каляева (4 февраля 1905 года) она приняла решение уйти в монастырь. 9 апреля 1919 года Елизавета Феодоровна стала монахиней основанной ею тогда же Марфо-Мариинской обители в Москве. Наравне с остальными сестрами этой обители она помогала бедным, ухаживала за ранеными и больными, занималась благотворительностью.

Весной 1918 года она была заключена под стражу и выслана из Москвы в Пермь. В мае ее вместе с другими представителями дома Романовых перевезли в Екатеринбург, а затем, через два месяца, отправили в город Алапаевск. В ночь на 5 (18) июля 1918 года великая княгиня Елизавета Феодоровна была убита большевиками — сброшена в шахту Новая Селимская, в 18 км от Алапаевска.

В 1992 году она была прославлена в лике святых Русской православной церкви.

Вплоть до последнего времени обширное эпистолярное наследие великой княгини Елизаветы Феодоровны не привлекало внимания историков и не было опубликовано. В 2011 году ситуация, к счастью, изменилась: Православным сестричеством во имя преподобномученицы Елизаветы прекрасно издан целый том переписки великой княгини**. В него вошли письма к императрице Марии

* См. в этом номере ВС раздел «Новостные страницы Виталия Столярова».

** Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны [сост. Т.В. Коршунова, Е.Н. Панкратова, О.С. Трофимова; публ., перев. Т.В. Коршуновой; комм. О.С. Трофимова; оформл. В.П. Коршунова]. — М.: Православное сестричество во имя преподобномученицы Елизаветы, 2011. — 432 с. (Далее упоминаются как «Письма...»).

Феодоровне, государю Николаю Второму, его дочери, великой княжне Ольге Николаевне, великим князьям Сергею и Павлу Александровичам, княгине З.Н. Юсуповой и князю Ф.Ф. Юсупову-младшему.

Ниже публикуются письма великой княгини Елизаветы Феодоровны, не вошедшие в этот сборник. Это — ее письма остальным детям Николая Второго: великим князьям Татьяне, Анастасии, Марии и Наследнику Цесаревичу Алексею. Как правило, письма эти короткие — что и понятно: их адресатами в большинстве случаев были дети, сами только что научившиеся читать и писать... Тем не менее, и эти, порой незатейливые, послания представляют исторический интерес, позволяют — так же, как и публикуемый на страницах нашего журнала дневник Николая Второго, — лучше понять исторический и культурный фон начала прошлого века, семейный быт последней царской семьи. Кстати, несмотря на всю близость к императорской чете, великая княгиня открыто не одобряла приближение ко двору Григория Распутина.

Все публикуемые ниже письма представляют собой надписанные открытки (в двух случаях — телеграммы); большое место среди них занимают пасхальные поздравления. Можно заметить, как по мере взросления адресатов великой княгини более серьезным становится тон ее посланий. Особо стоит отметить поздравления, отправленные в Пасху 1917 года — уже после отречения Николая Второго, когда великие княжны оказались на положении пленниц. «Ныне вся исполнится света, небо же и земля и преисподняя: да празднует убо вся тварь восстание Христово, в немощи утверждается» — утешает Елизавета Феодоровна великую княжну Татьяну словами из пасхального тропаря...

Все письма — кроме одного — написаны по-русски. Русский язык великая княгиня стала осваивать уже после замужества (ее родными были немецкий и английский, а также, естественно, французский). Это иногда ощущается и в орфографии и стилистике ее писем, которые мы не рискнули исправлять. Как она сама шутливо признавалась в письме великой княжне Ольге Николаевне (от 19 июля 1910 г.), «нельзя скрывать своих недостатков, даже если они выглядят смешными, и у старой тетушки их много, среди прочих — правописание хромает...» («Письма...», с. 254). Единственное, что мы позволили себе сделать, — привести тексты в соответствие с нормами современного правописания.

После текста каждого письма дается описание документа, а также, в некоторых случаях, пояснения упомянутых в нем реалий.

Некоторые из открыток воспроизведены на обложке журнала.

К великой княжне Татьяне Николаевне (1897–1918)

1.

Москва, 18 окт[ября] 1907 г.

Благодарю Тебя, милая моя Татиана, и вас всех сердечно обнимаю. Мы все здоровы — погода дождливая, после чудесных солнечных дней. Мария и ее Дмитрий в восторге от Крыма — погода была дивная, они купались, ездили верхом и очень веселились. Даст Бог мы скоро приедем вас всех дорогих навестить — у вас большое горе было — Слава Богу, никто не пострадал и Полярную Звезду можно починить. Поцелуй Софью Ивановну и Трину. Очень рада, что вам рассказали о нашем путешествии в Саров, было так хорошо. Мы все четверо Вас обнимаем — Миссис Джун очень кланяется. Вильгельм здесь, это большая радость для Марии. Она уже хорошо говорит по-шведски и он теперь учится по-русски у Георгия Михайловича —

До свидания — да хранит вас всех Господь

«Любящая тебя тетя Элла...» Письма великой княгини Елизаветы Феодоровны...

Ф. 651, оп. 1, д. 70, л. 1-2 об.

Близкое по содержанию письмо было отправлено в тот же день и старшей дочери императора, великой княжне Ольге Николаевне («Письма...», с. 248—249).

Мария и ее Дмитрий... — Мария Павловна-младшая Романова (1890—1958), великая княгиня, дочь вел. кн. Павла Александровича, двоюродная сестра Николая Второго; была на попечении вел. кн. Сергея Александровича и вел. кн. Елизаветы Феодоровны. В первом браке (1908—1914) за принцем Шведским Вильгельмом (см. ниже: «*Вильгельм здесь, это большая радость для Марии...*»). Дмитрий Павлович Романов (1891—1942) — великий князь, младший брат Марии Павловны-младшей.

...у вас большое горе было... — 11 сентября 1907 г. яхта «Штандарт» (в письме ошибочно названа другая императорская яхта, «Полярная звезда») с императорской семьей на борту наткнулась на скалы во время плавания. Благодаря герметическим отсекам и мерам, принятым командой, яхта не затонула и вскоре была взята на буксир проплывавшим мимо финским судном.

Поцелуй Софью Ивановну и Трину... — Софья Ивановна Тютчева (1869—1957) — внучка поэта Ф.И. Тютчева, фрейлина, сотрудница вел. кн. Елизаветы Феодоровны; воспитательница дочерей Николая Второго; позже, в 1912 г., удалилась от двора в связи с влиянием Распутина. Трина — Екатерина Адольфовна Шнейдер (1856—1918), преподавала русский язык вел. кн. Елизавете Феодоровне, императрице Александре Феодоровне, обучала детей Николая Второго. Сопровождала императорскую семью в Екатеринбурге. Расстреляна; канонизирована Русской Православной Церковью за рубежом (1981).

...о нашем путешествии в Саров... — В Сарове Елизавета Феодоровна впервые побывала в июле 1903 года в связи с торжественным прославлением преподобного Серафима Саровского. В письме из Сарова она писала: «...Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру. Казалось, мы живем во времена земной жизни Спасителя. И как молились, как плакали — эти бедные матери с больными детьми, и, слава Богу, многие исцелялись». С тех пор она часто бывала в Сарове.

Мы все четверо Вас обнимаем... — Вел. кн. Елизавета Феодоровна с племянниками и принцем Шведский Вильгельм.

Миссис Джун очень кланяется... — Евдокия Федоровна Джунковская (1856 или 1859 — 1935) — сестра московского губернатора Д.Ф. Джунковского (1865—1938), фрейлина вел. кн. Елизаветы Феодоровны. Заведовала церковными сборами в пользу Особого комитета ее имп. выс. вел. кн. Елизаветы Феодоровны.

...учится по-русски у Георгия Михайловича... — Георгий Михайлович (1863—1919), великий князь, сын вел. кн. Михаила Николаевича; генерал-лейтенант.

2.

+

18 дек[абря] 1911 г.

Да хранит тебя Господь дорогая Татьяна — старая московская тетя крепко обнимает тебя.

Элла

Ф. 651, оп.1, д. 71, л. 1 об.

Открытка «Старина Москвы. В тереме царя Алексея Михайловича. Столовая XVII века».

3.

+

<апрель > 1914 г.

Darling Tatiana a thousand thanks for your sweet work

Thank tenderly Olga, Maria & Anastasia for their sweet cards.
Three Easter kisses repeated ones and ones again to you all —
Your loving aunt Ella

Ф. 651, оп. 1, д. 71, л. 3 об.

Перевод: «Дорогая Татиана тысяча благодарностей за твою прелестную работу
Поблагодари сердечно Ольгу, Марию и Анастасию за их прелестные открытки.
Три пасхальных поцелуя повторяют снова и снова вам всем —
Ваша любящая тетя Элла»
Открытка с видом лондонского Парламента.

4.

+

<без даты>

В[еликой] К[няжне] Татьяне Николаевне

Господь с Тобою. Молитвенно со всеми Вами. Погода осенняя, была архиерейская служба 6-го и кругом монастыря Крестный ход, очень трогательно — 30,000 народа много в своих костюмах — Тетя Элла

Крепко обнимаю

Ф. 651, оп. 1, д. 71, л. 7 об.

...была архиерейская служба... — о какой службе пишет Елизавета Феодоровна, установить не удалось. Судя по лицевой стороне документа — открытки с фотографией псковской церкви св. Георгия со Взвоза, — упомянутое событие могло иметь место во Пскове.

5.

+

<без даты>

Для Татьяны

О как хорошо играют эти милые старички! Как трогательно!

Надеюсь, вы все здоровы

Обнимаю — Господь с Тобою

Твоя Тетя Элла

Ф. 651, оп. 1, д. 71, л. 9 об.

Открытка с репродукцией картины В.Е. Маковского «В четыре руки».

6.

+

<Начало апреля> 1917 г.

Ныне вся исполнится света, небо же и земля и преисподняя: да празднует убо вся тварь восстание Христово, в немощи утверждается.

Татиане Николаевне.

Ф. 651, оп. 1, д. 71, л. 302-2 об.

Ныне вся исполнится света... — Из пасхального тропаря.

«Любящая тебя тетя Элла...» Письма великой княгини Елизаветы Феодоровны...

Пасху 1917 г., которая пришлось на 2 апреля (по старому стилю), императорская семья встретила под арестом в Александровском дворце Царского Села. По приказу А.Ф. Керенского общение членов семьи было ограничено, значительно сократилось число приближенных, которые присутствовали на Богослужении и разделяли пасхальную трапезу царской семьи.

Открытка с репродукцией картины на сюжет «Христос в Еммаусе» (Лук. 24, 29-31); художник не указан.

К великой княжне Марии Николаевне (1899—1918)

7.

+

< Начало апреля > 1917 г.

Теците и миру проповедуйте, яко воста Господь, умертвивый смерть, яко есть Сын Бога, спасающаго род человеческий.

Марии Николаевне

Ф. 685, оп. 1, д. 43, л. 10 об.

Теците и миру проповедуйте... — слова из Пасхального канона Иоанна Дамаскина (Ипакои, глас 4-й).

Открытка с изображением жен-мироносиц у пустого гроба (Мат. 28, 1-7; Мар. 16, 1-8; Лук. 24, 1-8; Иоан. 28,1); художник не указан.

8.

+

< без даты >

И льется радость нам с небес: Христос Воскрес! Христос Воскрес!

«Иисус говорит ей: Мария! Она обратившись говорит ему: Раввунни!»

Свет Христов освещает Всех

Ф. 685, оп. 1, д. 43, л. 19 об.

Иисус говорит ей... — Явление воскресшего Иисуса Христа Марии Магдалине (Иоан. 20,16). Раввунни — учитель.

К великой княжне Анастасии Николаевне (1901—1918)

9.

1909 — 1910 гг.

Дорогая Анастасия! Да сохранит тебя Господь везде и во всем. Любящая тебя Тетя Элла.

Ф. 683, оп. 1, д. 10, л. 1 об.

Открытка с прологом Евангелия от Иоанна в английском переводе.

10.

<без даты>

Крепко обнимаю. Твоя Элла.

Ф. 683, оп. 1, д. 10, л. 2 об.

J.K.H. Gross Furstin Anastasia Nikolaivna

Wolfsgarten bei Darmstadt

(Перевод: Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Анастасии Николаевне.

Вольсфартен под Дармштадтом)

Открытка с изображением котенка. Дата на штемпеле неразборчива.

11.

<без даты>

Для Анастасии

Сколько комаров, ты думаешь, эта Красная шапочка поймала?

Крепко обнимаю,

Господь благослови Тебя

Твоя тетя Элла

Ф. 683, оп. 1, д. 11, л. 5 об.

Почтовая открытка с репродукцией картины Ф. Сычкова «Маков цвет».

12.

+

<без даты>

Для Анастасии

Христос Воскресе! Три раза целую —

Тетя Элла

Ф. 683, оп. 1, д. 11, л. 7 об.

Почтовая открытка с репродукцией картины Г. Нарбута «От заутрени».

К Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу (1904–1918)

13.

+

Москва 4-го Авг[уста] 1914 г.

Милый Алексей

Да укрепит тебя на жизненном подвиге Св[ятой] Вел[ико]мученник] Георгий поборник веры и правды, и да поможет он тебе быть опорой твоим Родителям и светлым лучом для нашего дорогого отечества. Этот подарок мой к твоему десятилетию принадлежал дяде Сергею, который всей душой любил и служил твоему дорогому Отцу — он наверно за тебя молится и ты вспомни его в твоих молитвах.

Любящая тебя Тетя Элла.

«Любящая тебя тетя Элла...» Письма великой княгини Елизаветы Феодоровны...

Ф. 682, оп.1, д. 65, л. 1-2 об.

...принадлежал дяде Сергею... — мужу Елизаветы Феодоровны, великому князю Сергею Александровичу, погибшему в 1905 году. О каком подарке идет речь в письме, установить не удалось (возможно — иконе или другом изображении св. Георгия — см. начало письма).

14.

Императорский телеграф в Петергоф[ский] Дворец

Телеграмма № 38517

«31» слов

Подана в Москве 29 июля 1914 г. в 5 ч. 22 м. по п[олу]д[ни]

Получена в Петергофе 29 июля 1914 г. в 6 ч. 36 м. по п[олу]д[ни]

Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу

ДАЙ БОГ ЧТОБЫ ТВОЙ НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ ИОАНН ВОИН ПОМОГ НАШЕМУ
ПОБЕДОНОСНОМУ ВОИНСТВУ НАШИ ДОРОГИЕ КИЕВЦЫ УЖЕ МОЛИТВЕННО С ТОБОЙ
ДА ХРАНИТ ТЕБЯ ГОСПОДЬ ОБНИМАЮ КРЕПКО ЕЛЛА

Ф. 682, оп. 1, д. 66, л. 1.

Иоанн Воин — святой, живший в V в. Память его совершается 30 июля (12 августа) — в день рождения цесаревича Алексея Николаевича.

15.

Императорский телеграф в Ставке Верховного Главнокомандующего

Телеграмма № 34117

«14/15» слов

Подана в Москве 30 июля 1916 г. в 8 ч. 17 м. по п[олудни]

Получена в Ставке 30 июля 1914 г. в 11 ч. 15 м. по п[олудни]

Наследнику Цесаревичу Великому Князю Алексею Николаевичу

Всею душою молитвенно с ТОБОЮ.

ТЕТЯ ЭЛЛА.

Ф. 682, оп. 1, д. 66, л. 2.

Наверху рукой Цесаревича текст ответа: «Отв[ет] 1/VIII. От всей души благодарю Тебя, милая Тетя Элла, за молитвенный привет. Крепко целую. Будь Господом хранима».

Публикация Е. Абдуллаева.

Наталья СЕЛУЯНОВА

Семейная хроника Селуяновых

Наталья Александровна Селуянова родилась в Ташкенте 13 февраля 1904 года. Закончила ташкентскую гимназию Гориздро, свободно владела немецким и французским языками. С 1918 по 1923 годы работала в Туркестанской публичной библиотеке (сейчас Национальная библиотека Республики Узбекистан им. А. Навои). Поступила в Восточный институт, слушала лекции В.В. Бартольда. В 1923 году умирает ее мать — Александра Евгеньевна Николаева, заведовавшая детским отделом библиотеки (похоронена на ташкентском Боткинском кладбище). В этом же году семья Селуяновых переезжает в Ленинград.

В Ленинграде Наталья Александровна вышла замуж, родила двух дочерей. Долго не могла устроиться на работу. И была очень рада, когда ее пригласили работать в Библиотеку им. Салтыкова-Щедрина — знаменитую «Салтыковку» (сейчас Российская национальная библиотека). Работая — «служба», как говорили в то время, — в отделе иностранной литературы, Наталья Александровна описывала книги на немецком, французском, английском, арабском, узбекском и фарси. В Ленинграде она продолжила учебу в Институте восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки), где слушала лекции выдающихся востоковедов — того же Бартольда и Е.Э. Бертельса.

В библиотеке Наталья Александровна проработала всю свою жизнь — не прерывая работу даже в дни ленинградской блокады. (Она была награждена медалью «За оборону Ленинграда»). Ее старшая дочь, Людмила Михайловна, работала в Салтыковке библиографом до самой пенсии.

...В августе 1991 года я, до этого уже полгода состоявшая с Селуяновой в переписке, вместе с заведующей научно-исследовательским отделом Библиотеки им. А. Навои приехала в Петербург. Наталья Александровна жила в районе Озерков. Застали мы ее серьезно больной: незадолго до этого у нее случился микроинсульт. Она уже не вставала, но была в сознании и могла говорить. Самым неожиданным для нас оказалось то, как она приняла наши скромные ташкентские дары: дыню, фрукты, юсуповские помидоры. Она плакала и целовала каждую виноградинку, дыню... Беседа длилась недолго. Наталья Александровна расспрашивала нас о Ташкенте, о нынешней жизни в Узбекистане. Вспоминая свое детство, больше всего рассказывала о прогулках по Старому городу: узкие улочки, глиняные дувалы с яркими маками... «К серому дождливому Питеру я так и не привыкла...».

В конце беседы она подарила нам первый том своих воспоминаний, дневниковых записей и писем. Много страниц в нем посвящено жизни в Ташкенте.

Через полгода, в феврале 1992-го, Натальи Александровны не стало.

Воспоминания Н.А. Селуяновой печатаются по этой машинописной рукописи (316 стр., односторонняя печать). В этом номере ВС публикуется первая глава, где представлены воспоминания отца Натальи Александровны, А.Н. Николаева, охватывающие период с 1882 по 1902 годы, когда он со своей молодой женой (будущей матерью Н.А. Селуяновой) переехал в Ташкент. Эти воспоминания ярко и непосредственно воссоздают жизнь и быт Петербурга на рубеже веков; особенно интересны страницы, посвященные паломничеству на Валаам. Стиль и особенности пунктуации сохранены.

Ольга Илюшкина

Предисловие

Я начала разбирать свои эпистолярные архивы еще в 1953 г. и понемногу начала писать эти воспоминания, которые, в подражание С.Т. Аксакову, назвала «Семейная хроника».

Следует сказать, что без моего редактора — глубокоуважаемой и дорогой Ксении Александровны Ракитиной, «Семейная хроника» не была бы представлена на суд моих потомков. Редактором проделана большая работа: было отброшено много лишнего (по ее мнению!), загромождающего текст; написаны почти все преамбулы и, наконец, весь этот большой материал перепечатан ею собственноручно, а потому нет слов для выражения моей самой искренней признательности.

Решение закончить «Хронику» 1968-м годом не исключает в дальнейшем написания моих отдельных воспоминаний (о путешествиях, о людях и т.д.), которые, возможно, составят третий том «Хроники».

О моих, уже подросших, внуках лучше меня напишет Милочка (и Кс[ения] Ал[ександровна] так же считает), которая не только отлично пишет, но и постоянно и с большой любовью следила за успехами детей (как раньше в школе, так и теперь, когда они уже учатся в институтах).

Кончая, могу сказать вместе со Стивенсоном: «Меня охватило гнетущее предчувствие... Мне пришло в голову, что я могу остаться не только первым читателем этих страниц, но и последним, что, быть может, я напрасно проложил путь в этот весьма приятный уголок — никто не последует за мной сюда»*.

А впрочем, как хотите.

ГЛАВА I. НАЧАЛО СЕМЬИ

Первая глава нашей семейной хроники представляет собой воспоминания моего отца, в сущности являющегося родоначальником семьи. Эти воспоминания, по моей просьбе, написаны им уже в старости. Писал он от случая к случаю — связный текст не везде получился.

Мой отец, Александр Николаевич Николаев, прожил долгую, трудовую жизнь, несмотря на то, что постоянно болел и отличался очень хрупким здоровьем. Он родился 16 июля 1877 года и остался сиротой уже в пятилетнем возрасте. Отца он не помнил, а мать, умершую в 26 лет от туберкулеза, помнил смутно. С трех лет его взял к себе и воспитывал дядя — Иван Петрович Зайцев, чиновник, служивший в канцелярии Академии Художеств.

Свои воспоминания А.Н. Николаев озаглавил: «Из прошлого. Жалкие попытки и никому не нужные».

* Р.Л. Стивенсон. «Путешествие вглубь страны». Предисловие к первому изданию. (Здесь и далее — примечания ВС).

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Пожар (1881-1882 гг.)

...Вскоре случился пожар. Меня, сонного, в одеяле, тетка тащит в чужой дом. Оказывается, проснулись от криков и дыма. Хозяин мелочной лавки, что была под нами, поджег лавку. Дом был деревянным, лестница тоже, — еще немного, и все было бы охвачено пламенем, и я бы сгорел, но ангел-хранитель мой подослал какого-то гражданина заинтересоваться — почему ночью в лавке свет — и поднять тревогу.

Дядя работал в Академии Художеств, куда мы переехали вскоре после пожара, — здесь я и вырос.

Дядя — чудесный человек, привил мне любовь к искусству. Тетка — его жена — добрая по природе, была в подчинении у меня, а не я у нее.

Поездки по Ладожскому озеру (1888-1893 гг.)

Писать свои мемуары я не собираюсь, так как они вряд ли кому интересны, но кое-какие эпизоды мне самому интересно вспомнить, так как они навсегда заложили в моей душе любовь к милой северной природе.

Итак, это было ранней порой моей жизни. Раньше мы жили лето или в городе или на даче под Петербургом (Парголово), а потом тетя стала ездить со мной в Коневский* (и изредка в Валаамский) монастырь. Поездка туда стоила недорого, и не нужно было везти с собой никаких вещей или продуктов. Приезжающие в монастырь имели все готовое: комнату, мебель, обед, самовар, услуги и т.д. Оплата производилась опусканием денег в кружку при отъезде. Выезжали мы обыкновенно в июне. Пристань помещалась у Смольного монастыря. Пароход отходил вечером. Путешествие вверх по Неве (около 60 верст) само по себе было большим удовольствием — красивые берега, величественная река, чудный воздух, — и все же хотелось скорее доехать до озера. Не дожدهшься, бывало, пока покажется Шлиссельбург. Наконец, пароход проезжает Шлиссельбургскую крепость и выходит на просторы Ладожского озера. Первый раз впечатление для меня было новое и грандиозное. Безграничный простор, небо сливается с водой, и они отражают друг друга. Пароход идет вдоль западного берега на север, временами почти около берега, так что видишь леса и поселки, а то удаляется и плывет среди водного простора. Не нагладишься на картину, которую представляет озеро в лунную ночь, но хорошо ехать и белой ночью.

Раза два пришлось ехать в шторм. Смотришь, как пароход лезет на водяную гору, а с нее ухает куда-то вниз.

В III классе, то есть на палубе, ехал простой люд: крестьяне-богомольцы, странники, монахи. Придешь туда и видишь: кто спит, кто ест, кто что-нибудь делает, а иные, собравшись в кружок, слушают рассказы какого-нибудь словоохотливого странника. Тут тебе расскажут и про Петра Великого, и про разные чудеса, и про отшельника в Сибири, который был Александром I, и другие, часто страшные рассказы. Во всяком случае, здесь общество было для меня интереснее, чем во втором классе, которым ехали мы с тетей.

* Коневский Рождество-Богородичный монастырь — православный мужской монастырь на о. Коневец в западной части Ладожского озера. Основан преп. Арсением Коневским.

К Коневцу пароход подходил обыкновенно рано утром следующего после отъезда дня. Это — плоский песчаный остров, покрытый лесом, расположенный вблизи западного берега Ладожского озера. Обычно мы на Коневце и останавливались. Здесь было проще — не было таких строгостей, как на Валааме, например, обязательно ходить в церковь, не курить и т.д. Здесь нас все знали и встречали как старых знакомых.

Приезжающие шли в гостиницу; их было две — деревянная и кирпичная. Номер, то есть меблированная комната, обычно очень большая, с двумя окнами. Мебели было много — кровати, диваны, столы, кресла.

Отведут номер, послушник подаст самовар, сбегает за молоком и булками, которые можно было купить в монастыре. И вот, наступает мое блаженство. Хочешь купаться — пожалуйста, кругом острова (около 17 верст) чудесный пляж. Можешь идти бродить по лугам и лесам, собирая ягоды или грибы. Интересно посмотреть на рыбную ловлю, погонять с берега тюленей, погрести сено на покосе. Порой заглянешь и в церковь. Живешь на полной свободе, так как тетка, по доброте своей, не проявляла надо мной никакой власти. Бродишь, упиваясь воздухом, который, как букет, пахнул ароматами разных трав, цветов, грибов, смешанными со смолистым запахом сосны и клейким запахом березы. Дышишь полной грудью и надышаться не можешь. Одним словом, я чувствовал себя там как рыба в воде.

Тете обед подавали в номер. Послушник в определенный час стучал в дверь со словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Надо было сказать: «Аминь», и тогда он открывал дверь и вносил, по утрам самовар, в 12 часов — поднос с обедом.

Я же предпочитал обедать в трапезной, где на одной половине стояли столы для монахов, а на другой — для прихожан. За столом размещалось 14 человек: на стол ставились две большие миски. Сначала подавали щи с головизной, на второе — гречневая каша с постным маслом. До чего все это казалось мне вкусным! Черного хлеба подавали так много, что он оставался. На столах всегда стояли графины с домашним хлебным квасом. После обеда всем давали по фунтовому куску (примерно, гр. 400) ситного хлеба.

Завелся у меня там приятель — отец Иннокентий, иеромонах — чудесной души человек, очень меня любивший. Он уже был пожилой человек (около 50 лет). Мы с ним договорились, что кто из нас раньше умрет, должен явиться другому в доказательство, что есть загробная жизнь. Спустя 30 лет я был болен паратифом, и, лежа больной, вспомнил об этом обещании и подумал, что теперь, наверное, отец Иннокентий уже умер, а мне не явился. И, подумав, я незаметно задремал, и совершенно отчетливо увидел его, уже в одежде схимонаха. «Милый, тебе собираться пора». А я, не будь дурак, спросил: «Хуже или лучше на том свете?» — «Там жизнь и лучше и красивее здешней». Но все оказалось сонным видением — я поправился.

Раза два мы ездили на знаменитый остров Валаам (80 верст от Коневца). Это скалистый остров. Подъезжая, издали видишь прямоугольный абрис монастырской церкви и острый шпиль колокольни. Как сам монастырь на острове, так и многочисленные скиты на других, маленьких островках, отделенных от главного небольшими проливами, представляют собой большую художественную ценность. Монастырь являлся объектом бесконечных паломничеств.

Меня очень интересовала судьба этих монастырей за время революции и войн. И, наконец, в 1949 г. я прочитал книгу Мариэтты Шагинян «По дорогам пятилетки» (Изд. Профиздата, 1948 г.), из коей узнал, что на Валааме сейчас расположен совхоз «Пит-

каранты» и что этот ценнейший русский памятник, жутко пострадавший во время войны, погибает от сырости, фрески буквально осыпаются с его стен. Про Коневец ничего не знаю, но, вероятно, его судьба одинакова.

Воскресные развлечения

В воскресные дни обед у тети подавался рано. Обед был лучше, чем в будни, причем, по установленной традиции, пеклось три пирога: с капустой, с мясом или вязигой, и большая, а то и две ватрушки. Тетя была мастерица стряпать, и сейчас я облизываюсь при воспоминании о ее ватрушках. Продуктов не жалелось.

Про себя скажу, что я был избалованная дрянь, с фокусами, а тетя — добрейшая старуха, танцевала по моей указке. «Супу или котлет я есть не буду, там лук. Пирога с рыбой я есть не буду», и т.д. И со слезой в голосе, что не учитывается мой вкус, только, мол, о себе заботятся (хорош!), я обычно «кротко» смирялся, кроме тех случаев, когда протестовал против рыбы, — тут уж обязательно устраивал истерику.

Обычно в воскресенье, пообедав, мы с дядюшкой подумывали, как бы нам развлечься. Летом мы старались соединить загородную прогулку с концертом, а потому обычно ездили или в Павловск на концерты, предварительно нагулявшись по дворцовому парку в Царском Селе (Пушкине), или в Петергоф с теми же целями.

В Павловске в детские годы я наслаждался хорошей музыкой и часто слушал концерты (Главач*, Штраус**). Здесь же в буфете, на одном концерте, какой-то господин угостил меня вином, и я в поезде лыка не вязал. При поездке в Петергоф гуляли по берегу Финского залива и по парку, любясь его фонтанами и статуями.

Зимой ходили в театры, либо в Александринский на драму, либо в Мариинский на оперу, а чаще всего, по соображениям экономического порядка, в Василеостровский общедоступный театр.

Балаганы

А на маслянице — какое удовольствие пойти на балаганы на Марсовом поле. В воздвигнутых колоссальных сараях-театрах Лейферта и Малафеева***, а также других, шли сногшибательные пьесы: «Скобелев, или взятие Плевны», «Завоевание Америки»

* *Войцех Иванович Главач* (1849—1911) — органист, дирижер и композитор. В 1871 г. приехал в Петербург, где служил органистом в Мариинском театре, затем дирижировал концертами в Павловске (1882—1886) и др.

** *Иоганн Штраус-сын* (1825—1899) — австрийский композитор, дирижер и скрипач, автор многочисленных танцевальных произведений и нескольких популярных оперетт.

*** *Абрам Петрович Лейферт* — петербургский антрепренер, владелец балаганного театра «Развлечение и польза». *Василий Малафеевич Малафеев*, купец 2-й гильдии, владелец театрального балагана в Петербурге, основной конкурент А.П. Лейферта. Об этих балаганах пишет в своих воспоминаниях также известный художник М. Добужинский: «Я с восторгом смотрел на огромные полотнища — вывески балаганов — целые картины, где были простовато нарисованы и неизбежная «Битва с кабардинцами», и храбрый «Белый генерал» (у Николаева — «Скобелев, или взятие Плевны» — Е.А.), скачущий в порохом дым на белом коне, а внутри этих балаганов слышались пальба, трубные сигналы, музыка и барабаны. На других же балаганах, поменьше, красовались изображения львов и тигров с человекоподобными свирепыми физиономиями, шпагоглотатели, эквилибристы, вольтижеры, великаны и лилипуты, даже итальянские арлекины и пульчинеллы — эти персоны каким-то чудом еще жили в Петербурге моего детства! Самые большие балаганы, Лейферта и Малафеева, бывали полны народа, у их боковых деревянных стен были прилеплены лестницы, которые всегда были черны от людских очередей, ожидающих впуска в «раек»» (*Добужинский М.* Петербург моего детства (Памяти моего отца). Цит. по: emsu.ru/lm/cc/d1.NTM). (Прим. ВС).

ки» и др. Пушки палят, колокола звонят, лошади скачут, все орут, пахнет порохом. Все 24 удовольствия за 20 копеек. А деда посмотреть и слышать, как он, показывая громадные часы, говорит, что их заводить — надо за Нарвскую заставу заходить. Или пьеса о купце, который, несмотря на предупреждение жены, говорит: «Чёрт меня возьми», и как его черти, действительно, забирают, и как он в аду мучается — все это в трех действиях.

А карусели, а гром музыки, а шум, а запах оладьев, сбитня и прочее и прочее.

Поездки в Зоологический сад*

А вот одно из наших летних воскресных походов. Итак, представьте, к примеру, 1890 год. Чудный солнечный Петербургский день, где, если день удачный, так он уж, действительно, удачный. Веют зефиры. Мы решили осчастливить своим присутствием Зоологический сад. Большое удовольствие было проехаться по Неве на финляндском пароходике от Академии Художеств до Петроградской стороны. Я всегда в этих случаях занимал место на носу парохода, любясь ширью и блеском воды. Перед глазами развевалась изумительная по красоте панорама. Но, позвольте! Больно скоро шагаю. Мы еще дома, в Академии Художеств. Прощаемся с теткой, которая из-за больных ног (ревматизм) никуда, кроме как на рынок, не ходила, и идем до набережной, садимся на пароходик и едем по Неве вдоль Васильевского острова до Дворцового моста, а затем поворачиваем к Петроградской стороне, проплывая широчайшее зеркало Невы, где она делится на Большую и малую Неву. Более 60 лет прошло, а все еще слышу, как ветерок гладит мои щеки, как ноздри вдыхают влажный запах какого-то аромата, свойственного морским просторам, смешанного с не менее приятным запахом перегорелого машинного масла. Я чувствую себя морским волком, но, увы, уже Кронверкская набережная, надо вылезать. Жаль, но впереди еще много интересного, потому прочь тоску, прочь печаль. Вперед!

С парохода панорама Петербурга такова, что, сколько я ни ездил, налюбоваться не мог: Академия, Исаакий, Адмиралтейство, Биржа, крепость, дворцы; по самой Неве скользили лодки, буксиры, баржи, пароходы. Это, кажется, единственный в мире город по красоте набережной и реки. Налюбовавшись видом, мы высаживаемся и быстро добираемся до Зоологического сада. До него — два шага.

Вы, конечно, думаете, что это зверинец. Да, отчасти, но главное в нем — развлечения. Народ ломится — 30 копеек за вход, но у дяди были в такие сады бесплатные сезонные билеты. Мы входим в сад и, пока еще представления нет (то есть, до 4 или 6 часов, точно не помню), идем смотреть зверей, хотя все было уже раньше неоднократно осмотрено. Зверей много, и осмотр занимал часа два. Меня особенно занимали медведи, слон, обезьяны и птицы. В это время в саду играл духовой оркестр, обычно Восьмого Флотского Экипажа. Послушав музыку, сидя на скамеечке, мы потом занимали места за оградой, отделяющей платные места перед открытой сценой, и, прослушав еще симфонический оркестр, дожидались представления. Сначала давались

* Санкт-Петербургский зоосад (ныне Зоологический парк), первый столичный зоопарк России, был открыт на территории Александровского парка. В 1880-е годы, когда в Зоосаде бывал Николаев, коллекция Зоосада насчитывала более 1100 экземпляров животных. Средства для поддержания коллекции поступали от коммерческой части сада — ресторана и театра.

два отделения с цирковыми номерами — клоуны, музыкальные эксцентрики, жонглеры, эквилибристы и т.д. Артисты были все заграничные, первоклассные. В антракте опять бросались слушать симфонический оркестр (надо сказать, очень хороший). В перерыве между номерами выступали разные хоры (тирольцы и др.), или играли на народных инструментах (например, гудошники), но гвоздь представления был около 8-9 часов, когда на открытой сцене ставили какую-нибудь феерию со всякими ухищрениями, вродедвигающегося и терпящего затем крушение поезда, кораблекрушений и пр. Я помню феерию «80 дней вокруг света» с передвижными декорациями, страшной пещерой, полной удавов, в которой засыпают путешественники. Сердце от страха готово было выскочить, когда зашевелились змеи.

Представления сопровождалось струнным оркестром. Но, к сожалению, в 12 часов все кончалось, и мы, усталые и довольные, возвращались на свой Васильевский остров. А ночь теплая, мягкая, светлая, как день. Эх! Где вы, светлые те ночи, мне вас не вернуть, и молодость тоже.

Театры

Театр! Как много в этом слове моих радостей слилось!

Первый раз совсем маленьким, 7-8 лет, меня водили в Большой театр (в Петербурге) на оперу «Волшебный стрелок»*. Прошло более 60 лет, а я еще помню отдельные сцены, настолько сильно было впечатление. Кстати сказать, этот театр, отличавшийся великолепной акустикой, в конце прошлого столетия был сломан и вместо него построено здание Консерватории с безобразной театральной залой. Говорят, что это дело рук А. Рубинштейна.

Через несколько лет началось увлечение местным Василеостровским театром. Деревянный театрик в саду, где была открытая сцена, эстрада, оркестр, вечером — фейерверк. А в театре шли мелодрамы, вроде: «Две сиротки», «За монастырской стеной». Смотришь, волнуешься, сердце замирает. Или пьесы: «Ванька-ключник — злой разлучник». Идем, бывало, с дядей домой и ссоримся. Одному (мне) понравилось, а другому (дяде) — нет.

Когда я подросток, мое театральное образование пошло по двум линиям: с одной стороны, опереточное, так как дядя летом имел бесплатный билет в сад на Офицерской улице**. А затем уже я часто бывал в Мариинском театре на опере и балете. Какое удовольствие было для меня, когда приходилось дежурить по ночам в очереди за билетами, согреваясь в зимнее время в специальном павильоне, где всю ночь горели в жаровне дрова. С трепетом ждешь результатов и либо возвращаешься домой счастливым, с билетами, хоть не на оперу, а на балет, либо огорченный при неудаче, когда не досталось дешевых билетов.

* «Волшебный стрелок» (*Der Freischutz*) — опера Карла Марии фон Вебера, либретто Иоганна Фридриха Кинда по одноименной новелле Иоганна Августа Апеля и Фридриха Лауна.

** В Демидовом саду на Офицерской улице в 1879 г. в саду открылся Зимний кафешантан «Фоли-Бержер», а в 1882 г. на Офицерской ул., 35, был выстроен Зимний театр. Летом на открытой сцене «Театра Немецки» выступали песенники, чтецы, эстрадные артисты; зимой в теплом каменном театре, построенном по проекту арх. Н.В. Дмитриева и выходящем фасадом на Офицерскую ул., обычно давали опереточные и драматические спектакли в постановке комика С.К. Ленни.

На балет билеты достать было легче, и я очень любил балет. Здесь все было изумительно. Постановки были блестящие. Такой балет мог быть только благодаря многолетней культуре и участию в нем таких звезд, как Мария Тальони (которую я, естественно, никогда не видел, поскольку она оставила сцену за 30 лет до моего рождения), Вирджиния Цуки, выступавшая в России на моей памяти, и др. Помню балеты «Коппелия», «Царь Кандавл», «Щелкунчик», «Спящая красавица», «Дочь фараона», «Корсар», «Конек-Горбунок»^{*} и др. Из артистов русского балета выделялись: Кшесинская, Карсавина, Петипа, Преображенская. Особенно хорош был Гердт, воплощение изящества и исключительный мимист.

Моя мечта в молодости была — танцевать в балете, но это после того, как я мечтал быть капельдинером в театре — они ходили в красных жилетах, обшитых золотым позументом, — и перед тем, как мне хотелось стать дирижером симфонического оркестра.

Из многих замечательных певцов отмечу главнейших: вспоминаю изящество и голос Большккой, как хороша она была в «Ромео и Джульетте». Изумителен по голосу и игре был Давыдов в роли Германна («Пиковая дама»), лучше его Германна не было. Яковлев («Риголетто»), Стравинский («Опера-Фучиле»), Фигнер («Опричник»), Медея Фигнер («Кармен»), Михайлова — Ваня («Жизнь за царя»). Собинова я слышал только один раз, в «Риголетто».

Александринский театр внутри был красный (бархат), Мариинский — голубой, а Михайловский — желтый, и это было очень красиво.

В Михайловском театре играла французская труппа, конечно, очень хорошая. Играли они по-своему, по-французски. Был я здесь всего три раза. С удовольствием смотрел «Трех мушкетеров» (в своем воображении — сам мушкетер).

В 1890-х годах в Александровском театре была исключительная труппа. Достаточно указать таких как Давыдов, Варламов, Аполлонский, Далматов, Дальский, Савина, Комиссаржевская, Мичурина, Дюжикова, Стрепетова и др. Репертуар современных драмоделов из современной жизни был скучноват, но ставили и классиков, и как ставили! Было кому играть, и был ансамбль.

«Гамлет» с Дальским. Больше уже не было такого спектакля на Российской сцене. Или «Укрощение строптивой» с Далматовым. Как-то, уже в 1930-х годах, я был в Москве во Втором МХАТе^{**} и видел снова эту пьесу, но это была грубая, провинциальная игра.

В.Н. Давыдов в водевиле «Лев Гурыч Синичкин» — это же шедевр, а В.Ф. Комиссаржевская в драмах «Огни Ивановой ночи»^{***} или «Бесприданница»!

К Савиной, которая поражала мастерством, я был холоден. Варламов во всех ролях был самим собой. Только покажется на сцене, и публика (даже тонкого вкуса) начала уже смеяться.

Впечатления до сих пор живы. В памяти мелькают типы, фразы, кусочки сцен. Вот историческая хроника «Лжедмитрий»^{****} — последняя картина. Терем. Лжедмитрию

^{*} «Коппелия» — балет Л. Делиба; «Царь Кандавл», «Дочь фараона» и «Конек-Горбунок» — Ц. Пуни, «Щелкунчик» и «Спящая красавица» — П. Чайковского, «Корсар» — на музыку А. Адана, Л. Делиба, Р. Дриго, Ц. Пуни.

^{**} Московский Художественный театр второй (МХАТ 2-й, МХАТ II) — драматический театр, существовавший в Москве в 1924—1936 годах.

^{***} «Лев Гурыч Синичкин» — водевиль Д. Ленского; «Огни Ивановой ночи» — пьеса Г. Зундермана.

^{****} Возможно, имеется в виду пьеса А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1886).

не спится, а в открытое окно видна Москва. Кажется — утренний холодок в воздухе. Начинается перезвон. Тревога и т.д. Или «Венецианский купец» с его сценами, или В.В. Корвин-Круковский в роли польского посла в пьесе «Смерть Иоанна Грозного»*. А спектакль «Школьные товарищи» Фульды... — да, много пережито в этом здании.

Однажды случайно попал на итальянскую оперу в Консерватории — и пленился! Какой красоты голос Арнольдсон в «Миньоне», или Тетраццини в «Гугенотах», Баттистини — в «Вертере» и т.д. При том, что все было неважным — и декорации, и грим, и игра, — голоса так прельщали, что все забывалось.

Академия Художеств

Академия Художеств была, в сущности, моей родиной. Там я прожил всю свою юность, там бывал на всех выставках вплоть до 1894 г., там учился года три в нормальной рисовальной школе, там видел всех профессоров дореформенной Академии: Виллевальде, Репин, Чистяков, Лаврецкий, Шишкин и многие другие были мне известны, так как я видел их каждый день.

В Академии была домашняя церковь удивительной красоты, где я, уже юношей, любил слушать заутреню, так как можно было гулять в прилегающей картинной галерее и любоваться блестящей публикой.

Люблю тебя, Академия, как приятное воспоминание, как свою юность!

Учение

Учился я не в каком-нибудь привилегированном учебном заведении, даже не в гимназии, а в школе попроще. В старших классах случилось мне связаться с дурной компанией — начал выпивать и гулять, конечно, скрывая это от родных. Однажды даже подделал в дневнике отметки, но, к счастью, это открылось. Сначала фанаберил — мол, нищему ученье ни к чему, — но потом одумался, подналег на занятия и в 1894 году окончил школу. 5-го сентября того же года, по чьему-то совету, я поступил учеником рядового звания в Пиротехническое Артиллерийское училище, следовательно, одновременно был зачислен на военную службу.

После четырехлетнего курса, в 1898 г., училище окончено, получено звание оберфейерверкера и назначение в Курск на Артиллерийский склад. Здесь мне не понравилось.

ОХТЕНСКИЕ ПОРОХОВЫЕ ЗАВОДЫ

Снова в Петербурге

Видимо, я писал письма дяде, в коих излагал свое недовольство пребыванием в Курске и свое стремление к возвращению в Петербург. Тот предпринял ряд попыток и, наконец, обратился непосредственно к начальнику Пиротехнического училища, генералу Крохалеву, который помог моему переводу на Охтенский Пороховой и Взрыв-

* Трагедия А.К. Толстого.

чатых веществ завод*, уже на пятом месяце моей службы в Курске. Это была последняя забота дяди обо мне — вскоре он умер.

По возвращении в Петербург я был назначен на Капсюльный завод, в мастерскую по изготовлению капсюлей. Мои товарищи, служившие там, не поздравляли меня с этим назначением; по их словам, начальник этой мастерской, надворный советник Евгений Матвеевич Сафонов, был невозможным человеком, и никто с ним служить не может, так как происходят вечные скандалы из-за грубого обращения его со своими помощниками.

Не очень обрадованный такой присказкой, начал я свою службу в этой мастерской. Рабочий день начинался очень рано, часов в 7, и кончался в 6 час., с обеденным перерывом не то на два, не то на три часа. Встаешь — темно, и возвращаешься — темно. Служба заключалась в неотступном наблюдении за ходом работ, качеством изделий и годностью их. В мастерской каждую неделю происходили взрывы, часто кончавшиеся увечьем рабочих. Ответственность за это лежала на мне. Сафонов в этих случаях нервничал и раздражался обвинениями в грубой форме.

Однажды при мне был большой взрыв. Я сидел в мастерской и разбирал с конторщиком какие-то дела. Вдруг — удар, и все стекла вылетели из окон. Рабочие в панике бросились к дверям, я же, при удивительном спокойствии, не спеша, и только думая о том, что если последуют еще взрывы, разрушающие здание, то обвалится ли потолок, шел и уговаривал рабочих не поддаваться панике. Последовало еще два взрыва, но меньшей силы. Оказалось, что взорвало сушилку, где находился состав для капсюлей. Сила взрыва уменьшилась оттого, что сушилка была обнесена земляным валом, и весь удар, таким образом, был направлен вверх. От здания ничего не осталось — кирпичи, дерево, стекла и куски мяса находили чуть ли не за версту от места взрыва**.

Прослужив на Капсюльном заводе год с четвертью, я извелся и обратился к начальнику заводов с просьбой о переводе, что и было удовлетворено. Меня перевели в испытательную комиссию. Уходом моим Сафонов был очень недоволен, не без основания предполагая, что при этом я жаловался на его невозможное обращение, а так как в душе он все-таки считал меня хорошим работником, то так и говорил, что имеет дело с приятным и полезным помощником. Я у него выслужил больше всех. Эту марку обыкновенно выдерживали не более полугода.

Мои товарищи

Жили мы в это время в деревянном доме, против завода, человек пять — коммуной. У нас была казенная кухарка, которая для нас стряпала и убирала комнаты. У меня была отдельная хорошая комната, очень уютная, с казенной мебелью и своими картинами. Получал я в то время рублей 25 в месяц, потом дошел до 35 рубл. — по тем временам этого было почти достаточно.

Со всеми товарищами я был в хороших отношениях, хотя они и досаждали немного

* Охтенские заводы для выделки пороха и взрывчатых веществ были построены в начале XVIII в. Пороховая мельница сначала приводилась в действие водой, для чего на р. Охте была построена деревянная плотина.

** Взрыв этот произошел 23 марта 1892 г.; погибло несколько человек.

своим увлечением выпивкой, чего я, как систему, не любил. На самих Пороховых заводах (Капсюльный был как бы скитом и помещался на расстоянии двух верст) был театр, где или любителями или плохонькими наезжими труппами давались спектакли. Золотая молодежь больше сохла в буфете, а затем, выписывая кренделя, бродила по фойе. Начальство смотрело на это благодушно, очевидно считая, что иначе быть не может, разве уж, если кто очень размокнет, так способствовало отправлению домой.

Принимал небольшое участие в любительских спектаклях и я, но так как особых талантов не чувствовал, то скоро отстал, тем более, что желающих было очень много. Из этих спектаклей оставил впечатление смешной фарс «Меблированные комнаты “Королева”».

Местность на Пороховых была чудесная. Завод был расположен вокруг озера, образовавшегося благодаря запруде реки Охты плотиной. Завод был благоустроенный, весь в зелени, залитый электрическим освещением. Самые здания не имели вида скучных заводских построек. Из моих сослуживцев был большим приятелем некий Мартынов, очень мягкий и хороший человек, хотя и запивоха. Очень любил выпить, но у него и это выходило как-то приятно, не по-свински. Бывал я и у его родителей, где не препятствовали этим выпивкам, так что в этом отношении дружба была немного вредной. Кстати сказать о его дальнейшей судьбе. Уже много лет спустя я узнал, что Мартынов, будучи чиновником в Чите, попал под суд и был приговорен к арестантским ротам, года на четыре, за утилизацию китайских патронов, которые должен был разряжать. Надо сказать, что начало такому будущему было положено уже на Капсюльном заводе, где многие грели себе руки на различных экономиях. Так и Мартынов экономил на фольге и сдавал ее артельщику завода за плату. Много раз я предупреждал его и уговаривал не зарабатывать таким образом, но ему уже понравилось это дело, и он продолжал его.

В свободное от службы время мы все сильно увлекались картами. Однажды я в мастерской вместо «Заканчивайте работу» сказал «пас». Проигрывал я не только деньги, но и вещи. У меня были картины, которые шли «ва-банк».

Шурочка

Уже в 1949 г. отец написал поэму под названием «А. Николаев», в которой кратко отразил весь свой жизненный путь. Привожу из нее отрывки, относящиеся к его молодости:*

*«...Вот вырос он; вино любил, картишки,
Да почитать от скуки книжки,
Но все искал такой конец,
Где шел герой с «ней» под венец.
Читал он долго, наконец,
И сам попал он под венец!»*

* В машинописи — «шутливую поэму»; «шутливую» зачеркнуто.

Все грехи молодости разом кончились, когда я познакомился со своей будущей женой — дочерью моего начальника — Александрой Евгениевной Сафоновой, курсисткой Высших Педагогических курсов в Петербурге. Первый раз я обратил на нее внимание, когда шел с товарищем со службы, а она стояла у ворот завода. Помню даже разговор, который был у меня с товарищем в этот момент. Я говорил о «Трех мушкетерах» Дюма и отмечал проникновенность книги эпохой. Проходя через ворота, я заинтересовался славным лицом барышни и спросил товарища — кто это такая? — «Дочь Сафонова» — был ответ.

Из обитателей Капсюльного завода был со мною в приятельских отношениях некто Петя Бедалгин — студент С.-Петербургского Университета, сын мастера завода. Он меня познакомил с Шурочкой, начались прогулки, катанье на лодках, участие в любительских спектаклях, увлечение.

Александра Евгениевна Сафонова родилась 9 марта 1880 г. в Петербурге. Ее отец, уже охарактеризованный выше, был и в семье деспотом. От брака с первой женой, Марией Васильевной, умершей от рака в возрасте 33 лет, осталось пятеро детей, старшей из которых была Шурочка. Кроме нее было еще две сестры — Елизавета и Людмила, и два брата — Николай и Владимир.

Вскоре в доме появилась мачеха, и жизнь стала совсем тяжелой. Шурочка блестяще закончила институт (кажется, Екатерининский) и сдала экзамены на учительницу. Учиться дальше отец не разрешал, но приказал готовить в гимназию сестер. Только спустя некоторое время ей удалось поступить на Педагогические курсы.

К моменту моего перевода в Испытательную комиссию знакомство уже было столь прочно, что разница в месте жительства (две-три версты) не повлияла на отношения. Симпатия перешла в любовь. Между нами была оживленная переписка, причем почтальоном служил ее брат Володя (рано окончивший жизнь самоубийством, причиной которого был значительный проигрыш в карты и страх признаться в этом отцу. Случилось это, когда Володе было около 20-ти лет).

С нетерпением ждал я ее писем. Это была пора молодой любви. Вот выдержка из одного ее письма: «Милый мой, как мне хочется скорее видеть тебя. Ну, хоть письмо получить скорее. Мой милый, как мне завтра (9 марта — день ее рождения) будет скучно, что не будет тебя со мной. Но все время я буду думать о тебе. В воскресенье ни за какие коврижки в город не еду. Приходи в третьем часу. А если сама в город поеду, то часов в пять обратно, а ты меня проводишь и погуляем. На той неделе едем в город и, следовательно, лишний раз увидимся. Я прочитала где-то в рассказе, что если женщина позволяет себя целовать, то мужчина перестает ее уважать, и поэтому не смей меня больше целовать. Ты заметил, что в это воскресенье я была особенно ласкова с тобой. Видишь, почему: я видела, что ты гулял с Зиной и был очень веселый. Все это время я дома страшно злилась. А потом, когда вы проходили мимо наших окон и ты посмотрел в окно, у тебя сделалось такое выражение, что я поняла, что твоя душа рвется ко мне. Мне стало стыдно, и поэтому мне хотелось быть поласковее к тебе. Ну, Сашенька, как ни грустно, а теперь некогда писать. Прощай, мой золотой, до вечера. Твоя Шура».

Я перечитывал ее письма десятки раз. И зимой, и летом я приходил на свидания и часами, несмотря на погоду, ожидал ее. Свидания происходили обыкновенно в беседке, в маленьком саду на берегу озера.

Трудно себе представить мое состояние в тех случаях, когда свидание не могло состояться потому, что или ей нельзя было улизнуть из дома, или мне отлучиться из Училища. Дело в том, что кроме службы в Испытательной Комиссии Пороховых заводов, я был назначен заведовать административно-хозяйственной частью последнего класса Пиротехнического Училища. Тут я катался, как сыр в масле — меня кормили, поили, одевали, и получал я жалованья больше, чем мне было надо. Один раз я не выдержал, — генерал Крохалев только что приезжал в Училище, и не было вероятия ожидать его приезда вторично, а другого контроля не было. После некоторых колебаний, я отправился на желанное свидание; вернувшись часа через два, я почувствовал себя очень скверно при виде знакомой коляски начальника у крыльца Училища. На мое счастье, он не стал со мной объясняться и сейчас же уехал, отдав приказание, чтобы я доложил о причине своей отлучки. Надо было выходить из скверного положения (Крохалев шутить не любил). Подумав, я решил отправиться к главному врачу завода, которому объяснил свое отсутствие головной болью. В результате я получил справку, что в часы отлучки был у него на приеме. Крохалев понял, что я схитрил, долго на меня сердился, но придраться было нельзя.

Отъезд из Петербурга

Продолжается история о Ромео и Джульетте. Ромео Николаевич и Джульетта Евгеньевна решили соединить свою судьбу, но не сумели добиться согласия отца, который сначала согласился на их брак, но потом, найдя эту партию для своей дочери слишком неблестящей, отказал. Какие попытки мы ни предпринимали, чтобы обойтись без его согласия, — искали священника, который согласился бы венчать без согласия отца, ходили к митрополиту, обращались к юристам, — все тщетно. Тогда мы решили уехать из Петербурга не венчавшись, но куда?

Обратившись к начальству с просьбой о переводе на периферию, я получил возможность выбрать любой из трех городов — Владивосток, Владикавказ, Ташкент. Мы остановились на последнем. Это было в конце 1901 года.

Вот мы уже на вокзале. Звонит второй звонок, скоро третий, и поезд тронется, как вдруг появляется отец. После короткого объяснения он позвал жандарма и просил нас задержать, требуя свидетельства о браке. В жандармском управлении я уверил его, что мы женаты, но свидетельство в багаже. Видимо, мое красноречие его убедило, и он нас отпустил. Но еще целый год мы терзались, не имея возможности обвенчаться без согласия отца. В конце концов, удалось добиться от него разрешения, сознавшись в обмане.

При отъезде моем из Петербурга тетя моя отказалась ехать со мной, так как была очень больна. После смерти дяди она была помещена в очень хорошую богадельню. Больше мы и не видались, о чем я все время болел душой.

Приезд в Ташкент

Мы приехали в Ташкент в январе 1902 года. Тепло, на горизонте горы. На улицах красочная толпа. Было приятно, даже после Петербурга. Шурочку поразил вид пирамидальных тополей, которыми были обсажены все улицы с двух сторон, а также крыши

глинобитных домов и дувалы (стены, отделяющие сады от улицы), покрытые красными маками — первыми вестниками ранней среднеазиатской весны.

*«... Что это за чудесный край?
Тепло, светло — ну прямо рай!
Тут розы, там акация; плоды,
Ослы, удода, верблюды».*

(Из поэмы «А. Николаев»)

Поселились в Столярном переулке (лет через восемь переименованном в переулок Рейхардта), дом № 11, во флигеле у С.А. Геппенера, начальника канцелярии Ташкентского генерал-губернатора, с которым впоследствии подружились. Домик состоял из трех комнат и кухни, расположенных анфиладой.

При переводе в Ташкент я получил назначение в местный Артиллерийский склад («Крепость»)* и стал настоящим чиновником военного ведомства с наименованием коллежским регистратором (к 1917 году я дослужился до чина титулярного советника).

Шурочка повесила объявление, что дает уроки, и мы решили, что все будет хорошо, если первый пришедший по объявлению ученик окажется Александром. И вот, приходит первый мальчик — и его, действительно, звали Сашей.

Вскоре Шурочка поступила учительницей русского языка в частную гимназию Гориздро**, в которой проработала много лет, вплоть до ее закрытия после революции. Одновременно она выполняла договорную работу в Туркестанской Публичной библиотеке*** по составлению каталогов.

Жизнь в Ташкенте проходила обычно: читали, гуляли, рисовали, ели землянику, вишни и т.п., играли в карты — сначала в вист, потом в преферанс, — вот развлечения многих вечеров в довольно скучной компании. В те времена я любил сыграть в карты. Бывали и в театре. Смотрели, например, «Новый мир» (переделка романа Г. Сенкевича), но по сравнению с Александринским театром...

В Ташкенте родились обе наши дочери — Наташа — 13 февраля 1904 г. и Таня — 6 ноября 1905 г.

(Продолжение следует)

Публикация О. Илюшкиной.

* Ташкентская крепость была построена генералом Черняевым в 1865 г. напротив ворот Коймас (Катаган) на левом берегу канала Анхор.

** Частное училище III разряда для детей обоего пола, открытое Лидией Феоктистовной Гориздро; в 1907 г. было преобразовано в частную женскую прогимназию (Хивинская улица — ныне Хорезмская, — дом № 4).

*** Ныне — Национальная библиотека Республики Узбекистан им. Алишера Навои. Об этой библиотеке см. в данном номере ВС статью Б. Бабаджанова «Туркестанский конквистадор: взлеты и падения генерала Черняева».

Бахтияр БАБАДЖАНОВ

Туркестанский конквистадор: взлеты и падения генерала Черняева*

*Du sublime au ridicule il n'y a que de moi**.*

Одним из самых удачливых российских завоевателей в Туркестане был полковник (затем генерал-майор) Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898). В личных письмах он сравнивал свое взятие Чимкента и Ташкента с походами Ермака в Сибирь и с завоеванием Мексики отрядом конквистадора Эрнандо Кортеса. Генерал имел в виду незначительное количество войск и сравнительно малые средства, какими обошлись эти походы¹. Признание это очень характерно: оно отражает геройский авантюризм Черняева, снискавшего лавры героя и одновременно — тернии неудачника².

Слава Черняева как «покорителя Туркестана» не давала покоя его преемникам: Д.И. Романовскому, Н.А. Крыжановскому³, К.П. фон Кауфману. Они постарались оспорить у Черняева эти лавры: Романовский — в походе на Ходжент и Ура-Тюбе (1866 г.)⁴, а фон Кауфман — в походах на Самарканд, Катта-Курган (1868 г.), Хивинское (1873 г.) и Кокандское ханства⁵. Фон Кауфман, будучи первым генерал-губернатором края, прямо или исподволь препятствовал установлению памятника Черняеву в Ташкенте в связи с «юбилейной датой» — десятилетием завоевания Ташкента (в 1875 г.)⁶.

Публикации о Черняеве так же противоречивы, как и вся его деятельность. Его то выставляли романтическим героем, защитником славянства и православия, то, наоборот, авантюристом, презирающим «права русских перед туземцами»⁷.

В этой статье я рассмотрю документы, публикации и воспоминания о Черняеве⁸, деятельность которого можно расценивать как олицетворение удач и неудач политики Российской империи в Туркестане. Черняев воплотил в себе все противоречия колониальной идеологии, колебавшейся между бумажными проектами «нравственного сближения с жителями края» и попытками их культурной ассимиляции.

* Английский вариант настоящей статьи был опубликован в сборнике: Turkestanskii sbornik: What it tells us today and how to build its database / CIAS Discussion Paper Series. Kyoto, 2012. — P. 6-25.

Считаю своим приятным долгом выразить благодарность О. Махмудову за помощь в сборе материала.

** *От великого до смешного нет никого, кроме меня* (франц.). Эту фразу Черняев цитирует в связи с оценкой своей карьеры в Туркестане (см. письмо генерал-майора М.Г. Черняева полковнику В.А. Полторацкому (31 августа 1865 г.), Ташкент / Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее — ЦГА РУз). Ф. 715, оп. 1, д. 30, л. 287-291.

Черняев — военный губернатор и генерал-губернатор Туркестана

Административная карьера Черняева началась с того, что он был назначен военным губернатором Туркестанской области 13 февраля 1866 года и пробыл в этой должности чуть больше месяца: 27 марта 1866 года он сдал дела Романовскому⁹. «Главным городом» новой области Российской империи стал завоеванный Черняевым Ташкент. Как писал его биограф, за время пребывания Михаила Григорьевича на посту первого военного губернатора в его администрации работали всего 6 чиновников и 4 переводчика (если не считать представителей местного управления).

После отставки Черняева многие российские газеты (преимущественно либеральные) положительно оценивали непродолжительный опыт его администрирования. Например, газета «Голос» опубликовала ряд статей под общим названием «Наши среднеазиатские дела», где о Черняеве писалось: «Он, будучи даже излишне пылким военачальником¹⁰, оказался удачливым администратором»; «Он старался всеми средствами избежать столкновения с туземцами»; «Он не трогал ... местных обычаев, ... предрассудков и за короткое время успел обрести громадную популярность, имя его до сих пор с уважением произносится туземцами» (6 июля 1867 г.)¹¹.

Еще более комплиментарен отзыв В.П. Кузнецова, побывавшего в Ташкенте через 3-4 месяца после его завоевания. Автор не скрывает своего удивления, что такой огромный город не охранялся полицейскими, по примеру крупных городов в России. Он добавляет: «При въезде у ворот вы увидите несколько спешившихся ... казаков, преспокойно спящих подле ворот, и затем никакой более русской стражи. Город охраняется и управляется сам собой посредством выборных старшин, называемых *ак-сакалами* (т.е. квартальными старшинами). Духовная и судебная власть сосредоточена в лице Кази-калана. И при том всем любой русский город может позавидовать Ташкенту в отношении порядка»¹².

Более трезвый взгляд на взаимоотношения с «туземцами» излагался в другой известной газете — «Биржевые ведомости»:

«Что же касается до местных населений, то администрация края будет действовать тем удовлетворительнее, чем менее (мы) будем их шевелить и заботиться об их цивилизации и преобразовании их быта. Всякое неосторожное вмешательство в этот чуждый и замкнутый мир непременно приведет к результатам противным ожиданию: либо возбудится фанатизм ..., либо искусственно создадутся фальшивые силы, с которыми пришлось бы считаться. Всего вернее и надежнее не касаться местных верований, порядков и обычаев, но не поддерживать их в никаком отношении, и мало по малу лишать их обязательной силы, ограждая и обеспечивая свободу каждого лица от принуждений. В этом отношении первые шаги генерала Черняева в управлении этим краем заслуживают полного внимания».

Автор говорит, что Черняев нигде не разрушал туземной администрации, ни местного суда («у киргизов по обычаю, у сартов — по Корану»). Но каждый местный мог судиться в русском суде по желанию.

«Что же касается до цивилизации, — продолжает газета, — то она разовьется там сама собой, без искусственных мер. Разовьется уже потому, что варварство не может выдерживать с нею соперничества. Но навязывать цивилизацию через канцелярии, значило бы только замедлять и затруднять ее действительные успехи»¹³.

Легко заметить обычный для этой газеты, представляющей интересы крупного и среднего капитала, прагматизм, заключавшийся в отказе от вмешательства в обычаи местного населения.

Такие же, преимущественно комплиментарные, отзывы о первом опыте администрирования Черняева в Ташкенте мы можем обнаружить и в других журналах и газетах внутренней России. Множество из этих публикаций включены в первые шесть томов «Туркестанского сборника» (далее — ТС). Во всяком случае, большинство «масс-медиа» того времени представляли Черняева на своих страницах (уже после первой его отставки) вполне положительно, одобряя его осторожную политику невмешательства (или минимального вмешательства) в жизнь местных жителей.

Политика Черняева в новой колонии получила в целом положительную оценку и более поздних историков, например, М.А. Терентьева. Его оценкам можно доверять, поскольку он, проведя долгие годы в Средней Азии, сам был участником многих событий, о которых писал, и, что самое важное, весьма критично оценивает свои впечатления и собранный материал, во многом отказавшись от представления завоеваний Российской империи в духе ура-патриотизма. Его объяснения того авторитета и почтения, которые завоевал Черняев среди местных жителей, кажутся вполне правдоподобными. Терентьев обращает особое внимание на объяснения самого Черняева по поводу невозможности управлять населением города и округа, располагая имеющимися у него средствами и людьми, и на его решение, в качестве губернатора, передать значительную часть управления самим ташкентцам. Черняев объявил ташкентцам отмену налогов на год, за исключением *закята*^{*}, сохранив его прежнее название, но полностью отчуждаемого в пользу русского гарнизона (сумма составила незначительную долю от потребностей — около 33 тыс. рублей). В условиях, когда Крыжановский намеренно задерживал положенные выплаты, Черняев придумал другой способ решения финансовых проблем: он ввел принудительный заем у богатых ташкентцев¹⁴.

Похоже, что ташкентцы (по крайней мере, та верхушка, которая вела переговоры с новыми хозяевами города и области) были вполне искренними, когда подали прошение генералу Крыжановскому принять Ташкент в подданство Белого Царя¹⁵. Это желание ташкентцев тоже можно объяснить вполне прагматичными резонами. После долгого периода поборов со стороны Кокандского ханства ташкентцы едва ли были способны содержать собственное войско, административный аппарат и т.п.¹⁶

Во всяком случае, освобождая горожан от налогов, Черняев имел вполне прагматические резоны. Он желал не только заручиться поддержкой населения города и округа, но и удержать ее в условиях своего довольно шаткого положения здесь. По удачному замечанию одного из современных историков, это был «дешевый способ сохранить мир, взамен дани и налогов»¹⁷. Этой же идее, скорее всего, было подчинено его решение не вмешиваться в религиозную жизнь мусульман и предоставить им право сохранять свои формы суда. Такими решениями военный губернатор снискал себе неподдельное уважение среди местного населения. Его авторитет был настолько высок, что начальник штаба Оренбургского округа не решился передать Черняеву письмо о его отставке, опасаясь беспорядков среди местного населения¹⁸.

^{*} Закят (араб.) – обязательный годовой налог в пользу бедных, нуждающихся, а также на распространение ислама и истинных знаний о нём. (Прим. ВС).

Однако в Военном министерстве признали опыт административного правления Черняева неудачным. Хотя, как замечает Терентьев, истинная причина его отставки была в его военной удачливости, которая принесла молодому генералу славу, но оказала плохую услугу, учитывая жесткие правила и иерархию в добывании чинов и славы, всегда существовавшую в России и всегда порождавшую сложные интриги¹⁹. «Покоритель Ташкента» вынужден был покориться. В 1866 году последовала позорная отставка (с 450 р. годовой пенсии).

Черняев пытается переквалифицироваться в нотариусы и удачно выдерживает экзамены. Работать, однако, пришлось недолго, и он становится редактором газеты «Русский мир». А затем на свой страх и риск, без разрешения правительства, принимает участие в Сербской войне (1874—76 гг.), где быстро становится главнокомандующим Тимоксо-Моравской армией (его командование было неудачным)²⁰.

После перемирия Черняев посетил множество европейских стран. В 1877 году он получил разрешение вернуться в Россию²¹.

Кратковременное возвращение из забвения наступило для Черняева с назначением его в 1882 году новым генерал-губернатором Туркестана. Это назначение стало возможным только после трагической смерти Александра II (1855—1881) и восхождения на престол Александра III (1881—1894). Черняев был возвращен к службе и сразу же направлен в Туркестан (25 мая 1882 г.) в качестве нового генерал-губернатора. Назначение, скорее всего, было связано с тем политическим курсом, который избрал новый монарх. Александр III вернул из забвения «старую гвардию», предлагавшую заменить «пышное и дорогостоящее представительство» в колониях на получение от них экономических выгод²². Именно с обещаний «выправить финансовые дела в Туркестане» начал возрождение своей карьеры М.Г. Черняев²³.

Один из высокопоставленных «представителей туркестанской администрации» Г. Федоров писал, что, узнав о назначении Черняева, «Ташкент ликовал, (поскольку) его имя было знакомо не только всему Ташкенту, но и всей России».

Однако вскоре ташкентцы горько разочаруются в своем любимом генерале: его новое правление выглядело скорее как месть за многолетнее забвение. Это, прежде всего, выразилось в отношении к «наследию» и авторитету покойного генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, к которому истинный славянофил и германофоб Черняев открыто выражал неприязнь, называя все его проекты и начинания «оффенбаховщиной». Федоров добавляет также, что новый генерал-губернатор никогда не видел Кауфмана, но немецкого происхождения его предшественника было достаточно для того, чтобы стать «непримиримым врагом Кауфмана и всего кауфмановского»²⁴. Этот комплекс будет преследовать Черняева все его кратковременное правление, породив недоверие к старым, опытным администраторам времени Кауфмана.

Более резок в своих оценках Н.П. Остроумов²⁵, который обвиняет Черняева в «излишнем внимании к туземцам при недостаточном внимании к русскому населению края»²⁶. Остроумов был крайне недоволен тем, что Черняев скептически относился к тем предметам и программам в колониальном народном образовании, которые были нацелены на «обрусение туземцев». «...Новый русский правитель в русской окраине показал себя мало осведомленным с ... современным положением вверенного ему мусульманского края, на обрусение которого он смотрел иначе, чем его предшествен-

ник генерал Кауфман»²⁷. Взамен программы «обрусения» Черняев поддержал «туземное» (т.е. мусульманское) образование.

По словам современников, Черняев приехал в Туркестан, имея подорванное здоровье²⁸ и утратив былую способность принимать самостоятельные решения. Генерал излишне доверился привезенным им из Петербурга администраторам, которые имели крайне смутное представление о местных реалиях и, тем более, о специфике взаимоотношений с мусульманами²⁹.

Возможно, именно эта группа «новых администраторов» внушила Черняеву мысль настоять на назначении комиссии Сената, чтобы провести ревизию финансового состояния дел его покойного предшественника. Ревизию возглавил сенатор Гирс, который позже вошел в комиссию, выработавшую новое Положение об управлении Туркестанским краем (1885 г.). Оценки работы ревизии Сената в Ташкенте противоречивы, однако серьезных финансовых нарушений и «административного хаоса» в управлении краем она не выявила³⁰.

Тем не менее, самому Черняеву сократить расходы на содержание администрации и войск в Туркестане не удалось. Поднять доходность края посредством увеличения налогов он не решился. Для развития местной промышленности — единственного приемлемого способа увеличения доходности края — требовались другие условия, в их числе — более интенсивный товарообмен региона с внешним миром. Для воплощения этого условия не хватало налаженных торговых путей. При отсутствии рациональных идей Черняев попытался предложить свой проект сокращения караванного пути в Россию, «открыв» давно открытый путь через Астрахань. Весной 1883 года генерал-губернатор отправляется осматривать Амударьинский отдел. Он закупил небольшую партию товара и, стараясь имитировать путь торгового каравана, направился через Каспий (Мертвый Катлук) в Астрахань. Оттуда Черняев поехал прямо в Петербург, якобы с доказательствами открытия нового короткого торгового пути³¹. Пока не обнаружены документы, которые осветили бы реакцию в Петербурге на это «опереточное путешествие», однако после этого Черняев не предложил ни одного нововведения в управлении краем, за исключением попыток создания Духовного управления мусульман Туркестана. Апатия его к службе усилилась, и он уже редко отвечал на письма правительственных чиновников³².

Похоже, в Петербурге вскоре поняли, что управление Туркестаном может выйти из-под контроля. Черняева вызвали в столицу, где ему было объявлено о его отставке. В издании «Новости и Биржевая газета» (№ 53, 1884 г.) появилась статья «Причины отставки генерала Черняева». Автор — подписавшийся: «Ташкентец, но не из тех»^{*} — отметил промахи в управлении краем, указав, что Черняев своими непопулярными мерами быстро потерял влияние как среди русских, так и местного населения и успел испортить отношения с соседними ханствами³³. Сам Черняев, однако, видел причину отставки в том, что чиновникам в МИДе и Военном министерстве очень не понравились его идеи об изменении отношений с Афганистаном, дабы «создать Дамоклов меч для Англии»³⁴.

Таким образом, ожившая было слава Черняева снова померкла на фоне промахов

^{*} Намек на известное сатирическое произведение М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы». (Прим. ВС).

и неудачных попыток возродить собственный имидж решительного и удачливого завоевателя³⁵. Условия, в которых Черняев оказался через 17 лет после завоевания Ташкента, были уже иными. Управлять «туземцами» по-старому было невозможно. Появившаяся русскоязычная диаспора в Ташкенте и других городах тоже требовала значительного внимания и навыков администрирования, которые были выработаны в период его предшественника. Однако, не воспринимая наследие фон Кауфмана и воюя с ним, Черняев так и не смог предложить разумной альтернативы ненавистной ему «*оффенбаховщине*».

Черняев и «Туркестанский сборник»

Русские жители Ташкента обвиняли Черняева не только в административных неудачах. Не менее серьезная претензия в его адрес касалась расформирования Туркестанской публичной библиотеки, основание которой связано с именем фон Кауфмана³⁶. Параллельно обсуждался вопрос о прекращении финансирования «Туркестанского сборника»³⁷, идея составления которого была предложена фон Кауфману известным тогда библиографом Владимиром Измайловичем Межовым (1830—1894)³⁸. ТС стал самым большим в Российской империи собранием статей, сборников и целых книг, касающихся Средней Азии того времени, выполняя, видимо, функцию «Большого справочника» по Туркестану. Он включает в себя массу публикаций по истории, политике, интервенции, географии, геодезии и многим другим аспектам знания о русском Туркестане и его окраинах.

Такой своеобразный каталог «тотальных знаний» о новой окраине Российской империи выполнял еще и другую (едва ли не основную) функцию — связанную с идеологической легитимацией завоевания территорий местных ханств. В ТС представлены разные понятия о колонизации и военной доктрине, включая ее критику, которая печаталась в основном в массовой печати.

Собственно колониальная идеология вобрала в себя разные идеи того времени, вроде «цивилизаторства», «распространения просвещения» и т.п. В условиях, когда ожидаемой экономической выгоды от нового завоевания не произошло, ТС в полной мере был использован К.П. фон Кауфманом для легитимации собственно завоевания Туркестана и, самое главное, для презентации положительных результатов колонизации края. Эти результаты сводились не только к новым территориальным приобретениям Российской империи. В.И. Межов занялся сбором публикаций, которые касались успехов внутренней политики в Туркестане («окончательное замирение края»). Они освещали первые шаги в привитии «туземцам» основ гражданского управления, демонстрировали достижения в расширении торговли, успехи медицинского обслуживания по тогдашним европейским стандартам, новые виды «туземного образования», содержали описания перспективных залежей полезных ископаемых и т.п. Подобное освещение результатов колонизации края прочно закрепило за фон Кауфманом славу «первого строителя Туркестана».

После закрытия ташкентской Публичной библиотеки, которая являлась главным хранилищем «Туркестанского сборника», вполне логично было бы ожидать прекра-

щения финансирования ТС. Однако этого не произошло. Совершенно очевидно, что Черняев оценил все преимущества ТС, который предоставлял ему возможность представить в выгодном свете собственное правление. Нам не удалось обнаружить переписки или документов, которые бы отражали «особые инструкции» на этот счет Черняева Межову. Однако наблюдение за изменениями в титуле ТС и в содержании газетных статей и других публикаций представляют нам даже более ясную картину, чем если бы мы располагали документами или письмами.

ТС не сразу стал трибуной пропаганды успехов нового генерал-губернатора. Тома 310—325 еще включают в себя большие книги и дневники исследователей и путешественников (на русском и, реже, на английском языках), посвященные различным проблемам освоения и колонизации Средней Азии.

Содержание собираемых публикаций, их характер меняются с 326-го тома. Теперь это преимущественно вырезки из статей в различных газетах, небольшие очерки и т.п., которые содержат явные комплименты в адрес Черняева, иногда с критикой в адрес фон Кауфмана. Для наглядности обратимся к некоторым из этих публикаций.

В упомянутом томе 326 приведены ряд статей из журнала «Восточное обозрение». Так, в номере втором (1882 г.) журнала в рубрике «Корреспонденции» появилась статья о поездке Черняева в Фергану. Автор подчеркивает, что в российской политике в Туркестане произошли положительные перемены, связанные с тем, что новый генерал-губернатор инициировал «небывалое в прежние времена внимание к туземному населению» (в томе с. 43-44). В другом номере журнала (№ 37, 1882 г.; в томе с. 10-11) опубликована статья, возможно, написанная кем-то из приближенных Черняева. Вот цитата из нее, где говорится о забытой проблеме края — положении туземцев: «...на защиту этого (туземного) населения и его охранение, как главной производительной силы края, следовало бы давно обратить внимание. Если М.Г. Черняев поставит это целью своей политики и будет защитником туземцев, он увековечит этим свое имя ... в последней победе культуры».

Тот же журнал «Восточное обозрение» (№ 9, 1883 г.; тот же том, с. 13-18) публикует обширную статью (тоже, очевидно, заказного характера) о результатах ревизии Сената при Черняеве. Автор говорит о массовых хищениях из казны, правда, не приводит примеров³⁹. Здесь же содержится резкая критика Кауфмана (с. 14-15), многие проекты которого автор счел разорительными «для народного хозяйства».

Журнал на протяжении года регулярно публиковал статьи с обзором положения в Туркестане, в которых обязательно упоминаются в позитивном контексте планы нового генерал-губернатора в деле «цивилизаторства и просвещения полудиких туземцев», «положительные результаты» ревизии Гирса, с ремарками о том, что Черняев «лучше других понимал пользу сохранения добрых отношений к туземцам», с повторяющейся критикой фон Кауфмана⁴⁰. Такие же публикации помещены в следующих томах (327—330 и др.), включая статьи из других газет и журналов («Новое время» и «Биржевые новости», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.)⁴¹.

В остальные тома ТС, которые собирались при Черняеве, были включены очерки по завоеванию западной и южной Туркмении (особенно походы генерала Скобелева), исторические очерки, работы о Белуджистане, Афганистане, военные, геологические, ботанические, географические и прочие отчеты.

Таким образом, «Туркестанский сборник» при Черняеве отчасти стал трибуной пропаганды его успехов и критики предшественника. Статьи с критикой в адрес Черняева практически не попали в те тома, которые составлялись при нем⁴². Это еще раз доказывает, что ТС не был свободен от влияния позиций, идей и, условно, идеологии конкретного генерал-губернатора, при котором составлялась определенная часть сборника. С этой точки зрения перспективным представляется сравнение, так сказать, «Кауфманской», «Черняевской» и «Гродековской» частей ТС.

Черняев — первый генерал-губернатор Туркестана, чье имя появилось на титулах, по крайней мере, 50 томов ТС (310—360), которые собирались во время его правления⁴³. В.И. Межов, имя которого украшало ранее все тома, делится славой с М.Г. Черняевым — он помещает имя последнего на титул ТС. Сейчас трудно сказать, было ли это требованием самого Черняева или Межов пожелал таким образом снискать благосклонность нового генерал-губернатора, решившего сохранить финансирование ТС, имея собственные виды на этот грандиозный библиографический проект своего предшественника. Кажется, что все резоны здесь уместны. Межов оценил благосклонность Черняева и изменил характер собранных газетных статей в пользу нового генерал-губернатора, в то же время включив статьи, в которых содержались критические пассажи в адрес фон Кауфмана.

С другой стороны, мы видим, что в ТС несколько изменились способы легитимации и репрезентации российского владычества в Средней Азии. Иными словами, ясно заметна попытка подбора и включения в ТС такой информации, которая бы поддержала идею Черняева о том, что только «подъем производительных сил туземцев» способен превратить Туркестан из убыточной колонии в прибыльную.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк. — СПб: Типолитография Б. Авидона, 1906. — С. 19.

² Это хорошо видно в письмах М.Г. Черняева В.А. Полторацкому (см. ниже). Самые характерные цитаты см. в: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3 тт. — Т. 1. — СПб: Типолитография В.В. Комарова, 1906. — С. 286, 292-294 и дальше. Из этих обзоров становится ясным, что Черняев решился на штурм Чимкента, только поняв, что во время осады командующий кокандской армией, регент Алимкул, с основным составом войск ушел в Коканд, опасаясь нападения бухарцев. Точно такая же ситуация возникла при осаде Ташкента, который Черняеву удалось взять лишь после того, как был убит Алимкул (9 мая) и Ташкент покинули почти все регулярные войска кокандцев. О последовательности событий см.: Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. — Ташкент-Токио: Yangi nashr, 2010. — С. 261-281.

³ Генерал-губернатор Оренбурга. Интересную ремарку по этому поводу читаем у Федорова: «Лавры наших генералов, очевидно, беспокоили в Оренбурге Крыжанов-

ского, под начальством которого находились все войска, оперировавшие в Средней Азии, и вот, кажется, в 1866 году он отправляется в Азию, становится во главе отрядов и идет в бой. В результате — занятие двух городов, Ура-Тюбе и Джизака, и присоединение к империи новой крупной территории. Получив [крест] Георгия на шею, Крыжановский немедленно возвращается в Оренбург». (Федоров Г.П. Моя служба в Туркестане (1870–1910 годы) // Исторический вестник. 1913. № 9. — С. 804).

⁴ Отмечая, что завоеванные им Ходжент и Нау важнее для России, чем Ташкент, Романовский прозрачно намекает, что сумел превзойти славу Черняева. (Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. С приложениями и картою Туркестанского генерал-губернаторства. СПб: [тип. Второго отделения Е.И.В. Канцелярии], 1868. — С. 212-15) (Туркестанский сборник (далее — ТС), том 10. — С. 1-294).

⁵ Военный историк Российской империи М.А. Терентьев подробно описал эти походы, ясно обозначив основную цель военных — снискать славу и почет, сыграв на заведомой слабости местных ханств. См., например, указанный первый том его работы, с. 307-308. Такие же ремар-

ки обнаруживаются и в следующих томах его «Истории» в адрес Романовского, фон Кауфмана и др.

⁶ См.: *Юдин М.Л.* Памяти М.Г. Черняева // Исторический вестник, 1914. Том СXXXVII. – С. 946; *MacKenzie D.* The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev. Athens: University of Georgia Press, 1974. – Р. 84-92.

⁷ См. материалы к биографии Черняева: *Остроумов Н.П.* Отрывок дневника. – ЦГА РУз. Ф. И-1009, оп. 1, дело 39. – С. 1-6. *Он же.* Черняев М.Г. Биографический очерк (не опубликован). Там же, дело 98. – С. 1-69 (здесь и ниже пагинация авторская); *Михайлов А.* Цит. соч.; *Юдин М.Л.* Указ. изд. – С. 941-956; *А.Черняева.* Черняев в Средней Азии (на Сыр-дарьинской линии) // Исторический вестник, 1915. – Т. СХL; *MacKenzie D.* Op. cit; *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1965–1917) (по архивным материалам). – Елец: Елецкий гос. пед. ин-т, 1998. – С. 51-54; *Брежнева С.Н.* «Ташкентский лев» генерал М.Г. Черняев // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова). Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2009 г. – СПб: (б. и.), 2009. – С. 209-219. (www.reenactor.ru/ARH/PDF/Brezneva.pdf)

⁸ К сожалению, мне не был доступен фонд М.Г. Черняева И-208 Государственного исторического музея РФ.

⁹ *Романовский Д.И.* Указ. соч. – С. 50, 154.

¹⁰ Намек на то, что Черняев захватил Ташкент фактически без прямых санкций из Санкт-Петербурга.

¹¹ Здесь и ниже я использую преимущественно публикации, которые вошли в первые 416 томов знаменитого «Туркестанского сборника», собранные В. Межовым в 1867–1884 гг. (о *Сборнике* см. подробнее ниже). Упомянутая статья газеты «Голос» опубликована в: ТС, 1867, том 1, с.1-7.

¹² Некоторые заметки о Ташкенте // *Натуралист.* 1867. № 1-3 (ТС, том 5, с. 246-249). Об этом же пишет и сам Черняев в своем письме Полторацкому (см.: ЦГА РУз. Ф. 715, оп. 1, д. 30, л. 33-34).

¹³ О владениях России в Средней Азии с точки зрения колониальной и чисто торговой // *Биржевые ведомости*, № 75, 1867 (ТС. Т. 2. – С. 135-139).

¹⁴ См.: *Терентьев М.А.* Цит. соч. Т. 1. – С. 320-321. Неприязнь Крыжановского к Черняеву автор объясняет просто и точно: «Само взятие Ташкента ранее приезда генерал-губернатора, лишенного таким образом возможности украситьсь дешевыми лаврами, должно было возбудить между этими людьми значительное неудовольствие» (Там же, с. 326). Черняев сам не раз отмечал в письмах, как удобно «управлять туземцами их же полицией и их же судом» (См.: Туркестанский край. Сборник материалов для его завоевания. 1864 г. Ч. 1. Собрал полковник А.Г. Серебренников). См. также письма Черняева полковнику В.А. Полторацкому – начальнику Азиатского отделения Главного управления Генштаба (позже заведующему Азиатскими делами Штаба). Ташкент: Штаб ТуркВО, 1914. – С. 64-68 и далее; ЦГА РУз. Ф. 715, оп. 1, д. 30, л. 33-34; *MacKenzie D.* Op. cit – Р. 67-83.

¹⁵ См.: *Терентьев М.А.* Цит. соч. Т. 1. – С. 327. Схожий документ (Адрес ген. Черняеву от жителей Ташкента в день его именин; 8 ноября 1865 г.) опубликован А.Г. Се-

ребренниковым (Туркестанский край... – С. 14-15). Его копия хранится в ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 32, л. 61-62.

¹⁶ Ср. с интерпретацией этих событий в книге: *Соколов Ю.А.* Ташкент, ташкентцы и Россия. – Т.: Узбекистан, 1965. – С. 153-166.

¹⁷ *Burbank J.* An Imperial Right Regime. Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritica. Exploration in Russian and Eurasian History.* – 2006. № 73. – Р. 402.

¹⁸ Письмо полк. Ризенкампа командующему войсками Оренбургского округа (14 января 1866 г., № 37). См.: А.Г. Серебренников. Туркестанский край... – С. 20-22.

¹⁹ См.: *Терентьев М.А.* Цит. соч. – Т. 1. – С. 327 и далее.

²⁰ См. письма, приложенные к: *Михайлов А.* Цит. соч.

²¹ См. там же, с. 12, 14-15. См. также: *MacKenzie D.* Op. cit – Р. 99-116.

²² О пацифизме Александра III см.: *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001. – Р.184-186.

²³ См.: *Михайлов А.* Цит. соч. – С. 38. См. также ряд рема-рок об этом в работе Д. Бровера: *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London and New York: Routledge Curzon, 2003. – Р. 58-59.

²⁴ *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестане. Часть 1 // Исторический вестник. 1913. – № 11. – С. 437-438, 440; *Остроумов Н.П.* Цит. соч. – С. 6, 14.

²⁵ Его краткую биографию см: *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Ташкент: Типолитография О.А. Порша, 1912. – С. 292.

²⁶ *Остроумов Н.П.* Цит. соч. – С. 6, 12, 14-16, 20-21, 35.

²⁷ Там же. – С. 36, 40.

²⁸ Г.П. Федоров по этому поводу писал: «Михаил Григорьевич приехал в Ташкент, и все мы увидели полусгорбленного, морщинистого генерала, который сделал всем общий поклон и, не сказав ни слова приветствия, ушел к себе в кабинет» (*Федоров Г.П.* Цит. соч. – С. 438). Н.П. Остроумов, присутствовавший на этой церемонии, писал, что Черняев сильно смущался и пробормотал несколько приветственных слов, но сразу удалился, сославшись на усталость (*Остроумов Н.П.* Цит. соч. – С. 12-13).

²⁹ См.: Там же, с. 1-3; *Федоров Г.П.* Цит. соч. – С. 347-341.

³⁰ См.: Там же, с. 438-439; *Остроумов Н.П.* Цит. соч. – С. 49, 64; Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край Тайного Советника Гирса. – 1884. *Федоров Г.П.* Цит. соч. – С. 438-439.

³¹ См.: ЦГА РУз. Ф. И-1, оп. 1, д. 2475; *Федоров Г.П.* Цит. соч. – С. 442.

³² См.: Там же, с. 443.

³³ См.: ТС, Т. 259. – С. 134. В газете «Русь» (15 февраля 1883 г., № 4) появилась статья в защиту Черняева. Н.П. Остроумов писал, что Черняев отказался от 50 тыс. руб., предназначенных для подарков правителям Бухары и Хивы, чем сильно обидел их, поскольку такие подношения по местным обычаям воспринимались в дипломатическом и политическом смысле (См.: *Михайлов А.* Цит. соч. – С. 3-6).

³⁴ Там же. – С. 16-17, 43-44.

³⁶ Историю создания и затем скорого закрытия библиотеки (с 27 дек. 1883 г. и до 2 августа 1884 г.), со ссылкой на соответствующие документы, подробно изложил свидетель этих событий А.И. Добросмыслов (См.: Ташкент в прошлом и настоящем. – С. 253-262). Н.П. Остроумов, а вслед за ним и Добросмыслов не склонны напрямую обвинять Черняева в закрытии Публичной библиотеки, а видят в этом «злой умысел» полковника Всеволода Крестовского, который, по их словам, инспектировал библиотеку и составил свою докладную записку Черняеву будучи пьяным (См.: *Остроумов Н.П.* Цит. соч. – С. 52-53, 68; *Добросмыслов А.* Цит. соч. – С. 256-258). Однако оригинал документа составлен от имени Черняева. Закрытие мотивировано тем, что библиотека не выполняет своих функций и является дополнительным бременем для бюджета края (ЦГА РУз. Ф. И-1, оп. 16, д. 2414).

³⁷ См. одну из последних работ по истории «Туркестанского сборника» с наиболее полной библиографией и интересным анализом: *Горшенина С.* Крупнейшие проекты колониальных архивов России: утопичность тотальной *Туркестаники* генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана // *Ab Imperio*. — 2007, № 3. — С. 2-31.

³⁸ Н.П. Остроумов называет ТС «Кауфманским сборником». (См.: *Михайлов А.* Цит. соч. — С. 50). Кратко историю создания ТС написал сам Межов. (См.: «Письменное обращение В.И. Межова к Генерал-губернатору Н.О. фон Розенбаху» // ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 1, д. 47, л. 21-23 (с оборотами). Межов выражает сожаление в связи с реше-

нием Розенбаха закрыть ТС и намекает на то, что продолжение этого собрания стало бы «очищением чуть было не преданной забвению светлой памяти Константина Петровича фон Кауфмана» при его преемнике Черняеве (Л. 22).

³⁹ В другом номере этого же журнала (№ 17, 1883 г.) такие же утверждения — и вновь без конкретных данных.

⁴⁰ «Восточное обозрение», № 13, 1882 г. (в томе с. 35-37); № 32, 1882 г. (в томе с. 37-39); № 20, 1882 г. (в томе с. 21-29); № 6, 1883 г. (в томе с. 151-152) и т.д.

⁴¹ Н.П. Остроумов в своем неопубликованном очерке приводит еще ряд статей из столичных газет, в которых щедро расписаны достоинства Черняева (ЦГА РУз. Фонд И-1009, д. 98, с. 3-6).

⁴² Некоторые из таких критических статей (например, из популярной газеты «Новое время») Остроумов включил в свой неопубликованный очерк о Черняеве: ЦГА РУз. Ф. И-1009, д. 98, с. 4-6. Межов не мог о них не знать, поскольку при Кауфмане часто включал статьи из этих газет в ТС.

⁴³ Дальше в томах 350-416 в титулах зачеркивается «По поручению ... М.Г. Черняева» и остается урезанная фраза: «По поручению Туркестанского генерал-губернатора». Похоже, что титулы были отпечатаны типографским способом с фамилией Черняева и Межов после отставки Черняева лишь стирал его имя. Восстанавливается также лист с содержанием публикаций, которые исчезли при Черняеве. Позже имя другого генерал-губернатора, Н.И. Гродекова, при котором восстановился сбор материалов для ТС, украсило несколько десятков томов (с 417-го по 450-й; Ташкент, 1907).

Рубен НАЗАРЬЯН

«Выгодно выделяется среди бесцветных беллетристок...»

**Людмила Симонова-Хохрякова и ее очерк
о «чародействе» в старом Самарканде**

В ненастный осенний день 2 октября 1886 года на перроне петербургского вокзала известный писатель, редактор популярного еженедельного журнала «Живописное обозрение» Александр Константинович Шеллер-Михайлов прощался с дамой средних лет, отъезжавшей из столицы империи в далекий Туркестан. Женщину эту хорошо знали в литературных кругах Урала и Сибири, Петербурга и Москвы...

Людмила Христофоровна происходила из старинной немецкой фамилии Ребиндер. Ее предки в числе первых рыцарей еще в начале XV века переселились из Вестфалии на берега Финского залива. Этот известный графский и баронский род был внесен в дворянские матрикулы всех трех прибалтийских губерний России и великого княжества Финляндского, а также в родословные книги Владимирской, Калужской, Курской, Московской, Нижегородской, Пензенской и Саратовской губерний. Ребиндеры занимали довольно важные посты в высшей чиновной иерархии: среди них были военные и гражданские губернаторы, члены Государственного совета, свитские генералы и дипломаты. Особой известностью пользовался Николай Романович Ребиндер, бывший некогда комендантом города Нерчинска, а затем — с 1851 по 1856 гг. — первым градоначальником Кяхты, где он женился на дочери ссыльного декабриста Трубецкого Александре Сергеевне. Позднее Ребиндер последовательно занимал должности попечителя Киевского учебного округа, директора департамента Министерства народного образования, сенатора и обер-прокурора Правительствующего Сената...

Однако отец нашей героини, Христофор Ребиндер, вовсе не отличался знатностью и богатством: скромный обрусевший немец, он женился на дочери помещицы из Орловской губернии Измайловой, род которой происходил от татарского мурзы Измаил-бека, в период царствования Ивана Грозного принявшего русское подданство. Молодожены поселились в Вологде, где в 1838 году и появилась на свет дочь Людмила. Получив обычное для девушки из дворянской семьи домашнее образование, она была принята затем на учебу в Смольный институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. Еще находясь в его стенах, Людмила внезапно осиротела. И, завершив в 1857

году обучение, перебралась из столицы к старшей сестре в Пермь. Не желая быть на хлебницей в ее небогатой семье, девушка вскоре вышла замуж за чиновника министерства государственных имуществ Симонова.

После лет, проведенных в Петербурге, серая провинциальная жизнь стала тяготить Людмилу. Молодая женщина, любознательная и одаренная, стала сопровождать мужа «в его ревизионных поездках по волостям. Это дало ей возможность основательно присмотреться к жизни тогдашнего крестьянского населения и впоследствии провести в литературу некоторые типы и картины хозяйственной и семейной жизни как местного крестьянского населения за Уралом, так и инородцев, примыкающих к ним»¹. Тогда же она стала записывать для себя полученные впечатления и наблюдения. Однако судьба была явно неблагоприятна к этой женщине: едва пережив потерю родителей, она через несколько лет лишилась и мужа...

Позже Симонова вновь выходит замуж за некоего Хохрякова. Но словно какой-то рок преследовал ее: вскоре умирает и второй муж, и она снова остается одна.

Дважды овдовевшая, Людмила Христофоровна Симонова-Хохрякова в 1864 году возвращается в Петербург. Не имея здесь близких родственников и друзей, не обладая достаточным капиталом для жизни в столице, она была вынуждена зарабатывать самостоятельно. Людмила устраивается в почтовое ведомство и становится телеграфисткой.

Встретив свою бывшую институтскую подругу, она познакомилась с ее мужем — издателем газеты «Церковно-общественный вестник» Александром Поповицким. Он-то, услышав ее рассказы о пермской жизни, и предложил ей попробовать свои силы в журналистике.

С той поры в газете Поповицкого стали регулярно появляться статьи и очерки Людмилы Симоновой-Хохряковой о быте и проблемах белого духовенства. Несколько позднее она начинает писать рассказы и повести о судьбах русских женщин. И хотя ее проза долгое время отклонялась редакциями в силу ряда цензурных соображений, она упрямо продолжала свою литературную деятельность. Помимо того, имея склонность к педагогике, Людмила Христофоровна основала в столице небольшую школу, в которой внедряла прогрессивные методы обучения и воспитания. В это же время судьба свела ее с редактором журнала «Живописное обозрение» А.К. Шеллер-Михайловым. Он оказал начинающей писательнице моральную поддержку и материальную помощь. Отныне и до самого ее отъезда из Петербурга сочинения Людмилы Христофоровны регулярно печатаются на страницах этого журнала. Имя ее становится известным в писательской и читательской среде. Симонова-Хохрякова общается с Федором Достоевским, ведет переписку с Г. Успенским и С. Надсоном, другими известными литературными и общественными деятелями. Столичная жизнь наполнила ее наблюдения новым содержанием: теперь она изучает быт фабричных рабочих, их семейные отношения. «Она, несомненно, имеет свою определенную физиономию бытописательницы, — писали о ней, — и чрезвычайно выгодно выделяется среди бесцветных беллетристок, бессильных вырваться из психологических сфер к изучению русской жизни»².

...Итак, Людмила Христофоровна вместе с дочерью Валентиной отправились в Туркестан. До Оренбурга, где они собирались остановиться на несколько дней, путеше-

ствие их проходило в довольно комфортных условиях. Здесь, по рекомендации заботливого А. Шеллер-Михайлова, они были гостеприимно встречены известной актрисой императорских театров З.А. Малиновской. Отдохнув с дороги и осмотрев достопримечательности, дамы продолжили свой путь.

Железнодорожного сообщения с Туркестаном в те годы еще не существовало, добираться до Ташкента приходилось почтовым трактом длиной в две тысячи верст. По времени путь этот, в зависимости от различных обстоятельств, занимал от двух до трех недель. Впечатления, полученные во время этой длительной и непростой поездки, Л.Х. Симонова-Хохрякова отразила в своих путевых заметках, опубликованных в «Живописном обозрении» под названием «От Петербурга до Ташкента».

И вот наконец Ташкент, столица Туркестанского края. Город, в котором ей предстояло провести почти четыре года жизни.

Период этот, к большому сожалению Людмилы Христофоровны, отнюдь не был наполнен новыми встречами, знакомством с местной культурой. Практически все ее время занимала служба в женской гимназии, где она преподавала немецкий язык и обучала девушек европейским манерам. К тому же прибавилось расставание с дочерью: Валентина познакомилась здесь со ссыльным офицером-поляком Антоном Губаревичем-Радобыльским и вскоре вышла за него замуж.

В то время Туркестанский край испытывал крайнюю нужду в квалифицированных педагогических кадрах. Специалисты из городов Центральной России не стремились продолжать свою карьеру в столь отдаленном регионе. И потому, когда в 1890-м было принято решение об открытии в Самарканде Мариинского женского 4-х классного училища* и возникла необходимость подобрать для него руководителя, главный инспектор училищ Туркестанского края Ф.М. Керенский**, не раздумывая, остановил свой выбор на кандидатуре Л.Х. Симоновой-Хохряковой. В ее пользу свидетельствовал и диплом об окончании Смольного института, и успешная педагогическая деятельность в Петербурге и Ташкенте, и многочисленные сочинения на морально-этические и воспитательные темы, одобренные министерством для чтения в народных школах.

Самаркандский период стал важной вехой в ее биографии. Людмила Христофорова с ее разносторонней эрудицией оказалась весьма востребованной в этом провинциальном городе. Будучи смотрительницей (начальницей) крупнейшего учебного заведения Самарканда, она, помимо своих прямых педагогических обязанностей, занималась еще и многими общественными делами. Хохрякова (так именовалась она теперь во всех документах) состояла членом Попечительского комитета местного

* Мариинские женские училища предназначались для девушек из низших слоев городского населения и представляли собой промежуточную ступень между начальными низшими школами и средними учебными заведениями. Состоя в ведомстве учреждений вдовствующей императрицы Марии Федоровны, училища эти являлись открытыми учебными заведениями, имевшими цель «доставлять общее, но законченное элементарное образование». Туда принимались девицы, без различия сословий и вероисповеданий, в возрасте от 9 до 11 лет. Курс учения четырехгодичный. Первое в России Мариинское училище было открыто в Петербурге в 1882 году. Наряду с казенными училищами в ведомстве императрицы состояли такие же училища, открытые в некоторых городах на средства городских обществ и земств. В 1890 г. Мариинские женские училища были учреждены министерством народного просвещения в городах Закавказья (Батум, Карс) и Туркестанского края (Новый Маргелан, Самарканд).

** Действительный статский советник Федор Михайлович Керенский, отец Александра Федоровича Керенского, с мая 1889 года занимал пост главного инспектора училищ Туркестанского края. (Прим. ВС).

детского приюта, членом Самаркандского отдела Туркестанского благотворительного общества, действительным членом Самаркандского управления Российского общества Красного Креста, действительным членом областного статистического комитета, членом правления Самаркандского отдела Российского общества покровительства животным. Можно утверждать, что ни одно важное мероприятие городского и областного масштаба не обходилось без активного участия Людмилы Христофоровны. Правда, при такой интенсивной деятельности для занятия литературой почти не оставалось времени.

Когда десять лет спустя она покидала Самарканд, газета «Туркестанские ведомости» писала: «Тихо и незаметно удалилась из Самарканда всем знакомая и почти для каждого горожанина близкая Людмила Христофоровна Хохрякова, бывшая начальница бывшего женского училища в Самарканде, а с открытием здесь гимназии главная надзирательница последней... В десять лет усидчивой работы, стоя во главе учебного заведения, Л.Хр. поставила его на образцовом положении, так что когда училище было преобразовано в гимназию, ученицы оказались настолько подготовленными, что могли с успехом, без экзамена, продолжать курс учения по программе гимназий. Во все время своей педагогической деятельности Л.Хр. отдавала всю душу и все помышления на это дело. Она глядела на учениц, как на своих детей, вникала в их положение, многим, чем могла, помогала, любила их и берегла. Особенно много она содействовала преобразованию училища в гимназию»³.

Покинув Самарканд, Л.Х. Хохрякова поселилась на другой окраине Российской империи, в городе Кяхта, где муж ее дочери, бывший поднадзорный революционер Антон Губаревич-Радобыльский, сделавший весьма успешную служебную карьеру, в чине надворного советника был назначен директором-управляющим Кяхтинской пограничной таможни первого класса. Будучи уже тяжело больной, Людмила Христофоровна, тем не менее, и здесь нашла себе применение. Продолжая заниматься литературным трудом, она стала членом местного отделения Приамурского отдела Императорского русского географического общества и, активно трудясь в составе его редакционной комиссии, составила и опубликовала библиографический справочник работ и статей по Забайкалью и Монголии за пятьдесят лет (1851—1901).

Однако жизнь в глухой забайкальской провинции была не для нее. Через три с небольшим года она выезжает в Петербург. Но физические силы были уже на исходе (она еще с молодости страдала пороком сердца). Совершенно больную Людмилу Христофоровну перевезли в Ташкент, куда после отъезда матери в российскую столицу переселилась ее дочь — писательница Валентина Константиновна Губаревич-Радобыльская.

Уже не имея сил выходить из дома, Хохрякова продолжала писать. Ее последними сочинениями, опубликованными при жизни в первых номерах «Туркестанской военной газеты» за 1906 год, стали «Былины о разрушении города Саурана» и очерк «Монголы». 12 марта 1906 года, выслушав дочь, прочитавшую ей вслух только что напечатанный в газете очерк «Монголы», Людмила Христофоровна мирно уснула...

Место ее упокоения в Ташкенте мне не известно.

Несколько месяцев спустя — 3 октября того же года — в Кяхте состоялось собрание членов местного отделения Императорского русского географического общества. На нем было произнесено «прочувствованное слово, посвященное памяти члена отделе-

ния Л.Х. Хохряковой». Высказав сожаление о том, что весть о ее кончине пришла в Кяхту со столь значительным опозданием, ознакомив присутствующих с биографией и деятельностью покойной и воздав должное ее многочисленным заслугам, управитель дел отделения завершил речь словами: «Да будет легка ей окраинная земля, на которой пришлось ей немало поработать в борьбе за правду и общечеловеческие идеалы»⁴.

Дабы дать сегодняшнему читателю представление об этнографических заметках Л.Х. Хохряковой, созданных ею в «туркестанский» период, мы приводим первую часть ее триптиха, опубликованного в «Справочной книжке Самаркандской области на 1894 год» (текст печатается с соблюдением современной орфографии и пунктуации).

Чародейство, гадание и лечение сартянок* в Самарканде

Самарканд изобилует ворожеями и лекарками. В каждой улице сартовского города можно найти нескольких ворожей. При замкнутой жизни сартовской женщины, при изолированности ее от общества мужчин, сами условия жизни выработали лечение женщин женщинами, а, стало быть, лекарку. Отсутствие же общественных интересов и вообще каких бы то ни было вопросов, переходящих черту гаремной жизни, развило в мусульманской женщине стремление к такой стороне нашего существования, где дается простор воображению и чувствам, стремление к миру чудес, жажде сверхъестественных явлений. Это создало ворожею.

Лекарки и ворожеи пользуются уважением и доверием населения. Пациентки, кажется, и мысли не допускают о шарлатанстве. По мнению туземного общества, ворожеи и лекарки — лица избранные, одаренные особыми способностями, особою силою прозревать будущее, углубляться в прошедшее, видеть факты или события, совершающиеся за стенами их жилищ на каком бы то ни было расстоянии. Их осеняет ореол таинственности.

Некоторые из этих избранниц и сами верят в свое призвание, другие же только уверяют других, что они находятся в непосредственном общении с миром духовным, что они окружены незримыми для посторонних, непосвященных лиц добрыми духами, которые покровительствуют им, и злыми, которые им вредят. Отсюда является такое положение лекарки и гадалки, при котором допускается и удача, и неудача практики. Первая зависит от степени сочувствия добрых, вторая от степени вмешательства злых духов.

Лечение и ворожба обыкновенно не разграничиваются сартянками по профессии. Каждая лекарка есть, вместе с тем, и ворожея. Она лечит, дает советы, предсказывает будущее, гадает об отсутствующих лицах, о потерянных вещах.

Мужчины, однако же, не имеют права лично прибегать к помощи ворожей. Они сообщают о своих недугах через посредство жен и родственниц своих или со своими вопросами обращаются к мужу ворожеи, ее сыну и т.п. и через них получают лекарство или ответы на данные вопросы.

В Самарканде особенно развито гадание об утерянных и украденных предметах. В

* Сарты — принятое до 1920-х годов название оседлых жителей современного Узбекистана. (Прим. ВС).

этом отношении, говорят, самаркандские ворожеи наиболее искусны. Много раз мне случалось слышать от сартов, что их ворожеи знают, где находится потерянная вещь или кем она украдена.

К услугам мужчин, впрочем, существуют знахари и лекаря. К ним, в свою очередь, не имеют права обращаться непосредственно женщины.

У самаркандских гадалок карты еще не вошли в употребление. Сартянки сохранили способы гадания и лечения, унаследованные от предков. С некоторыми из этих способов, скорее обрядов, мне удалось познакомиться. С целью ознакомления я посетила нескольких самаркандских ворожей, говорила с ними через посредство особы, знакомой с сартовским языком, гадала и лечилась у них.

Во главе самаркандских гадалок стоит чар-чирак, то есть чародейка. Она пользуется такой популярностью, что стоит только приехать на базар и спросить: «Где живет чар-чирак?», то не только всякий сарт, но и всякий ребенок разъяснит ее адрес. На вопрос: «Почему она считается главной?» получится ответ: «Потому что она единственная чародейка города, а прочие — ворожеи. Она Чар-Чирак, а прочие — фольбин».

Название чародейка она носит потому, что дух, который у нее пребывает и ей покровительствует, хотя и остается для пациенток невидимым, как и у всех фольбин, но позволяет присутствующим слышать свой голос. Пациентки не только слышат, как он разговаривает с чар-чирак, но могут и сами предлагать ему вопросы и получают ответы. У других ворожей или фольбин, считаемых второстепенными, покровительствующие им духи не заявляют о своем присутствии так открыто.

Чар-чирак (чародейка)

Эта женщина 54-х лет, уроженка города Самарканда <...> Она среднего роста, пропорционально сложена и моложава. На круглом желтоватом лице морщин почти нет. Ее рот и нос не велики, черные небольшие глаза круглой формы. Веки по бедности ресниц обведены ободками какой-то черной краской, сообщающей глазам некоторый блеск, щеки нарумянены, зубы, хотя и желтого цвета, достаточно сохранились: ровны и довольно широки. В общем, лицо красиво и могло бы назваться приятным, если бы его не портила лукаво-нахальная улыбка и острый бегающий взгляд.

Красный бумажный платок, сложенный в виде повязки и накинута́ый немного на лоб, был завязан концами назад, причем он придерживал другой бумажный платок, распущенный во всю длину так, что он покрывал тело и часть спины чародейки.

Красная ситцевая рубаха, из-под которой чуть-чуть виднелись шаровары яркого цвета с напуском на ичиги (сафьянные сапожки), и халат из бумажной полосатой материи (вроде нашего тика), накинута́ый на плечо, составляли костюм чародейки, когда я в первый раз посетила ее.

Как и можно ожидать, чародейка особа не бедная. Оставив извозчика на базаре, мы с переводчицей узкими и, так как это было в феврале, — грязными переулками добрались до двери чар-чирак пешком. У ворот мы случайно встретились с мужем чародейки, сартом лет сорока. Он и проводил нас к жене своей. Мы прошли два обширных двора, оба застроенные по сторонам саклями или какими-то постройками вроде чулан-

чиков. Посреди первого двора вырыт большой пруд, посреди второго — также пруд, но этот второй предназначается, очевидно, только для омовения. При нем устроена возвышенная площадка из жженого кирпича, а над площадкою группа деревьев распростерла свои ветви. Здесь семья пользуется отдохновением; здесь же, может быть, по праздничным дням или накануне их, говорит мулла свои назидания и читает священные книги. На втором же дворе помещаются женщины.

Муж предупредил жену о нашем приходе, и чародейка встретила посетительницу у дверей сакли и жестом просила войти.

Сакля, как и все, за небольшим исключением, сартовские постройки, не имеет ни печи, ни окон, и свет в нее пропускается только в отворенную дверь. Весь земляной пол сакли устлан толстою киргизской работы кошмою. Никакой мебели я не заметила, кроме двух табуретов — одного обыкновенного, другого низенького, на которых лежали стопки стеганых восточных одеял, аккуратно сложенных.

В стене, против двери, устроены три ниши, из них обе крайние ничем не были заняты, а средняя закрыта опущенною занавеской, сшитой из маты (грубой бумажной ткани) и прикрепленной к ним сверху и с правой стороны гвоздями. Сверху, однако же, между гвоздями, занавеска оттянулась и образовала щель, в которую видна была глубина ниши, не превышающая пяти вершков. За этой занавеской и обитает, по народной молве, таинственный покровитель чар-чирак, дух — пари.

Пригласив нас войти, чародейка пожала мне руку и быстро отошла и села на пол спиною к занавеске, как бы выражая желание защитить собственною особою обиталище духа, если бы мы вздумали подойти и открыть таинственную завесу.

Когда мы вошли в саклю, там было несколько женщин и мальчик лет восьми. Как я потом узнала, одна из женщин — дочь чародейки, другая прислуга, остальные посетительницы. Мальчик — сын чар-чирак. Одна из посетительниц явилась просить помощи больному мужу, недуг которого только что перед нашим приходом объяснила, другие — лечиться от собственных болезней. Все женщины сидели на полу и при виде нас встали.

Убедившись, что мы не имеем намерения проникнуть за занавес, чар-чирак встала и, скинув с одного табурета одеяла, предложила мне его. Переводчица поторопилась объяснить, что я пришла гадать. Чародейка весело улыбнулась, и улыбка, принявшая оттенок самонадеянности и нахальства, уже не сходила с лица ее во все время сеанса.

По мановению руки чар-чирак все присутствующие, кроме ее дочери, удалились из сакли. Остановив на мне свой острый взгляд, она вопросительно мотнула головой на занавеску. Я ответила утвердительным кивком. Через переводчицу она спросила: «О чем барыня хочет гадать?».

Я отвечала, что у меня нет никаких вопросов, но что меня просто интересует, что скажет дух? Чар-чирак в знак того, что она поняла, кивнула мне и легла на пол головою к занавеске, а потом, выкрикнув несколько раз «Таксыр! Таксыр (господин)!», насторожила ухо. Вскоре она повернулась ко мне с торжествующим видом и сказала: «Он здесь и будет говорить!».

Нас она пригласила последовать ее примеру, то есть лечь на пол, что мы и исполнили. Из ниши послышались едва уловимые звуки, напоминавшие писк комара. Как ни

прислушивалась я к этим звукам, но объяснить, вследствие чего происходят они или посредством чего производятся, не могу. Само собой разумеется, что их производил кто-нибудь из близких чародейке лиц за стеною сакли на большем или меньшем от ниши расстоянии и посредством какого-нибудь приспособления. Звуки эти не были ровны: порою слышно было дребезжание, порою выкрикивания, но опять-таки едва уловимые. Иногда казалось, что в саклю доносятся откуда-то выкрикивания «петрушки», иногда же звуки напоминали детскую игру на гребне. Если бы можно было предположить, что чар-чирак знакома с телефоном, то я, скорее всего, пришла бы к заключению, что из сакли, занимаемой мужем чародейки на переднем дворе, в нишу, обитаемую духом, проведен плохо устроенный телефон.

В то время как я прислушивалась, стараясь разобраться в причинах появления звуков, переводчица улавливала смысл произносимых духом фраз и переводила на русский язык. Мнимый дух говорил: «Хотя вы мне не задали вопросов, но я сам знаю, что женщины всегда гадают о мужчинах, и тот, о котором гадают барыня, очень далеко отсюда, но он жив и здоров»...

Чар-чирак, поняв, что дух попал не в тон, прервала его вопросом:

— Таксыр! Что будет с барыней?

— О, она будет жить до глубокой старости, будет богата и счастлива, — отвечал таксыр.

Соскучившись выслушивать общие места и самые банальные фразы, я просила чар-чирак прервать предсказания духа и рассказать лучше, что это за дух, с какого времени он поселился у нее в нише, добрый он или злой и почему ей покровительствует?

— Это пари (дух), — заговорила она с веселым лицом, на котором и тени не было благоговения, ни даже уважения к духу и к тому, что она собирается рассказать. — Это пари, дарованный мне Богом. Он добрый дух и покровительствует мне с самого моего рождения, да он и родился со мной вместе. Вот как это было. Когда мать моя ходила беременной мною, то однажды почувствовала, что ее кто-то невидимый толкнул снаружи в живот. Боли она не почувствовала, но когда осмотрела себя, то увидела черное пятно на том месте, где чувствовался толчок. Пятно это не исчезло до моего появления на свет. Со времени толчка мать начала чувствовать, что носит не одну меня, а и еще кого-то другого, неведомого. Это и был мой пари. Он вошел ко мне, родился со мною и живет, не разлучаясь. Вот здесь, за занавеской, его жилище. Изредка он улетает, но ненадолго, и всякий раз я знаю, когда он намеревается покинуть свое жилище: тогда в саклю собирается масса мух, как бы для того, чтобы нести его на своих крыльях.

На вопрос о наружности пари чар-чирак отвечала, что в детстве и в молодости до замужества она почти постоянно видела его в виде пара или струйки дыма, а со времени замужества перестала видеть и удостоивается только права вызывать его к прорицанию. Если дух не воспротивится, то чар-чирак передаст свое право в наследство дочери. Гаданьем и леченьем занималась и мать чар-чирак, и бабка, и прабабка ее, но ни одна из них не была чар-чирак, — все они были простые фольбин. Она же умоляет духа даровать ее дочери право, каким пользуется сама.

— Кроме меня, — заключила свой рассказ чар-чирак, — никто не видал и не увидит моего пари. Моя дочь, чтобы быть достойною видеть духа, когда займет мое место чар-чирак, не выходит замуж. Девушке он скорее покажется, чем женщине.

Чар-чирок не из тех гадалок, которые сами верят в свое могущество: так показалось мне и по выражению лица и по тону голоса, которым она вела свой рассказ. Она даже не сочла нужным притворяться серьезно, растроганною или, по крайней мере, скромною и осторожною. Неужели сартянкам, ее пациенткам, не приходит в голову, что если бы за занавескою действительно находился пари, то есть дух, — сила, действующая и управляющая, ниспосланная Богом, — то как присмирела бы сама чар-чирок, как осторожно говорила бы она, как молилась бы перед тем, как обращаться к духу?

Было бы странно, если бы мне не пришла в голову мысль заглянуть за занавеску и хотя бы бегло взглянуть на устройство ниши. Мы стояли у самой занавески и, несмотря на то, что чар-чирок защищала нишу, сидя по-прежнему спиною к ней, можно было бы быстрым движением руки откинуть занавес! И соблазн был велик! Но что же было бы, если бы я позволила себе такой поступок? Без сомнения, я потеряла бы право посетить чар-чирок во второй раз, и всякую другую гадалку. Мое насилие вызвало бы вражду ко мне, — сартянки весьма подозрительны и недоверчивы. А между тем было более чем сомнительно, чтобы чар-чирок согласилась удовлетворить мое любопытство. Я, однако же, решилась так или иначе подействовать на нее и, чтобы помочь ей в затруднительном положении, начала убеждать чар-чирок открыть занавеску, заявляя в то же время, что я не льщу себя надеждой видеть ее покровителя, т.к. понимаю, что недостойна этого.

— Вы, может быть, думаете, что там сидит человек?— спросила она недовольным тоном. Ей не понравилось мое любопытство.

— Нет, я знаю, что там человек не поместится, ниша мелка для этого. Откройте же, пожалуйста, занавес.

— Этого я никогда не делаю, никто не видал пари, и вы не увидите.

Я обещала награду чар-чирок, если она сделает исключение для меня.

— Ни за какие сокровища в мире,— сказала она тоном, не допускающим возражения. Я, однако, продолжала настаивать.

В разговор вмешалась сидевшая в стороне дочь чародейки, будущая чар-чирок. Она с жаром стала поддерживать свою мать, а меня принялась запугивать. Разговор через переводчицу ей показался медленным, она нетерпеливо вскочила на ноги и, встав передо мною, начала мимический разговор, объясняя порывистыми жестами, что если я увижу пари, то могу ослепнуть, что я могу упасть навзничь и моментально умереть, что со мною могут сделаться конвульсии и судороги. На все это я отвечала, что пари я не увижу, а потому и никаких бед со мною не случится, что я желаю увидеть только жилище духа.

С целью отвлечь мое внимание от ниши, чар-чирок спросила, не желаю ли я узнать, что мне скажет книга. Я приняла предложение. Мне снова был предоставлен табурет.

Чародейка послала дочь за книгой и, когда мы остались одни, стала в меня вглядываться, как будто изучая меня по выражению моего лица. Пользуясь этим, я два раза молча кивнула ей на занавеску, но каждый раз получала в ответ отрицательное мотанье головою. Дочь вернулась, подала матери книгу и тотчас же вышла из сакли, притворив за собою дверь. Она, кажется, была уверена, что аргументы ее на меня подействовали.

Свет в саклю проникал только в щель и падал, вероятно, случайно, на мою особу. Чародейка же, сидевшая у занавеси, была в тени. Взяв в руки книгу, она поцеловала ее, положила на колени и стала перелистывать. Было настолько темно, что читать было невозможно, но чар-чирак не отворила дверь и не приблизилась к свету. Да она, вероятно, и не нуждалась в свете. Едва ли она грамотная! Она как-то безучастно перевертывала страницы, уставилась в одну точку и, не следуя взглядом по строкам, перевертывала листы далее. Как дети, еще не умеющие читать, копируя больших, держат перед собой раскрытую книгу, так и чар-чирак делала вид, что читает и разыскивает в книге место, где обо мне написано. Это было смешно, но я старалась сохранить серьезное отношение к делу, чтобы не повредить себе в ее мнении. Порой она прерывала свое занятие и пристально взглядывала на меня. Улавливая ее взгляд, я кивала на занавес. Она машинально отрицала, и в то же время, казалось, обдумывала, что должна сказать мне книга. Наконец чародейка перекинула сразу почти половину книги и остановилась на предпоследней странице.

— Брось деньги, — сказала она.

Когда же я подала ей монету из рук в руки, она сама бросила ее на пол.

— Барыня! Ты будешь долго жить. Ты много заботишься. У тебя много врагов и почти нет друзей, даже те, которых ты считаешь друзьями, — враги твои. Они желают тебе зла и мешают достигать того, чего ты желаешь достигнуть.

Чар-чирак остановилась и вопросительно смотрела на меня. Я выслушала и молча кивнула головою на занавеску. В глазах чародейки мелькнул огонек. Она даже изменилась в лице и вдруг решительным тоном заговорила:

— Барыня мне нравится. Ее душа загорелась желанием видеть пари. Не нужно мне ее денег, я открою занавес. Только его она не увидит, а посмотрит на место, где он живет. — Она улыбнулась мне приятельски, попросила переводчицу открыть дверь, а сама встала и подняла занавеску.

Глазам моим представилась обыкновенная ниша с полками. На полу ниши я увидела тонкий ватный тюфячок четверти в две длиною, покрытый лоскутом маты, — постель духа. Тут же стояла жестяная коробочка из-под монпансье без крышки и пустая. Нижнюю полочку занимали пустые глиняные чашечки, должно быть, для сбора денег, и пук свечей длиною в четверть (это просто лучинки, обмакнутые в баранье сало).

На второй или верхней полке стояла одна большая глиняная чашка, наполненная лоскутками бумаги, написанными по-сартовски, — рецепты духа. Тут же лежала острая деревянная палочка — перо духа — и маленькая глиняная чашка с черною краскою.

Никаких особых приспособлений для переговоров в нише не было и никаких отверстий не замечалось. Сеанс был окончен. Оставалось проститься. Я поблагодарила чар-чирак, положив ей деньги в руки во время пожатия. На этот раз она не бросила их на пол, а положила в одну из глиняных чашечек, находившихся в нише.

— Барыня не обратила внимания на то, что сказала ей книга, — заметила с улыбкою чар-чирак. — У барыни много врагов, и ей следовало бы сделать их бессильными вредить.

— Ну, как же это сделать?

— Я помолюсь пари и попрошу его указать способ.

Конечно, я обрадовалась случаю играть роль пациентки и просила чародейку тот-

час же приступить к делу. Но она отказывалась на том основании, что к такому серьезному делу нужно подготовиться, что она должна совершить омовение, ничего не есть до заката и долгое время молиться. Мы условились о дне второго посещения и, расставаясь, приятельски потрясли друг другу руки.

В назначенный день и час мы приехали к чар-чирак и застали ее и двух посетительниц-сартянок лежащими на полу и слушающими изречения пари. Завидя нас, чародейка тотчас же без церемоний выпроводила своих пациенток. Мы были приняты с изысканною любезностью. На этот раз чар-чирак была в торжественном настроении. Веселой улыбки не замечалось. Она была серьезна. Желтовато-бледное лицо оставалось без прикрас. С торжественным настроением гармонировал и торжественный костюм. Она была одета вся в белом, и белое длинное покрывало, привязанное к голове повязкой, сделанной из белого же платка, спускалось по спине до полу. Она напоминала собою древнюю жрицу.

Усадив меня на табурет, чар-чирак взяла в руки священную книгу, поцеловала ее, приложила ко лбу и развернула. Там лежали четыре лоскутка бумаги, написанные по-сартовски. Один из этих лоскутков был квадратный, вершка полтора длины и ширины, а остальные в виде лент, два в четверть длиною и в вершок шириною и один в три вершка длиною. На трех последних сделаны с одного боку надрезы, разделяющие рецепты на шесть частей каждый и один, что короче других, на три части.

— Я много молилась о барыне, — заговорила чар-чирак, — и пари внял моим молитвам. Он написал для тебя собственноручно эти четыре рецепта. — Она стала подавать мне рецепты один за другим, объясняя, как поступать с ними, чтобы оградить себя от всех козней врагов и ложных друзей.

— Вот этот нужно зашить в ладанку и носить на правом плече, — сказала она, подавая квадратный лоскуток бумаги. Содержание его следующее: «Бисм-и-Алла Аль-рахман Аль-рахма (Во имя Бога, милостивого и милосердного). Хаид Султан Факыр-Ходжа Махсад Падша Шайх Маула Мухаммад-ет-дин Халил»...

— Вот от этого рецепта, — продолжала чар-чирак, — нужно каждый вечер отделять по надрезу частицу, сжигать ее и распылять пепел в воздухе. — Это был рецепт, разделенный на три части.

— От этого отделять по частице также по надрезу и пить вечером, а от этого по частице пить утром. — Это были два рецепта, разделенные на шесть частей. Заметив мое недоумение относительно употребления двух последних рецептов, чар-чирак пояснила:

— Следует наливать на бумагу немного воды, и когда вода смывает чернила или краску с бумаги, то эту воду выпивать непременно. Саму же бумагу, барыня, если не пожелает, может не глотать, хотя лучше бы было проглатывать и бумагу. Всех других пациенток я даже обязываю к этому.

Все три рецепта были одного содержания, кабалистический смысл которых — тайна ворожеи; на одном, например, начертано было до 30 знаков, напоминающих римскую цифру V, на других такие же пятерки, но наоборот, причем знаки эти связаны полудугой по два и по три вместе.

Помолчав, пока я рассматривала рецепты и прятала их, чар-чирак закончила свои медицинские советы так:

— Если все будет исполнено, как пари приказал, то не только ложные друзья барыни превратятся в истинных друзей, но и враги сделаются друзьями или, по крайней мере, будут бессильны вредить.

С благодарностью к чар-чирак за ее заботы обо мне, я, разумеется, сказала ей, что все исполню, как она посоветовала.

С мыслью, не замечу ли я, на этот раз, чего-нибудь подозрительного в нише, я попросила хозяйку показать мне ее. Она беспрекословно исполнила мое желание. Там чего-нибудь нового, обращающего на себя внимание, не заметно было. Глиняные чашечки только заменены берестовыми коробочками да подле пучка свечей лежал, прикрепленный к черному шнурку, для удобства надевания на шею, амулет чар-чирак, то есть зашитая в тряпочку выписка из корана, сделанная, как пояснила чародейка, рукою пари. Тут же лежали очки чар-чирак. Очки с большими круглыми стеклами прикреплены к белому кисейному лоскутку, в котором вырезаны отверстия для стекол. Чар-чирак надевает очки преимущественно в жаркое время года, и то только при выходе из дома, для предохранения глаз от пыли и солнечного света, слишком яркого здесь, — кисейный же лоскут покрывает лицо чародейки. Таким образом, чар-чирак в летнее время появляется на улице под двумя покрывалами, чего не делают другие женщины, носящие одно черное волосяное покрывало.

При прощанье чар-чирак предложила мне свою медицинскую практику и на будущее время, если явится в том необходимость. Я обещала навестить ее в свободное время...

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Фаресов А. Забытая писательница и ее заслуги // Русская старина. 1908. № 9. — С. 635.

² Указ. соч. // Русская старина. 1908. № 10. — С. 226.

³ Туркестанские ведомости. № 1905. 29 окт./11 ноября 1900 г.

⁴ Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Том IX. Вып. II. 1906. — С. 6.

Александр ДЖУМАЕВ

«Радости бытия высокого порядка»

Александр Семенов — исследователь культуры Средней Азии

Его имя нередко ставят в один ряд с именем выдающегося ученого первой трети XX века — его учителя В.В. Бартольда. И неудивительно — по масштабу деяний вряд ли можно найти более подходящую фигуру для сравнения. К тому же они были многолетними друзьями и соратниками.

Александр Александрович Семенов (1873—1958), как и В.В. Бартольд, был русским историком-среднеазиетоведом широкого профиля, востоковедом-иранистом, знатоком рукописного наследия и автором многочисленных переводов средневековых источников, уникальным специалистом по исмаилизму и многому другому¹. Однако, в отличие от Бартольда, он принадлежал, по определению историографов, к категории «местных деятелей», тех, что «связали свою судьбу с работой в Туркестане и являлись активными деятелями местных научно-краеведческих организаций»².

Но есть область исследований, где Семенов, по-видимому, не имел себе равных даже среди своих именитых современников — а эпоха была на редкость богата крупными и талантливыми учеными. Речь идет о художественной культуре народов Средней Азии и Ирана. Здесь заслуги Семенова как исследователя совершенно очевидны³. Его интересы в этой области были необычайно широкими. Трудно назвать вид художественного творчества, который бы не привлек внимания ученого и о котором он не оставил бы своих наблюдений. Именно слово «наблюдение» — в данном случае, по сути, аналогичное «эстетическому наблюдению» — приходит в голову при попытке схватить самую значимую черту в искусствоведческом методе Семенова (что и прояснится в процессе развертывания сюжета нашей статьи). Ковры, ткани, ковка по металлу, оружие, керамика, художественное оформление рукописей, каллиграфия, миниатюра, геммы, архитектурные памятники, фольклор, поэзия...

Особняком в этом ряду стоит история музыкальной культуры народов Востока и, в особенности, трактаты по музыкальной науке Средних веков на персидско-таджикском языке, в том числе теоретического характера, с применением математических способов изложения. Вот уж куда в тот период действительно — за исключением разрозненных свидетельств — «не ступала нога» российского исследователя-востоковеда.

Мне могут возразить, что все это — в прошлом, что труды Семенова давно уже стали достоянием истории науки, а современные искусствоведы, мол, основательно

ушли вперед: опубликовали множество статей, монографий и альбомов, защитили диссертации... Это действительно так. И тем не менее, работы А.А. Семенова, благодаря многим своим достоинствам, остаются на недостижимой высоте: они содержат в себе огромное количество неизвестных и забытых фактов и сведений, тонких наблюдений и выводов. Притом, что немалое число работ Семенова поныне остаются неопубликованными и нечитанными и по большей части связь с ними в последующих исследованиях оборвана.

Есть и другой момент, который придает особую ценность искусствоведческим текстам Семенова в наши дни. Временами при их чтении возникает нечто вроде ностальгии — ностальгии по утерянному *научному мироощущению*. Понимаешь, насколько изменились стиль и методы современного искусствоведения. Так, как писал Семенов, теперь уже не пишут (или не могут?). Искусствоведческая наука претерпела в своем развитии существенные изменения. Конечно, она стала точнее и конкретнее, выработала свой понятийно-терминологический аппарат. Она опирается на большую фактическую (и все возрастающую) базу артефактов и современные исследования ученых разных стран. Но утрачены какие-то ее сущностные черты — между исследователем и художественной вещью произошло отчуждение. Живая, непосредственная связь между ними подменяется терминологической «завесой», усложненными словесными конструкциями. Нередко — искусным продвижением коммерческого бренда. Вещь не осязается. Она «вышла в тираж», раздробилась на мелкие осколки в многочисленных аналогиях и сопоставлениях, подменивших собой ее чувственно-эстетизированное восприятие и соответствующее истолкование. Создается иллюзия, имитация глубинного анализа искусства, его форм и образов.

Нужно ли говорить, что, знакомясь с научными работами Семенова, вникая в их академическую глубину, всегда ощущаешь присутствие этой тонкой и трепетной связи между ученым и художественной вещью. Она, возможно, и составляет квинтэссенцию его искусствоведческого наследия. Эстетизированное восприятие очарованного человека соседствует с академически выверенным описанием. Примеры такого подхода обнаруживаются во многих работах ученого.

Творческий подход Семенова-исследователя к искусству неотделим от его личности как ценителя искусства. Семенов был вдохновенным и очарованным почитателем и ценителем художественной культуры мусульманского Востока. Он любовался «восточной» вещью, знал ее художественную ценность и через призму своего особого отношения к Востоку рассматривал историю его культуры. От такого отношения или даже эмоционально-психического состояния шел его интерес к коллекционированию. Но это было коллекционирование совсем в особом понимании, которое теперь показалось бы просто странным. Он не смотрел на вещь глазами бытового потребителя, научного классификатора или «антиквара», проигрывающего в голове возможные варианты реализации. Да и сами торговцы стариной (во всяком случае, многие из них), с которыми ученый временами имел дело, представляли иной, теперь уже исчезнувший тип людей. Семенов не помышлял о материальной стоимости, практической ценности, утилитарном значении вещи. Но думал о связи ее эстетической сущности с назначением в жизни человека, о нерасторжимости и единстве функционального и эстетического. Вещь доставляла ему глубокое эстетическое на-

слаждение. А затем уже, как следствие, это побуждало ученого к ее описанию и исследованию.

Не случайно в списке его работ по художественной культуре мы находим статьи, появление которых кажется неожиданным и «необоснованным» с точки зрения основных научных интересов ученого. Художественно исполненная вещь, попадавшая в его распоряжение, очаровывала его. И именно это очарование подвигало его рассказать другим о своем удивительном сокровище. Крошечная гемма или старинные медные сосуды из Бухары, художественно оформленная персидская рукопись или судок для пряностей, персидская бронзовая чашечка с надписями или необыкновенного узора старинный ковер⁴... Такое отношение к художественному изделию само по себе заслуживает специального осмысления, — и на этом мы делаем акцент в данной статье.

Современники не раз отмечали присущее Семенову возвышенное состояние духа, когда «и в преклонные годы он поражал всех жизнелюбием, энергией»⁵. В речи на собственном 80-летию Семенов приоткрыл секрет своей творческой молодости, неутомимости ученого и свежести научного интереса. Всю свою жизнь, признался Александр Александрович, он интересовался искусством «во всех его проявлениях». «И это давало мне возможность наслаждаться отдыхом в получении новых ощущений, новых эстетических удовольствий». Это были «радости бытия высокого порядка»⁶.

Черты личности и художественные вкусы

Тонкий художественный вкус и мастерство ученого-искусствоведа сформировались у Семенова не сразу. Они складывались в период его обучения в Лазаревском Институте восточных языков в Москве. Студентом Александр Александрович прослушал цикл лекций у известного востоковеда В.Ф. Миллера (1848—1913), который уделял особое внимание искусству народов Древнего Востока. В этот же период у будущего ученого зарождается глубокий интерес к европейскому изобразительному искусству. «Занимаясь в Лазаревском институте, он сближается с кружком молодых московских художников, группировавшихся вокруг Московского училища живописи, ваяния и зодчества, усердно занимается рисованием, посещает передвижные выставки, участвует в разных дискуссиях по вопросам искусства» (записано со слов Семенова Л.П. Сечкиной). По рассказам ученого, он посещал занятия в художественном училище. И хотя не стал профессионалом, но, тем не менее, прошел хорошую школу рисунка и в экспедиции 1898 года выполнял «по совместительству» и обязанности художника: иллюстрации в книге «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза» выполнены с его зарисовок. Позже Семенов достиг больших успехов в области цветной (точнее, раскрашенной) фотографии⁷.

Таким образом, еще до переезда в начале XX века в Ташкент, где впоследствии прошли многие годы его жизни, Семенов уже обладал значительным художественным опытом. И не только приобретенным в результате обучения. Еще студентом, в 1897 году, он совершил свою первую поездку в Среднюю Азию. Около месяца прожил в Бухаре. Бухара произвела на вдумчивого молодого человека неизгладимое впечатление. «На базарах, заваленных товарами, А.А. Семенова манили рукописи, литографии, старинные монеты, различные древние статуэтки, геммы»⁸.

Среднеазиатские базары таили в те годы множество неожиданных художественных открытий. Позже их посещение превратится у Семенова в привычку, в вид интеллектуального отдохновения, но также — и в поиск новых сюжетов и тем, способ обдумывания проблем, сбор своего рода «полевой информации». Это было возможно во многом благодаря свободному владению таджикским и узбекским языками. Здесь, на базарах, не только приобретались приглянувшиеся вещи, но и завязывались знакомства, получалась ценная информация от самих продавцов. Многие из них в те далекие годы были подлинными хранителями знаний о традиционной духовной и материальной культуре своего времени. Нередко с посещения базара начиналась история написания той или иной работы об удивительной художественной находке, — об этом будет сказано ниже. Этот опыт общения с владельцами художественных изделий и с большим числом мастеров-ремесленников отразился во многих исследованиях Семенова как один из источников знания.

Одним из единомышленников и друзей Александра Семенова в Ташкенте был страстный собиратель восточных древностей, бывший консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский, проявивший себя также и как востоковед. Общение с ним и с другими ценителями художественной культуры Средней Азии стало для Семенова стимулом к созданию собственной коллекции восточных древностей. Александр Александрович в деталях помнил наиболее художественно значимые предметы из коллекции своего друга. Примечательно, например, его эмоционально окрашенное воспоминание-описание (пятьдесят лет спустя!) одной из принадлежавших Петровскому гемм:

«Представьте себе кусок светло-бурого сердолика сантиметра в три длиною, в виде большого кабошона, превосходно отполированного; на этой полусферической поверхности были великолепно вырезаны две головы: одна — юноши, а другая — девушки или очень молодой женщины, обращенные друг к другу, их разделяла лишь вершина кабошона, так что они лежали не на одной плоскости, а каждая на покатосях кабошона. Работа была выдержана в стиле того синкретического искусства, которое называется гандхара и которое является сочетанием эллинистического искусства с индийским. Такой большой геммы и на такой формы камне я никогда не видал ни до этого, ни позже»⁹.

Собственную коллекцию Семенов начал собирать очень рано. По его словам, еще в молодости он «увлекся коллекционированием предметов так называемой “персидской бронзы”»¹⁰. Круг интересов коллекционера расширялся. Очень скоро Семенов составил «прекрасную коллекцию рукописей, гемм, монет, средневековой бронзы»¹¹. Коллекция Семенова была хорошо известна и в кругу востоковедов и историков той поры. Долгие годы вокруг нее и ее судьбы ходило много удивительных рассказов и легенд, отголоски которых дошли и до наших дней.

Коллекция Семенова не была замкнутым в себе собранием раритетов. Ученый активно вовлекал ее в собственные научные исследования. В его работах можно обнаружить немало ссылок на личное собрание рукописей и различных художественных предметов. Доступ к коллекции Семенова имели и другие ученые¹² и даже начинающие исследователи, студенты (как это видно, например, из приведенного ниже рассказа искусствоведа Н.А. Аведовой).

Свою личную увлеченность собирательством и коллекционированием Семенов

сочетал с высокой гражданской ответственностью. На протяжении всей своей жизни он был глубоко обеспокоен состоянием сохранности художественных ценностей в Средней Азии. Хорошо известны, например, его сатирически-саркастические заявления в начале 1900-х о варварском отношении к мечети в Аннау (близ Ашхабада) и призывы срочно принять меры к ее документальной фиксации.

В контексте темы нашей статьи заслуживает внимания описание Семеновым памятника, отражающее его эстетический подход к объектам художественной культуры:

«На высоком холме, доминирующем над окрестностью, стоит старая-престарая мечеть из великолепно жженого кирпича. Высокий портал с островерхой аркой сверкает своими великолепными изразцами. Два полных экспрессии мозаичных гигантских дракона по обеим сторонам арки заставляют до сих пор стоять пред ними путника в немом удивлении. Это лучший памятник художественной средневековой мусульманской мозаики, единственное во всей Средней Азии столь изящное произведение художественного гения страны. Целая поэтическая сказка разноцветной, искусно скомпонованной глазури. Очаровательная картина весьма своеобразного, необыкновенно тонко выполненного орнамента»¹³.

С самого начала советского культурного строительства Семенов также выступает активным поборником скорейшего вовлечения памятников художественной культуры прошлого в научный и учебный процесс. Для него сам образ старого Туркестана ассоциировался с «громادным памятником искусства». Обеспокоенный тем, что этот «громадный памятник» «медленно, но неуклонно разрушается», Семенов в 1920 году обращается в Туркестанский восточный институт с разработанной им программой документированной фиксации и исследования произведений искусства. Программа предполагала составление альбома фотографий различных архитектурных деталей: «а) стенных алебастровых орнаментов, арабесок и сталактитов; б) резьбы по дереву (ворота, двери, косяки, колонны); в) орнаментов мраморных (бордюры, углы, обрамления каменных плит); г) резьбы по металлу (утварь, оружие, дверные кольца и т.д.); 4) орнаментов, рисованных или выложенных из кирпичей или майоликов»¹⁴.

Отношение Семенова к искусству Востока в целом и к каждой художественной вещи удивительным образом гармонировало с его личностью, с его внутренним духовным миром, с его яркой и богатой художественной натурой, о которой сохранилось немало свидетельств его современников — жителей Ташкента.

Ташкент — город, куда Семенов неоднократно возвращался и где прошли многие годы его научной деятельности. Вторично Семенов прибыл в Ташкент вместе с эшелонном ученых, отправленных В.И. Лениным в 1920 году для основания Туркестанского Университета. В 1920—1930-е годы (да и позже, вплоть до землетрясения) Ташкент сохранял многие черты старого быта, теперь уже безвозвратно ушедшие в прошлое. Старая интеллигенция и бывшее служилое чиновничество размещались в одноэтажных уютных домиках, компактно расположенных в нескольких районах нового города. В одном из таких районов, занимавшем пространство за Алайским базаром, в третьем Ак-Курганском переулке, дом № 10, и проживал профессор Туркестанского восточного института (впоследствии — Восточного факультета САГУ) А.А. Семенов.

Колоритнейшая фигура своего времени, он сохранился в памяти современников разных поколений. Лазарь Израилевич Ремпель вспоминал: «Облик его запомнился

надолго. Есть, видимо, какой-то секрет в том, что одни образы в нас живут прочно и долго, а другие скользят и исчезают без следа»¹⁵. Мне довелось слышать рассказы ташкентского искусствоведа Н.А. Аведовой (1923—2006) о Семенове и ее общении с ним¹⁶. Дом Аведовых находился на улице Урицкого, расположенной в одном квартале с улицей Ак-Курганской. Со студенческих лет запечатлелся в памяти Нины Арташесовны облик Семенова, неспешно следовавшего в знойные летние дни по их улице в белой украинской рубашке-косоворотке и широкополой светлой шляпе. Несмотря на свой небольшой рост, Семенов производил очень внушительное впечатление. Этому способствовали и знаменитые «семеновские», слегка закрученные вверх, пышные усы, и его дородность, и неспешность выразительной речи с характерными оборотами почтительного обращения, и утонченные манеры. Нужно ли напоминать, что этот человек в дореволюционное время входил в круг высшей правящей аристократии края, был вице-губернатором Самаркандской области, несколько раз лично встречался в Бухаре по служебным делам с эмиром Бухарским, знал в совершенстве несколько восточных и европейских языков...

По рассказам Нины Арташесовны, Семенов обладал удивительным обаянием, чем располагал студенческую молодежь к дружескому доверительному общению. Известный ташкентский музыкальный этнограф и композитор В.А. Успенский (1879—1949) в письме к своему другу музыковеду В.М. Беляеву в Москву (в ноябре 1935 года) называет Семенова «милейшим и очаровательным» человеком¹⁷.

Н.А. Аведова вспоминала, как, выбрав темой своей дипломной работы сведения о художественных ремеслах в индийской энциклопедии Ваджида Али «Матла' ал-'улум ва маджма' ал-фунун», она по совету своего руководителя Г.А. Пугаченковой обратилась к Семенову с просьбой предоставить ей во временное пользование старое литографированное издание энциклопедии из его коллекции. Семенов внимательно выслушал студентку, расспросил о предстоящей научной работе, пообещал принести энциклопедию, но при этом полушутя заметил: «А вы знаете, я должен вас предупредить, что в этой энциклопедии есть некоторые места, которые нежелательно читать молодой девушке»¹⁸.

Семенову, с его «особым» прошлым, было трудно в ситуации, сложившейся после Октябрьской революции. Отдельные его публикации и взгляды подвергались суровой и несправедливой критике в печати и на различных собраниях. Обращалось внимание на его «чуждые позиции» в науке. Известно, что в начале 1930-х годов Семенов подвергался аресту, заключению под стражу и высылке из Ташкента¹⁹.

Об одном из таких эпизодов, произошедшем после очередной критической публикации, вспоминал Л.И. Ремпель:

«Пышнотелый, грузный, с колючими стрелками закрученных в разные стороны усов, Александр Александрович сидел на поскрипывающем под ним стуле в окружении соболезнующих ему нейтралов и, как бы рассуждая сам с собой, говорил: “Ну что ж удивительного в том, что я плохой марксист, было бы удивительно, если бы выяснилось обратное — что бывший губернатор Туркестана стал хорошим марксистом”. Рассказывали, что на одном собрании, где особенно резко осуждались идейные промахи маститого ученого и где ожидалась его длинная покаянная речь, он, выслушав всех и не торопясь, привстав, глубокомысленно изрек: “Осознал!”... и сел. На этом вопрос был исчерпан»²⁰.

Однако ни в 1930-е, ни в трудные годы Великой Отечественной войны Семенов не менял своего образа жизни и принципов научного познания, следуя раз и навсегда установленным правилам.

Удивительную историю — маленький штрих к портрету ученого — поведала мне Галина Лонгиновна Герус-Козловская, вдова композитора Алексея Федоровича Козловского (1905—1976)²¹. Чета Козловских находилась в добрых дружеских отношениях с Семеновым. В ходе работы над оперой «Улугбек» (1942) Козловскому потребовалась консультация Семенова. В один из дней Козловские посетили ученого — и застали его за обедом. Время было голодное. На обеденном столе Семенова стояла изысканная хрустальная рыбница с... одной-единственной рыбкой в ней. Вокруг было разложено столовое серебро. А сам Семенов в накрахмаленном белом нагруднике восседал за столом, завершая картину торжественной трапезы...

Пиршество «искусствоведческого духа»

В противоположность материальному аскетизму Семенова, его исследовательский дух не терпел преград в поисках своего «эстетического пиршества». Даже, казалось бы, такой прагматический жанр, как описание рукописи в каталоге восточных рукописей, приобретал у Семенова не свойственные этому жанру черты. Стоит обратиться к первым томам основанного и руководимого им гигантского проекта по описанию восточных рукописей в собрании Академии наук Узбекистана²². Почти каждое описание Семенова — это миниатюрное эссе. Он воспринимал рукопись не только как письменный источник, но и как художественное творение.

Не случайно центральное место в искусствоведческих работах Семенова заняла восточная рукопись и связанная с ее развитием книжная миниатюра. Этой теме он посвятил несколько своих опубликованных и рукописных работ²³. Именно Семенову принадлежит честь научного воссоздания забытой технологии производства художественной рукописи. Крупным вкладом в этом направлении стала его работа «Художественная рукопись на территории современного Узбекистана», выполненная по плану Института искусствознания в 1948 году. Она состояла из двух разделов: «Производство среднеазиатской бумаги» и «Создание художественной рукописи»²⁴. Семенов проследил историю развития бумажного производства в Средней Азии и тщательно, во всех технологических деталях описал процесс изготовления бумаги на примере самаркандских, бухарских и, в особенности, кокандских мастерских.

Многолетние личные наблюдения, эстетические переживания, вызванные общением с прекрасными фолиантами прошлого, позволили автору представить интересные попытки их истолкования.

«По-видимому, и бухарская, и гератская бумаги, — писал он в своем неопубликованном исследовании, — в одинаковой мере отличались высокими качествами: прочностью, прекрасным глянцем, теплотою их чуть желтоватого или совершенно белого цвета и легкостью письма на них, поэтому истинные шедевры каллиграфического искусства, бухарские и гератские рукописи XV-XVI вв., в весьма значительной степени обязаны своим чудесным оформлением именно прекраснейшей бумаге»²⁵.

Здесь же мы находим и тонко прочувствованные характеристики отдельных, конкретных видов бумаги. Например, шелковой:

«...[Э]легантная, плотная, с идеально гладкой поверхностью по большей части цвета крем; она превосходно ложилась и давала на ощупь очень приятное ощущение как-бы новых европейских кредитных билетов».

Или — о полушелковой бумаге:

«...перелистывание написанных на ней рукописей дает ощущение какой-то теплоты и впечатление основательности воспроизведения самого текста рукописи»²⁶.

Говоря о кокандской бумаге, ее достоинствах и отличиях от самаркандской, гератской и бухарской, Семенов и здесь обращается к своим эстетическим ощущениям:

«Так как она вырабатывалась из хлопчатобумажной массы, то в ней не было той замечательной теплоты и приятности на ощупь, кои составляли неотъемлемую принадлежность прежней бумаги»²⁷.

Кризис бумажного производства в XVIII — XIX веках привел к тому, что бумага этого периода

«...не выдерживает сравнения с бумагой предшествующих столетий в смысле меньшей своей добротности, не такой элегантности технического выполнения и отсутствия общего какого-то теплого тона и чудесного глянца, присущих старинной бумаге»²⁸.

Тонкое эстетическое чувство дополняется у Семенова опытом живого общения с различными мастерами — участниками процесса изготовления рукописи:

«Теперь трудно сказать, сколько раз покрывалась и ложилась бумага старых роскошных рукописей, так как пятьсот-четырееста лет, пронесшиеся над такими памятниками, в значительной мере ослабили этот глянец. Позднейшие бухарские каллиграфы XIX—XX вв. уверяли меня, что больше двух-трех раз подряд бумага не ложилась, но бывший в моих руках в 1912 г. экземпляр 2-го тома «Книги исцеления (души = Китаб уш-Шефа)» с экслибрисом библиотеки последнего Тимурида, Султан-Хусейн-мирзы (1469—1506), современника Алишера Навои, был совершенно исключительно по своей плотной и почти как зеркало блестящей бумаге, на которой арабский текст был написан столь черными и высохшими до блеска каменного угля чернилами, что все буквы казались только что написанными и еще не высохшими. Этот исключительный том знаменитого философского труда величайшего средневекового ученого, каким был Ибн-и Сина, или Авиценна (ум. в 1037 г.), переписанный по распоряжению Султан-Хусейн-мирзы, несомненно, был выполнен на бумаге, подвергнутой многократному лощению, может быть, действительно семи-восьмикратному, как определяет предел лощения бумаги выше цитировавшийся индийский труд»²⁹.

Продолжая тему живого общения Семенова с мастерами-ремесленниками и хранителями художественных традиций, нельзя не привести один из его удивительных рассказов. Его сообщает сам Семенов в статье «Некоторые материалы по персидско-таджикской эпиграфике бытового характера XVI — XX вв.», где дает описание нескольких

художественных предметов, некогда выполнявших различные функции в жизни среднеазиатского горожанина³⁰. Однако не все предметы поддавались однозначному истолкованию — назначение некоторых из них было забыто и утрачено. Среди последних оказались персидские медные «курильницы», как условно обозначил их Семенов (со ссылкой на один иностранный музейный путеводитель), которые, по мнению ученого, «употреблялись, по-видимому, до XVIII в.». Подобные «курильницы» имели глухие, без отверстий, крышки, а по бокам нередко — гравированные надписи на персидском языке. Семенов пишет, что не мог представить, «как можно класть в них горящие угли и сыпать на них благовония». «Я много раз показывал такие “курильницы” персиянам разных сословий и положений и из разных местностей Персии, и мне никто не мог сказать, для чего предназначались эти чашеподобные, на ножках, вещи. “Видали, — говорили мне, — эти вещи много раз, но не знаем, для чего их делали”». И далее ученый рассказывает о произошедшем счастливом событии, которое было столь же случайным, сколь и типичным для стиля научного познания Семенова:

«Разрешение этого вопроса случилось лет 50 тому назад. Проходя в Ташкенте по огромному медному ряду, где делали и продавали медную посуду, я остановился подле одной лавки, обратив внимание на очень изящный резной кулах [также: кулох, кулоххуд — остроконечный шлем — А. Дж.] кокандской работы с датой 1267 г.х./ (1850—1851 гг. н.э.). Я его купил и, свернув в другой ряд, был остановлен продавцом, пригласившим меня подойти к нему. По виду, по костюму он ничем не отличался от всех прочих обитателей старого Ташкента, но, к моему удивлению, он заговорил со мною на прекрасном персидском языке. Оказалось, что это был перс из Исфагана, лет 30 тому назад поселившийся в Ташкенте и натурализовавшийся здесь. Он стал мне показывать разные “антики”, среди которых оказалась и довольно большая медная чаша вышеназванного типа. Я спросил продавца, не знает ли он назначения таких чаш, и сообщил ему о встречавшихся мне таких же чашах весьма небольшого размера. Исфаганец сказал мне, что эти чаши предназначались для менял (саррафов), которые держали в них деньги у себя на прилавках на базаре, что в больших чашах были медные и серебряные деньги, а в малых — золотая монета, что он застал это в молодости у себя в Исфагане. Поскольку содержимое таких чаш — деньги — в глазах саррафов требовало покровительства высокочтимых шиитами имамов, то такие чаши украшались широкой каймой арабских надписей, покрывающих всю шейку верхней части таких чаш»³¹.

Некоторые черты и признаки изобразительного искусства Семенов связывает и объясняет национальными и этническими особенностями художественного мышления среднеазиатского горожанина, его эстетическим мироощущением. Его отличительной чертой, по Семенову,

«...является богатство орнаментации, почти болезненная любовь к пышным декорациям, к затейливому убранству даже простой, незначительной вещи — будь то дорогой ковер или дешевый исфаганский или ездский каламкар*, тяжелая бронзовая с инкрустацией вещь или мягкий и дешевый медный подносик базарного торговца, или медная же дервишская чашка. Почти все без исключения покрывается то сложным, то простым узором растительного или зооморфного типа или того и другого вместе, но непременно орнаментацией. И если ко всему этому еще добавить любовь к эпиграфике, почти неизбежной при создании затейливого персидского ор-

* Каламкар (персидск. – ковер, завеса) — в искусстве Ближнего Востока и Средней Азии — Персии, Индии XVII—XIX вв. — панно, покрывало, завеса, выполненные в технике набойки в сочетании с ручной росписью каламом и резервированием воском. Каламкары использовались в качестве замены более дорогих тканых ковров. (Прим. ВС.)

намента, то этим завершатся все художественные пути и достижения перса (от квалифицированного артиста до простого ремесленника)»³².

Можно соглашаться или не соглашаться с этими и другими наблюдениями и обобщениями автора, но нельзя не признать, что они продиктованы чрезвычайно живым и искренним чувством человека, влюбленного в художественную культуру Средней Азии и в ее создателей. Именно эти качества позволили А.А. Семенову, казалось бы, совершенно неожиданно, в середине 1930-х годов обратиться к серьезному исследованию новой для него научно-художественной сферы — истории музыкального искусства и науки о музыке средневекового мусульманского Востока. Тема эта заслуживает специального внимания и будет охарактеризована в следующем разделе нашей статьи.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О жизни и научной деятельности А.А. Семенова имеется обширная литература. Назову лишь некоторые публикации, содержащие также и библиографические указатели его трудов: Сб. ст. по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А.А. Семенова // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, том XVII. — Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1953; А.А. Семенов [Некролог] / Дополнение к библиографии научных трудов академика АН Таджикской ССР А.А. Семенова // Проблемы востоковедения. 1959, № 1. — С. 240-243; Лунин Б.В. Александр Александрович Семенов (Некролог) // Сов. археология. 1959, № 2. — С. 299-300; Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов (Научно-биографический очерк). — М.: Наука, 1971; Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Сост. Б.В. Лунина. — Ташкент: Фан, 1974. — С. 338-345; Памяти Александра Александровича Семенова. Сб. ст. по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. — Душанбе: Дониш, 1980; Медведев В. Из рук судьбы // Альманах «Шелковый путь». Вып. I. / Ред.-сост. В. Полещук. — Душанбе, 1990. — С. 128-146; Германов В. «Шейх Туркестана» // Восток Свыше. Вып. III, 2002. — С. 65-69; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991). Изд. подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. — СПб: Петербургское востоковедение, 2003. — С. 345-346.

² Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. — Ташкент: Наука, 1965. — С. 249.

³ См., в частности: Чабров Г.Н. Александр Александрович Семенов как книговед // Книга. Исследования и материалы. Сб. 3. — М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1960. — С. 409-419; Он же. Вклад А.А. Семенова в изучение искусства народов Средней Азии // Востоковедение. Научные труды. Вып. 456. — Ташкент, 1973. — С. 3-10; Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Цит. соч. — С. 29, 50-51, 102, 173-174; Джумаев А.Б. О задачах музыкального вос-

токоведения Узбекистана по изучению средневековых трактатов о музыке // Общественные науки в Узбекистане. 1985, № 3. — С. 53; Он же. Русское музыкознание в Узбекистане: идеи и лица (1920-30-е годы) // Россия—Узбекистан: в прошлом и настоящем. Люди. События. Размышления. Сборник статей. — М.: АРМАДА & «Альфа-книга», 2003. — С. 237-238; Медведев В. Указ. соч. — С. 128-146. Одна из последних работ, в которой содержится обзор и характеристика деятельности А.А. Семенова на поприще искусствоведения: Горшенина С.М. Становление и развитие системы изучения истории искусств Средней Азии в Узбекистане. Конец XIX века — первая половина XX века. (Историографические аспекты). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ташкент, 1996. — С. 37, 45, 47, 48, 49, 83, 103 и др.

⁴ См., например, подобные работы А.А. Семенова: Рубиновая гемма. Рассказ // Туркестанские ведомости, 1907, № 73-75. (Отдельное изд., Ташкент, 1907, 28 с.); Два старинных медных сосуда из Бухары // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Т. XIV. — Ташкент, 1910. — С. 62-68; Рукопись «Бустан» шейха Са'ди, работы гератского мастера начала XVI в. Султан Мухаммед Хандан'а (Приложение к протоколу VII заседания ОИФ Российской АН от 15 апреля 1925 г.) // Иран. Т. XIX. — Л., 1925. — С. 973-978; Персидский судок XVII в. для пряностей // Эпиграфика Востока. — М.-Л., 1951. Вып. 5. — С. 58-60; Персидская бронзовая чашечка XVI-XVII вв. с надписями // Эпиграфика Востока. — М.-Л., 1955. Вып. X. — С. 65-67; Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях (Из воспоминаний прошлого) // Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР. — 1957. Вып. XIV. — С. 143-155.

⁵ Историография общественных наук в Узбекистане... — Указ. изд. — С. 343.

⁶ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Указ. соч. — С. 137.

⁷ Там же, с. 14-15, 29. Примечательно, что уже в своих ранних работах (начало XX века) Семенов придавал ис-

ключительное значение наличию изобразительного ряда (фотографий, рисунков и т.п.). Это то, «что составляет душу каждого изложения, т.е. рисунки», полагал ученый (цит. по кн.: *Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). — Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. — С. 167). Сам Семенов, как известно, с увлечением занимался фотографией, сопровождая свои различные исследования собственными снимками, и призывал к этому других исследователей.

⁸ *Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Указ. соч. — С. 24.

⁹ *Там же.* — С. 51. Цитата приведена из статьи: *Семенов А.А.* Нечто о среднеазиатских геммах... — Указ. изд.

¹⁰ *Семенов А.А.* Некоторые материалы по персидско-таджикской эпиграфике бытового характера XVI—XX вв. // Памяти Александра Александровича Семенова... — Указ. изд. — С. 7.

¹¹ *Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Указ. соч. — С. 62.

¹² Например, в 1916 году, во время своего пребывания в Ташкенте, с собранием рукописей Семенова ознакомился В.В. Бартольд (см.: *Лунин Б.В.* Средняя Азия в до-революционном и советском востоковедении... — Указ. изд. — С. 169).

¹³ *Семенов А.А.* Мечеть в Аннау (близ Асхабада) // Протоколы заседаний и сообщения членов Кружка любителей археологии. Год двенадцатый (1 января 1907 г. — 1 января 1908 г.). Ташкент, 1908. — С. 3. Как сообщает сам Семенов, первоначально статья была опубликована в «Русском Слове» (№ 167 от 23 июня/6 июля 1905 г.) в виде «корреспонденции-фельетона» под примечательным заглавием «Варвар в Доме Красоты»; в том же году она была перепечатана в газете «Закаспийское обозрение» (15 июля 1905 г.).

¹⁴ Цит. по: *Горшенина С.М.* Цит. рук. — С. 48. (ЦГА РУз, ф. Р-374, оп. 1, д. 5, лл. 3-4).

¹⁵ *Ремпель Л.И.* Далекое и близкое. Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Бухарские записи. — Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Г. Гуляма, 1981. — С. 15.

¹⁶ *Н.А. Аведовой см.: Абдусаматов М.* Узбекистон шаркшунослари. Биографик очерк. — Тошкент: Комуслар Бош тахририяти, 1996. — С. 182-183 (Аведова Нина Арташеговна). Рассказы Н.А. Аведовой об истории ее семьи, Семенове, событиях 1930-х годов и др. были записаны мной в апреле 1994 года в Ташкенте (записи в личном архиве автора).

¹⁷ «Только сегодня я видел А.А. Семенова (милейшего и очаровательного) /.../. *Успенский В.А.* Статьи, воспоминания, письма / Сост. И.А. Акбаров. — Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Г. Гуляма, 1980. — С. 341. В этом письме сообщается о работе Семенова над переводом раздела о музыке из энциклопедии наук Фахр ад-Дина Рази «Джами ал-улум».

¹⁸ «Предостерегая» Н.А. Аведову, Семенов имел в виду отдельные главы данной энциклопедии, посвященные описанию сомнительных с нравственной точки зрения профессий в позднесредневековой Индии.

¹⁹ Люди и судьбы... — Указ. изд. — С. 345.

²⁰ *Ремпель Л.И.* Указ. соч. — С. 15-16.

²¹ Рассказ был записан мной во время встречи у Г.Л. Козловской 9 декабря 1990 г.

²² См., например: Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. I. Под редакцией и при участии члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР, действительного члена Академии наук Таджикской ССР, доктора исторических наук профессора А.А. Семенова. — Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1952.

²³ Из опубликованных работ необходимо назвать в первую очередь следующие: Рукопись «Бустан»...; Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана // Литература и искусство Узбекистана. — Ташкент, 1937. Кн. 4-5 (Июль — Октябрь). — С. 112-129; Художник Камаледдин Бехзад // Правда Востока, 16 янв. 1939; Гератское искусство в эпоху Алишера Навои // Родоначальник узбекской литературы. Сб. ст. об Алишере Навои. — Ташкент: Изд-во Узбекистанского филиала АН СССР, 1940. — С.126-152; Портреты эпохи Навои. — Ташкент: Гос. тех. издат. УзССР, 1940; Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы // Алишер Навои. Под ред. А.К. Боровкова. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. — С. 153-174; Рецепты оформления старинных восточных рукописей // Труды ТаджФАН СССР. Т. 29, 1951. — С. 89-98; Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафар-нома» Шарафуддина Езди // Сб. ст., посвященных искусству таджикского народа. Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. XLII, 1956. — С. 3-16; О среднеазиатской бумаге (Сорта среднеазиатской бумаги, ее производство и способы окраски) // Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, 1963. Вып. 1 (32). — С. 3-20.

²⁴ *Семенов А.А.* Художественная рукопись на территории современного Узбекистана. Рукопись библиотеки НИИ искусствознания АН РУз. ИЖ, с. 30, № 81. Сохранилась выписка (2 маш. стр.) из протокола заседания ИЗО-Кабинета НИИ искусствознания от 29 января 1949 года по обсуждению работы Семенова и ее приемке, в котором участвовали такие известные узбекистанские искусствоведы, как В.М. Зуммер, А.С. Морозова, С.М. Круковская, В.Г. Мошкова, Г.Н. Чабров и др. К сожалению, данный труд так и остался неопубликованным.

²⁵ *Там же.* — С. 6.

²⁶ *Там же.* — С. 14.

²⁷ *Там же.* — С. 16.

²⁸ *Там же.* — С. 7.

²⁹ *Там же.* — С. 30. Речь идет об уже упоминавшейся индийской энциклопедии наук и ремесел «Матла' ал-улум ва маджма' ал-фунун» Ваджида Али (XIX в.), которой Семенов пользовался в литографированном издании 1906 г. (г. Лакхнау, Индия).

³⁰ *Семенов А.А.* Некоторые материалы по персидско-таджикской эпиграфике... — Указ. изд. — С. 7-33.

³¹ *Там же.* — С. 14-15.

³² *Там же.* — С. 8.

Андрей ВОЛОС

Возвращение в Панчруд

(Главы из нового романа)*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Санавбар. Ардашир

Шли молча.

Шеравкан пытался представить себе, что стало с кишлаком после всего этого. Остались одни женщины. Дети, старухи... теперь уж, наверное, нет никакого Бистуюка. Женщины взяли детей и ушли, разбрелись по родственникам... кибитки скособочились, крыши просели, а потом и провалились... глиняные стены оплыли, превратившись в безобразные бугры... трава и кустарник стремительно и жадно захватили новые пространства для своей жизни. Был кишлак, люди жили... пусть тяжело жили, через силу, а все-таки, наверное, и радости у них какие-то были, и мечты о лучшем... А теперь нет ничего — только змеи и черепахи ползают в развалинах.

Что ж, черепахи не боятся змей, змеям не страшны черепахи.

Только люди боятся друг друга...

Время от времени он косился на слепого. Джафар шел то ли погрузившись в раздумья, нахлынувшие на него после собственного рассказа, то ли, наоборот, бездумно шагал, освободив себя этим рассказом от какой-то душевной тяготы.

Кармат трусил следом, вывалив на сторону сиреневый язык.

— А Махди, значит, так и не пришел, — полувопросительно сказал Шеравкан — и, еще не договорив, пожалел об этом. Ведь Джафар только что рассказал: когда он придет, мир наполнится справедливостью и равновесием... блага будут поделены справедливо и честно... ложное отделится от истинного... и никто не останется в нужде или унижении...

А сам, ослепленный, плетется за сорок фарсахов... при этом даже милостыню зап-

* Продолжение. Начало — с главы седьмой — в ВС № 26 (апрель — июнь 2012). Сокращенный вариант первых шести глав романа опубликован в журнале «Октябрь» (№ 7, 2012 — электронный вариант: <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/v2.html>).

решено просить!.. — и тут Шеравкан с дурацкими вопросами: дескать, не пришел ли Махди.

Вот потому и качает головой... думает, наверное: что за осел этот Шеравкан!..

Хотел уж было начать разъяснять, что и так все понимает (предчувствуя, что разъяснения не улучшат, а только еще хуже запутают все дело и Джафар, чего доброго, совсем разочаруется в своем поводе), но Кармат взлаял, и Шеравкан, обернувшись, увидел вынырнувшую из-за поворота человеческую фигуру.

— Тихо! — сказал Джафар. — Что ты шумишь, неразумная собака?

— Учитель! — издали закричал нагонявший. — Подождите!

— Кто это? — спросил Джафар, останавливаясь и наклоняя голову, чтобы вслушаться.

— Это вчерашний, — сказал Шеравкан, присматриваясь. — С которым ночью сидели. Ну, который сначала рассказывал, как эмира Назра из Герата вызволял. Дескать, что он — это вы. Поэт-то который...

— А-а-а! — протянул Джафар, и Шеравкану показалось, что в голосе его послышалось приятное удивление. — Что ему надо?.. Тише, Кармат! Свои!

— Подождите, учитель! — повторил запыхавшийся поэт-самозванец. — Не помещаю? Позвольте проводить вас! Собачка не кусается?

— Еще как кусается, — буркнул Джафар. — С чего это вам вздумалось меня провожать?

— Меня Санавбар зовут... Какая хорошая собачка, — лепетал тот, не в силах еще перевести дух и боком, боком обходя Кармата, будто полыхающую охапку дров; последний, впрочем, с первого взгляда уверился в совершенной безвредности пришельца и потерял к нему интерес. — Замечательная собачка... у-тю-тю... Я еще вчера хотел сказать, да при этом толстом купце духу не хватило... он бы смеяться начал. Вы уж простите меня за мои... э-э-э... вольности... Что позволил себе назваться вашим именем. Видите как... неловко вышло. Я не хотел, но...

— Но жить-то надо, — понимающе кивнул Джафар.

— Вот! вот! — обрадовался Санавбар его пониманию. — Вот именно, учитель: жить-то надо!

— Это да, — со вздохом согласился Джафар.

— Вот я и говорю, — взволнованно воскликнул любитель поэзии, смятенно глядя на Шеравкана; взгляд у него был по-прежнему тревожным и несчастным; но, должно быть, все-таки он уже не боялся, что прогонят немедленно. — Как жить, учитель? Как?

Джафар хмыкнул. Потыркав посохом, нащупал камень. Шеравкан помог сесть. Тут же и Кармат лег у ног старика, положил голову на лапы.

— Присаживайтесь и вы, уважаемый Санавбар, — сказал Рудаки. — Камней много, выбирайте любой. Как жить, спрашиваете... Скажите прежде: плохой совет получить не боитесь?

— Почему плохой?

— Я вам посоветую, вы последуете моему совету, станете жить, как я, — и знаете, чем дело кончится?

— Чем? — недоуменно поинтересовался Санавбар.

— Тем, что когда вы, потеряв свои глаза, имущество, дом и близких, побредете от одного постоялого двора к другому, вас нагонит какой-нибудь простодушный любитель рассказывать чужие истории и спросит, как ему жить...

— Вы сердитесь, — догадался Санавбар и посмотрел на Шеравкана так, будто надеялся на заступничество.

Шеравкан отвернулся.

— Ничуть, — возразил Рудаки. — Вы хотели присвоить мою славу, что с того. Как бы мало я ее ни ценил, она все равно осталась при мне... так за что же мне на вас сердиться? Давно вы этим промышляете?

— Лет пятнадцать.

— Пятнадцать? Судя по голосу, вам не так много лет...

— Тридцать, — кивнул тот. — Сначала я выдавал себя за вашего сына...

— Сына?!

— Я знаю, что ваш сын умер... но ведь многие не в курсе.

Он вздохнул и пригорюнился.

— Да-а-а... — с сухой досадой в голосе протянул Рудаки. — У меня нет слов!.. Ваше простодушие, уважаемый Санавбар, достойно быть запечатленным в самых возвышенных выражениях. Бедный мой Абдаллах уже почти двадцать лет как покинул этот мир, и я кое-как смирился с утратой... Но выходит, что даже когда на погребальных носилках еще не высохли мои слезы, когда душа моя рвалась вслед за ним, когда я в совершенном отчаянии был готов на самые нелепые поступки!.. — по свету, оказывается, расхаживал некий любитель поэзии, называвшийся его именем!.. С ума можно сойти. Да знаете ли вы! — крикнул он, стукнув посохом, — что если бы я узнал об этом раньше, вы бы висели на большом тутовнике возле моего дома! И скворцы садились бы на вашу мертвую голову, как на тыкву! Тем более, что она, похоже, мало чем от тыквы отличается...

Кармат настороженно сел и неприятно облизнулся, не сводя с незваного гостя пронзительных желтых глаз.

— Простите, учитель, — пробормотал Санавбар и вытер глаза кулаком. — Видит бог, я не хотел обидеть... и это не в знак неуважения, наоборот... Просто когда я назывался вашим сыном, мне было проще объяснить, почему никто лучше меня не знает вашего творчества.

— Но зачем вам знать мое творчество, зачем? — сердито удивился Рудаки. — Какая в этом польза для вас?

— О пользе я не думал, — признался Санавбар. — Это потом уж... когда понял, что этим знанием можно кое-как кормиться. А тогда я просто любил ваши стихи! Сначала я и сам пытался сочинять... Мой отец был уличным лекарем, мы едва сводили концы с концами. Он мечтал накопить денег и отдать меня в медресе, чтобы я смог по-настоящему освоить врачебное искусство, описанное в книгах. Но он умер, когда мне было двенадцать, успев, к счастью, выдать замуж двух моих старших сестер... еще брат, тоже старший, но он смолоду болен, и мне самому приходится заботиться о нем. Я успел научиться читать на родном языке, а до медресе так и не добрался... В нашем квартале жил один добрый человек, да будет ему земля пухом... Усман, чтец Корана... он научил кое-как разбирать арабский: хотел сделать меня

своим учеником и помощником. Но когда мне стало тринадцать, на меня навалилась жажда слагать стихи... я перестал спать, я не мог есть, я исхудал, как от любовной горячки: слова беспрестанно вертелись у меня в голове в сумасшедшей пляске, то сбегаясь гурьбой, то снова кидаясь в разные стороны... Каждое хотело найти себе созвучную пару — и находило; но как только образовывался этот недолгий союз, наваливались толпы новых, еще более подходящих и звучных, безжалостно растаскивали их, цепляющихся друг за друга, в разные стороны... сами хватались за руки и соединялись, чтобы через мгновение остаться разлученными... и так без конца! К сожалению, стихов из всего этого не получалось. Слава Аллаху, я не сделался окончательно безумен: я, по крайней мере, хорошо понимал, что строки, появляющиеся из-под моего пера, точнее, из-под моей палочки, — бумаги не было, приходилось писать на пластинках влажной глины, — совсем не похожи на те звучные, гулкие, пьянящие напевы, что время от времени достигали ушей... Однажды я спросил, знает ли кто-нибудь, чьей руке принадлежат эти дивные стихи, и мне сказали: «Рудаки». Я спросил в другой раз — и опять услышал: «Как же? Ты не знаешь? Это бейты Рудаки, Царя поэтов!..». И оказалось, что все, к чему обращался мой слух, что привлекало внимание, в сравнении с чем стихи других поэтов напоминали глухой стук деревянной колотушки или противный скрип колеса арбы, — все было создано поэтом по имени Рудаки!..

Рудаки крякнул, откашлялся и поправил повязку, в итоге кое-как согнав-таки с лица появившуюся помимо его воли самодовольную ухмылку.

— Думаю, что если бы не ваши стихи, мой рассудок не смог бы сдержать напора одолевавших его слов... В конце концов их нескончаемый хоровод, не находивший возможности облечься в законченную касыду или хотя бы в рубаи, свел бы меня с ума. Но я стал искать ваши стихи, искать и заучивать наизусть — и повторять, повторять раз за разом, находя в этом успокоение души...

Санавбар перевел дух и покачал головой, как будто сам удивляясь тому, что рассказал.

— И теперь я все ваше знаю наизусть, все — от первой до последней строки... ну, если только в самое последнее время написали что-то новенькое, тогда, конечно, придется подучить. И читаю лучше всех! Даже лучше вас! Иногда мне кажется, что я и написал бы лучше вашего!.. если бы, конечно, мог. Вот, например... «Мать вина» я читаю так... слушайте!.. я делаю упор на первых четырех бейтах!.. и от этого касыда начинает звучать гораздо звонче!.. следующие четыре читаю мягче... десятый иногда пропускаю — не хочу упоминать грязное имя... вы понимаете?

— Сатаны? — с легким изумлением спросил Рудаки.

— Да, да, его, проклятого... мне кажется, вам тоже не следовало этого делать...

Когда прозвучало это порицание, Джафар возмущенно фыркнул, но не стал раздувать проблему, более желая, вероятно, не выяснения отношений, а продолжения похвал.

— И рубаи знаю все... и все касыды... даже «Калилу и Димну» вашу почти всю знаю наизусть!

— Я всего лишь перевел...

— Замечательно перевели! Замечательный слог!

— То есть, вы и арабским владеете? — уточнил Джафар. — Иначе как можно судить, насколько хорош перевод?

Санавбар замялся.

— Да как сказать... арабский знаю плоховато, конечно... но учу, учу... особенно «ширушакар»* помогает. Но ваша речь льется свободно и плавно, как вода в большой реке, — разве это может быть плохо? Разве по-арабски это могло звучать лучше?

Джафар хмыкнул.

— Ну ладно, не стоит преувеличивать моих заслуг, — с достоинством и довольно строго заметил он. Шеравкан все же отметил про себя, что, похоже, ему не удалось устоять перед лестью. — По-арабски тоже недурно звучит. Ну что же... приятно встретить в пути такого знающего человека. Если бы не мое скорбное состояние...

Он вздохнул, покачав головой.

— Скорбное? — удивился Санавбар. Потеребил бородку, как будто не решаясь высказаться. — Учитель, простите, если я... я понимаю, как горько вам потерять зрение, но...

Джафар вскинул голову.

Шеравкан заметил, как напряглись у него мышцы лица — точь-в-точь как в прошлый раз, когда он швырнул угощением в хозяина постоянного двора. Шеравкан сделал Санавбару страшные глаза и потряс головой: молчи, мол! Не доводи до греха!

Но Санавбар, не обратив внимания на ужимки поводыря, продолжал:

— Конечно, это страшное злодеяние... геенна огненная ждет тех, кто сотворил черное дело!.. Но я что хочу сказать? Вы ослепли — да, это ужасно. Невосполнимая потеря!.. Однако, учитель, слепота подстерегает каждого из нас. И вовсе не требуется впасть в немилость и заслужить гнев какого-нибудь владыки, чтобы столкнуться с ней. Множество людей слепнет просто от старости. Я говорил, что мой старший брат болен: так вот, он всего лишь упал с лошади, немного ушибся, через день уже забыл об этом происшествии — а через год ослеп... А сколько разных болезней, с которыми не могут справиться лекари, подстерегает наши глаза... иногда стоит лишь искупаться в нечистом водоеме — и ты становишься незряч!.. еще я слышал о несчастных, которым под веки забираются какие-то мелкие насекомые, — эти тоже слепнут! И есть еще тысяча причин, чтобы потерять зрение... Но ведь никто из слепцов не обладает тем, что есть у вас!

Шеравкан невольно подался вперед — ладонь слепого дрогнула, и ему показалось, что сейчас Джафар в ярости ударит неразумного собеседника своей палкой: успел даже вообразить, с каким треском это произойдет.

Однако, вопреки его опасениям, Рудаки только взялся за посох второй рукой и, оперевшись, низко опустил голову.

— Не нужно отчаиваться, — мягко говорил Санавбар. — Ваша жизнь не кончилась, учитель. Я понимаю, как вы оскорблены, как унижены случившимся. Понимаю, что ваше сердце сжигает ненависть. *Все, что жжет, можно смягчить или потушить: огонь — водой, яд — целебным зельем, любовь — свиданием, а печаль — терпением.*

* Ширушакар (дословно — «молоко и сахар») — любимое развлечение поэтов эпохи Восточного ренессанса: в каждом бейте (двустихии) одна строка написана на фарси-дари, вторая — на арабском. (Прим. автора).

Лишь пламя ненависти не утишит ничем, и пылает оно вечно... но все же не нужно отчаиваться! Учитель, я знаю, какие незаживающие болезненные раны оставляет ненависть! Тут не нужны слова: даже если бы вы попытались рассказать мне о ваших чувствах, то не смогли бы ничего добавить к моему пониманию. Язык не всегда способен раскрыть то, что таится в душе, зато сердце способно постичь страдание другого сердца!.. Честное слово, учитель, сердце — свидетель более верный, чем язык!

Он замолчал, с тревогой глядя на слепца и, видимо, ожидая приговора.

— Да, уважаемый Санавбар, — в конце концов проговорил Рудаки, поднимая голову. Шеравкан почувствовал смятение: на щеке поблескивала дорожка слезы, только что скатившейся из-под повязки. — Вы хорошо читали мою «Калилу и Димну». Я могу лишь позавидовать вашей памяти...

Должно быть, и Санавбар увидел поблескивающий след влаги; во всяком случае, он поспешно встал со своего камня и, сделав шаг, опустился на колени у ног слепца. Обхватив своими ладонями его, сжимавшие посох, Санавбар сказал голосом, в котором тоже звучали слезы:

— Дорогой Джафар! Я вас так люблю! В самых сладких мечтах я не мог вообразить, что встречу с вами на этой дороге!.. Позвольте мне быть вашим слугой! Вам, незрячему, тяжело будет заботиться о себе!

— У меня есть Шеравкан, — сказал Рудаки. — Мальчик, где ты?

— Да здесь я, — хмуро отозвался Шеравкан.

Ему это все не очень нравилось: навязался этот сумасшедший на их голову, честное слово!.. пристал, как репей к собачьему хвосту!.. и не отстаёт, наоборот: теперь вон чего, слугой хочет быть, вынь ему да положи!

— Ну и что? — не уступал Санавбар. — Две руки лучше одной... и разве Шеравкан хочет остаться с вами в Панчруде?

— Я был бы рад, но ведь Шеравкана ждут в Бухаре, — Рудаки покачал головой. — Ведь так, Шеравкан?

— Не знаю, — ответил Шеравкан. — Вообще-то да, наверное...

— Вот видите! — настаивал Санавбар.

Джафар вздохнул.

— Бог весть что творится на белом свете, — сказал он. — Дорогой Санавбар, дорога длинная... Если вам не нужно спешить в другую сторону, можете идти в ту же, куда шагаем мы. Но зачем нам давать друг другу поспешные обещания? Может быть, через день вам наскучит мое общество... — предугадав возражение, Рудаки властно поднял руку. — Не будем спорить. Так или иначе, нам надо идти, а там видно будет.

Он пошарил ладонью в воздухе и, нащупав загривок Кармата, потрепал густую шерсть.

— Пойдем, зверюга?

Поднялся с камня и снова протянул руку, теперь нашаривая протянутый Шеравканом конец поясного платка.

* * *

Прежде шли молча, и если еще вчера молчание слепого казалось Шеравкану враждебным, а собственное — вынужденным (попробуй молвить слово, если чувствуешь

исходящие от спутника волны неприязни и раздражения!), то сегодня с утра он слышал его совершенно иначе: поэт молчал, поскольку был погружен в свои мысли, не хотелось мешать ему в этом, и, напротив, было интересно воображать, о чем он думает: должно быть, вспоминает жизнь... размышляет о своем несчастье... пытается представить, как жить дальше... вот беда-то, господи!..

Теперь же они шагали под беспрестанную болтовню нового попутчика. Оказалось, молчать Санавбар не умеет совсем и, если исчерпывает тему, не имея еще повода углубиться в следующую, то бормочет совсем уж чепуху: «Смотрите, какие тенистые кусты... отличные кусты!.. я люблю тенистые кусты... бывают кусты ободранные, почти не дающие тени... я такие не люблю, ну их... а вот густые тенистые кусты я просто обожаю... Сейчас-то, впрочем, не очень жарко... но это сейчас. А летом просто спасу нет!...»

* * *

Вот же болтун!.. Да, такого поискать... И смотри-ка: все цитатами, цитатами... Слова в простоте не скажет... Заслушаешься...

Краснобай... Не исключено, что все-таки жулик. Но по-своему обаятельный. Это его рассуждение о слепоте... «Никто из слепцов не обладает тем, что есть у вас!» С одной стороны — наглое. Но можно иначе: правдивое. Не всегда хочется признавать правду. Но... Ах, краснобай!.. Ишь чего теперь: «Учитель, слава пришла к вам — как степной пожар!» Как степной пожар... Это из касыды «Отвага»... вот память у человека... жулик, наверняка жулик. Честный человек уже исчерпал бы возможности лести. «Ваша слава пришла, как пожар в степи!..»

Одни говорят — слава. Но прав будет тот, кто скажет: пустой орех.

Первый вкус славы он изведать при Самаркандском дворе... а привел его туда Ардашир Нури.

Сколько лет минуло!..

Как началось — так и шло: Муслим исправно вставал среди ночи, ворча и бранясь, чтобы, как он выражался, «тащиться» к стене Поэтов и развешивать там «никому не нужные» капустные листья с виршами своего хозяина.

— Лучше б я из них голубцов наделал! — бормотал он, обуваясь. — Все больше пользы! Вас дедушка учиться послал, а вы вон чего!..

— Давай скорей! — понукал его Джафар. — Рассветает!

Но он уже не волновался, как впервые. Напротив: его все полнее захлестывало ледяное спокойствие, при котором вкус торжества был особенно сладким. Пять раз Муслим вывешивал его стихотворения — и пять раз потом вокруг них весь день толклись знатоки, многие переписывали, и трижды уже к полудню его строки звучали из уст простых людей, шумящих на базарной площади под стенами Регистана!

Ему хотелось продлить удовольствие: он с упоительным наслаждением вплетал лакаб* в последнюю строку и бродил потом возле Стены, с еще большим упоением ловя долетавшие до слуха восклицания: да кто такой этот Рудаки? кто знает этого Рудаки?..

* Лакаб — прозвище, псевдоним. (Прим. ВС).

На шестой раз Муслим, вернувшись, сказал хмуро, что за ним от самой Стены увязались какие-то черти; он прибавил шагу — они тоже, он стал петлять по городу — не отстают...

— И что?

— Не знаю, — буркнул Муслим. — Должно быть, у ворот стоят.

Джафар выглянул — никого. Должно быть, померещилось. Недоспал малый...

Дня через три Муслим снова поплелся к Стене — и снова вернулся с «хвостом».

— Ну откуда я знаю?! — возмущался он, выслушивая упреки. — Идут себе и идут! Я же не могу им запретить?! Может, им тоже в эту сторону надо! Я уже в прошлый раз наблукался! Полгорода обежал, чтобы их со следа сбить! Люди спят, а я, как заяц, петли наворачиваю!

— Так к дому и пошел?

— Так и пошел, — твердо кивнул Муслим. — А что? Мы люди честные... нам бояться нечего...

Джафар только сплюнул с досады и опять вышел к воротам. И опять там никого не оказалось.

Однако вечером, когда он вернулся из медресе, кто-то все-таки заявился.

Открыл хозяин. Закричал взволнованно:

— Уважаемый Джафар, это вас, наверное!

Ворота уже распахнулись, и во двор входила процессия из нескольких невозмутимых прислужников. Первый нес огромное блюдо с горой чего-то, накрытой несколькими слоями лепешек. Судя по запаху, это было мясо. Второй сгибался под круглым, величиной с тележное колесо, подносом, на котором возвышалась груда винограда, яблок, инжира и прочих даров земли. Третий тащил два больших кувшина. Четвертым шагал невысокий господин без ничего, но зато богато одетый, с длинной, узкой, очень черной (явно крашеной) бородой, горбоносый, в белой чалме, украшенной алой петличкой.

— Уважаемый господин Рудаки? — осведомился он, кланяясь. — Прошу вас, примите от меня это скромное подношение! От чистого сердца, господин Рудаки!

«Рудаки»!

Джафар немо смотрел на него, соображая, что делать. Муслима выследили; привел к дому; да еще и два раза к тому же; отпираться глупо.

— Да, это я, — сказал он, невольно морщась. — Спасибо, но...

— Позвольте представиться! Я — Ардашир Нури, ваш покорный слуга и поклонник вашего дивного творчества, — сообщил господин, снова кланяясь. — Как вы себя чувствуете? Все ли хорошо у вас, все ли спокойно?..

— Спасибо, спасибо... Да вы пройдите, господин Нури, — предложил Джафар. — Что мы с вами на пороге!

Ардашир Нури последовал его совету, не переставая при этом кланяться и бормотать приветствия, на которые Джафар, как и положено, отвечал сходным бормотанием.

Наконец они более или менее спокойно уселись.

— Муслим! — крикнул Джафар. — Ну-ка возьми отсюда что-нибудь... хозяина угости! Скажи — от всего сердца... А то ноги некуда вытянуть!

— Хороший у вас слуга, — заметил Ардашир Нури, когда Муслим, унеся подносы, немного расширил пространство, где они могли разместиться.

— Неплохой, — согласился Джафар. — Это вы за ним следили?

— Ну что вы! — Ардашир Нури покачал головой. — Мне не по годам. Послал людей, разумеется...

— А почему два раза?

— Хотел убедиться, господин Рудаки! — с жаром ответил Ардашир. — Хотел убедиться в том, что замечательный поэт, чьи стихи разлетаются по всему городу, как осенние листья, живет именно в этом доме! Глупо было бы совершить ошибку...

— Спасибо, спасибо, — Джафар почувствовал, что краснеет. Сердце колотилось. — Вам правда... нравятся, да?

— Господи, да о чем тут говорить?! — воскликнул Ардашир Нури. — Я же говорю: весь город! Все словно с ума посходили! Каждый, кто хоть сколько-нибудь интересуется поэзией, только и долдонит: Рудаки, Рудаки, Рудаки, Рудаки! Но главное — базар! Вы знаете, что ваши стихи поют на базаре?

— Знаю, — кивнул Джафар, потупившись.

— Вот видите... Честно сказать, вы здорово всем заморочили голову. Стихи есть, лакаб есть, а поэта — нет! — Ардашир Нури помолчал, а потом сказал со вздохом: — Я вам завидую, господин Рудаки. Честное слово!

Джафар молчал. Глупо было бы спрашивать, чему именно завидует Ардашир Нури.

— Я много написал... у меня даже есть диван. Но — увы! — ни одно из моих стихотворений не вызывало такого оживления ни в среде знатоков, ни, что самое печальное, о чем я мечтал всю жизнь, на базаре. Да-а-а... Услышать свои строки из уст какого-нибудь болвана, сидящего на возу с морковкой, — вот истинное признание! Да что говорить! Дар — он или есть — и тогда поэт сразу становится известным в народе... собственно, потому и становится известным в народе, что народ признает в нем своего, потому что эти стихи ему понятны и близки... — или его нет, и тогда в лучшем случае тебя будут хвалить за хорошие рифмы и красивые образы... Но этот парень с морковкой в жизни про тебя не узнает, никогда не споет твою песню!

Он с горечью махнул рукой, и по этому жесту Джафар вдруг отчетливо понял, что перед ним человек чистый, даже наивный в своей сердечной простоте...

Они с удовольствием закусили — мясо еще не успело остыть, — и часа через два Джафару уже казалось, что он давно знает этого человека — чуть ли не с детства!

Давно стемнело, когда гость приступил наконец к делу.

Оно сводилось к следующему. Поэт Ардашир Нури предлагал поэту Джафару Рудаки сделку. Джафар Рудаки должен взять на себя обязательство написать десять больших стихотворений — касыд, три из которых должны являться одами, восхваляющими наместника Самарканда Фарнуша, брата эмира Бухары Ахмеда.

Разумеется, ни в одном стихотворении нет места лакабу «Рудаки». Да и вообще господин Рудаки обещает, что, написав... как бы выразиться удачнее?... да просто забудет о них, забудет и никогда не вспомнит, иначе случится большая, очень большая беда: им обоим не сносить головы.

Если эти условия подходят господину Рудаки, то за каждое стихотворение Ардашир Нури обязуется выплатить ему десять золотых динаров.

Джафар вскинул брови. Итого сто! Ничего себе!..

Ардашир Нури иначе понял его гримасу.

— Это еще не все! — заторопился он. — Дорогой Джафар! Я хорошо понимаю, что нельзя обманывать людей долго, а уж тем более — вечно. Поэтому как только десять стихотворений будут готовы и я обнародую их под своим именем, я обязуюсь представить вас эмиру Фарнушу как молодого, но выдающегося поэта, дарование которого, вне всякого сомнения, должно послужить украшению двора. Вы хотите этого?

— Конечно, — ответил Джафар, пожав плечами.

Ардашир невесело улыбнулся.

— Честно говоря, я чувствую себя тем змеем, что предлагал яблоко Еве.

— Почему?

— Ах, мой молодой друг, бойтесь совершить три поступка, на которые отваживаются лишь безрассудные и после которых остаются невредимыми лишь немногие: не пытайтесь завести дружбу с владыками, не вверяйте свои тайны женщинам, не пейте яд, чтобы испытать его силу...

Джафар усмехнулся.

— Мудрецы и ученые люди сравнивали царский двор с горной вершиной, куда трудно добраться, — продолжал Ардашир. — Там шумят деревья, усыпанные дивными плодами. У их корней рассыпаны драгоценные камни. Растут травы, отвары которых дарят здоровье и долголетие. Там все прекрасно, и нет числа сокровищам!.. Но за каждым деревом прячется могучий лев, свирепая пантера или кровожадный волк, а в пещерах и расселинах свили гнезда ядовитые змеи. Подняться на вершину трудно, но еще труднее хотя бы ненадолго остаться там в живых...

— Но, учитель, к сожалению, у поэта нет иного пути. Если ему нет места при дворе — тогда пусть выльет чернила и сломает калам... И потом: разве поэт — стоящая добыча для тамошних пантер и тигров?

Ардашир махнул рукой:

— Конечно, нет, но сожрут мимоходом — и даже не заметят... Однако вы правы: в противном случае нужно забыть об этой стезе. То есть — вы соглашаетесь?

Ну да, он согласился... и написал десять касыд, принесших ему сотню полновесных динаров.

Конечно, в сравнении с тем, что получал он уже через год, эта сотня представляла собой совершенно ничтожную сумму.

Зато Ардашир Нури выполнил свое обещание.

Надо сказать, когда стихотворений стало восемь, а исполнитель собирался с силами, чтобы навалить два последних, заказчик явился к нему с предложением получить не сто динаров, как договаривались при начале предприятия, а пять тысяч.

— Совесть мучит! — признался Ардашир. Тербя бороду, он выглядел довольно сконфуженным и несчастным. — Поймите, вы — юноша, я — опытный человек. Я предполагал, что с вашей помощью смогу поправить свой недостаток. Но на меня просыпались такие богатства, что мне просто стыдно! Обманщиком себя чувствую! Возьмите, а?

Джафар отказался, смеясь.

— Перестаньте, Ардашир! Договор дороже денег. Я человек небогатый, для меня и

сотня — большие деньги! Нет, не уговаривайте, не возьму. Но скажите точно, когда поведете во дворец?

Ардашир вывел его в свет, сделал известным при дворе, сам же через некоторое время ушел в тень, добровольно уступив место первого поэта Самарканда...

Легкий человек был Ардашир. Единственный в своем роде.

Память его казалась безграничной — он помнил наизусть все, что когда-либо попадалось на глаза. Джафар этим похвастаться не мог — частенько забывал даже свои собственные вирши: наваливалось слишком много новых. Ардашир стал для него библиотекой — почти каждый день они приходили к нему с Юсуфом Муради, и учитель, как они называли Ардашира, час за часом читал стихи персидских и арабских поэтов, комментируя, указывая на особенности ритмики, сравнивая, толкуя темные места...

Через несколько лет Ардашир нижайше обратился к эмиру, прося позволения заняться созданием истории Мавераннахра с древнейших времен. Главное внимание он предполагал уделить славным деяниям Саманидов. По его мнению, на поприще исторических описаний он мог бы принести больше пользы эмиру, чем тщась сравниться талантом с такими блистательными поэтами, как Рудаки и Муради. Получив разрешение, стал готовиться к путешествию в Багдад: хотел встретиться там с человеком, слух о котором уже несколько лет гулял по всему Ачаму, а имя воплощало собой само представление о новейшей истории, — с ученым и богословом по имени Абу Мухаммед бен-Джерир ат-Табари.

Друзья уже отчаялись его когда-нибудь дождаться. Весна сменялась осенью, зима — летом, наступала новая весна, а от Ардашира не было ни слуху ни духу. Муради вздыхал: «Погиб!.. погиб!.. Как жаль, он не дождался пришествия Махди!..»

Оба они давно окончили училище, получив ярлыки значительно раньше других. На мутававали* произвело сильное впечатление то, что у его подопечных внезапно появились серьезные связи при дворе. Готовясь подписать и вручить ярлык Джафару, он хмуро, даже как-то через силу произнес несколько фраз, из которых следовало, что мутававали исполнен глубокого уважения к муфтию такому-то, такому-то и такому-то; глубоко понимает важность их рекомендаций и высоко ценит их участие в деятельности медресе. Замолчал, нервно барабанил пальцами по еще не написанному ярлыку; должно быть, ему было неприятно под давлением этих самых муфтиев выходить из рамок установленных в медресе правил; правила есть правила, и о каком порядке в стране можно говорить, если даже в таком тихом, удаленном от страстей мирских, близком к Аллаху заведении все продается и покупается?! Может быть, он думал про себя: «Чертов выскочка! Другие учатся!.. зубрят!.. сдают экзамены!.. стараются быть лучше! А этот прибился ко двору — и вот на тебе: за него замолвили словечко... Отказать? Но как отказать? Все три рекомендателя состоят в совете попечителей училища... между тем должность мутававали — не пожизненное звание... однажды на этот пост могут назначить другого...» Подняв на Джафара хмурый взгляд, стукнул пером в чернильницу, размашисто занес, посадив кляксу на собственный рукав; Джафар отчетливо видел, что рука мутававали упира-

* Мутававали — попечитель, специально назначенное лицо, которое ведало вакфом и его доходами. (Прим. ВС).

ется изо всех сил, не хочет писать; он вежливо ждал — что ему оставалось делать?

— Да! — воскликнул вдруг мутававали, просветлев от того, что нашлась соломинка, за которую могла схватиться его пропадающая совесть. — Как же я забыл! Ведь вы у нас все-таки лучший ученик!

И перо скользнуло-таки по листу бумаги!..

Придворные обязанности отнимали не много времени. Поэты сходились у эмира по четвергам, чтобы прочесть написанные за неделю хвалы и получить, в случае удачи, поощрительный приз — сотню-другую дирхемов, сотню-другую динаров; случались и большие суммы... Джафар признавал среди них только несколько человек, включая Муради. Все прочие были бездарями. Их топорные, корявые вирши даже на самый доброжелательный взгляд не были достойны ни пергамента, ни даже бумаги, — лишь капустного листа да порыва ветра, срывающего этот лист со стены, чтобы решительно подвести черту их тусклой жизни.

С чего эти люди возомнили себя поэтами и как оказались в самой гуще жизни, предполагавшей оплату их нелепого творчества, можно было при случае спросить у каждого из них. Правда, о себе этот каждый, конечно, помалкивал или цедил слова давних рекомендаций, данных ему прежде известными, а ныне покойными мастерами. Зато о других резал правду, нимало не обинуясь.

— Шалихи? Он был жестянщиком... он и писать-то толком не умеет, выучил сына грамоте, чтобы тот записывал... Хавари? — этот вообще тупой. Нет, правда, я тупее него людей не встречал. Я ему как-то говорю: дорогой, как же ты написал «голося подобно разъяренному медведю», когда всем известно, что медведь не голосит, а рычит или, в крайнем случае, ревет? А он мне и отвечает, да так высокомерно, презрительно: разве ты не видишь, что мне нужно было в этой строке слово из трех слогов, а в словах «рыча» и «рева» их всего по два?! Ну разве не тупой?

Каждый из них за спиной каждого упивался беспощадным разбором и нелюбезной критикой чужих писаний. Критика была справедливой, и оставалось лишь пожалеть, что в собственных произведениях они таких же (а то и худших) огрехов и нелепиц не замечают. Это было свойственно всем без исключения. Однажды Джафар подумал, что и сам он мог быть бездарем, но и тогда собственные стихи нравились бы ему так же, как нравятся сейчас; и тогда бы он, написав свежее стихотворение, целый день затем повторял бы его, отыскивая все новые и новые изюминки, удачные обороты, красивые рифмы, — как делает это сейчас, когда его стихи вызывают всеобщее восхищение... Поэт слепнет, когда смотрит на созданные им строки. Да, стихи нашептывают дэвы, которые подслушали, а затем переврали разговоры ангелов; и неважно, складно ли дэвы шепчут, нелепицы ли бормочут, — человеку, обратившему к ним ухо, их бормотания в любом случае кажутся прекрасными!..

Но — слава Аллаху! — все в мире устроено разумно, и деятельность поэтов при дворе тоже устраивалась самым чудесным образом: никто из царедворцев не понимал в стихах и на воробьиный хвост, а потому ценилась лишь гиперболичность восхвалений: тот, кто добивался на этом поприще лучших результатов (пусть и нелепых с точки зрения стихотворчества), получал награду.

— Видишь, как странно, — часто толковал Джафар Юсуфу, — никому из них стихи не нужны. Никто из них не знает того высокого полета духа, который заставляет нас

перебирать слова в тщетном усилии выразить самое себя! Эмир Фарнуш думает только о том, как бы ему залезть на бухарский престол. Еще он беспрестанно размышляет, кто из его приближенных может втайне претендовать на его собственный трон — самаркандский... Приближенные и слуги тоже бесконечно двигают в своих изощренных умах шахматные фигуры, олицетворяющие их пособников и соперников. Что если пожертвовать этой пешкой? Нельзя ли будет затем сожрать коня? И как увернуться вон от того слона, что вчера нашептал эмиру обо мне какие-то гадости?..

— Шахматы? — задумчиво переспросил Муради. — Скорее мешок с кобрами...

— Неважно, не в этом дело. Важно то, что, несмотря на их сосредоточенность на предметах самых практических, низменных, наше возвышенное слово все-таки находит отклик в их душах!

— С чего ты взял?

— С того, что иначе нас бы поперли взащей. Но нас не прут, напротив: мы пользуемся невиданной благосклонностью эмира и его приближенных. Почему? Потому что их души все-таки живы, как ни трудно это вообразить! Лукавый ум говорит им: вот лучший поэт — который сравнил эмира Фарнуша с тысячью верблюдов! (Заметь, что если бы автор сравнил эмира с одним верблюдом, тот бы, полагаю, разгневался.) Пусть рифма в его стихах плоха, пусть метр хромает и спотыкается, пусть того, кто вздумает прочесть их вслух, подстерегает опасность сломать язык! Пусть так, и все же тот, кто нашел такое сравнение, заслуживает похвалы и награды! Тысяча верблюдов! Сравнение — великолепно!..

— Гм!..

— Так говорит их ум, — отмахнувшись, воодушевленно продолжал Джафар. — Но что говорит их душа? Их душа в это время молчит! Или стонет. Или даже рыдает, но в силу своей тупости и глухоты они не слышат ее отчаянных воплей... Зато когда поэт, сравнивший эмира с верблюдами, наконец-то замолкает и вперед выступает кто-нибудь из нас, душа их неожиданно оживает! Конечно, они не разбирают толком ее пения, как только что были глухи к ее стону. Но все же чувствуют что-то приятное... что-то радостное!.. Ведь слова льются, как вода в ручье, журча и переливаясь, нежно лепечут — будто листва чинары в весенний день, когда каждое дуновение ветра рождает ее сладкий голос, и ты вспоминаешь все самое хорошее, все самое славное в твоей нелепой жизни, и веришь, что она еще может исправиться!.. И вот они слушают нас, их ум удивляется: как же так?! ведь эти поэты не сравнивают эмира с верблюдами! чем же тогда они хороши?! А душа нашептывает: забудь, забудь о верблюдах! дело не в верблюдах! знай: вот они, вот лучшие поэты твоего двора! Так дай же невиданную награду им, поощим так сладко, так нежно, так весело — точь-в-точь как чинара под весенним ветром!..

Ануш

Денег в ту пору хватало, дворцовые обязанности отнимали не много времени (кое-какими из них он, в силу благосклонности эмира, даже позволял себе пренебречь), и, коли глянуть со стороны, Джафар вел праздную жизнь всем известного в Самарканде гуляки. Главными ее приметами являлись кабаки, по которым он шатался в ком-

пании трех-четырёх таких же весельчаков (не все они были поэтами); ласковые, говорливые торговцы женщинами, вечно норовившие подсунуть лежалый товар... Все так же, как у всех самаркандских кутил и бездельников, и Джафар был бы в целом неотличим от них, если бы не лист бумаги, всегда заткнутый за пояс, и кусочек мягкого угля, неизменно лежавший в кошельке. В самую неожиданную, а то и неподходящую минуту он мог схватиться за то и другое, чтобы набросать несколько строк. Давно уж знал, что на память полагаться нельзя, как нельзя упускать минуту удачи: хмель пройдет, уснешь, а когда проснешься — то, что мелькнуло, поразив свежестью и музыкой, уже никогда не вспомнится точно, будет маячить перед глазами неразгаданным призраком, мучить досадой и сожалением, что не записал сразу, как открылось...

Время шло. Он купил хороший дом в дорогом районе города, Муслим с важностью возглавил небольшой отряд слуг. Четырежды приезжали гонцы из Панчруда с богатыми, по деревенским понятиям, подарками и робким вопросом от старого дихкана Хакима: не собирается ли внук этой весной заглянуть к ним? Говорят, он стал большим человеком... эмир приблизил его... стихи с лакабом «Рудаки» разлетаются, как птицы, по всему Мавераннахру... все в Панчруде гордятся им, все знают, что внук старого Хакима стал таким знаменитым поэтом!.. все понимают, как он занят, какие важные дела он держит в своих руках... так не приедет ли Джафар этой весной хотя бы на пару деньков?

Гонцы возвращались в Панчруд, везя обещание вот-вот нагряться и подарки, богатые даже на вкус дворцового ценителя.

Пятый гонец принес черную весть: Хаким, да встанут его стопы прочно на землю рая, покинул этот мир.

Джафар напился сам, напоил Муслима, они сидели во дворе под виноградными лозами, слуги, испуганные столь неожиданным для них актом слияния душ хозяина и управителя, носили блюда и вино, Джафар говорил, что предал старика, что ему стыдно и горько: за все эти годы ни разу не смог выбраться, чтобы обнять, признаться в любви... Плакал, сам не зная, что оплакивает — старого ли Хакима, детство ли свое, юность?..

Муслим тоже утирал слезу, успокаивал хозяина, говорил, что чистая душа покойного дихкана вдыхает ныне ароматы рая, — и не лучше ли это, чем мучения старости, немощи и печали?..

С Муради они в ту пору временами страшно бранились. Бывало, неделями не разговаривали, не встречались, но потом кто-нибудь из них все же раскалывал лед отчуждения. Обычно это оказывался Джафар, потому что Юсуф, неподкупный провозвестник светлого будущего, был кремень, скала, алмаз, ему не нужно нежностей, ему нужна правда! — а Джафар именно что питал к нему дружескую нежность, тосковал в разлуке и не мог длить ее более нескольких дней...

Снова они становились неразлучны, снова к ним прибывалось небольшое сообщество поэтов, считавших их своими учителями и покровителями, но наступал день, и разъяренный Юсуф врывается в дом, когда Джафар едва продирает глаза, — и слава Аллаху, если той ночью он спал в одиночестве!

Ссоры протекали всегда примерно одинаково.

— Опять?! — восклицал Юсуф, потрясая кулаками. — Опять?!

— Что — «опять»? По-моему, это ты «опять»!

Но Муради впивался в него, как та ришта: вот скажи ему, признайся, откройся, по-кайся и все тут: зачем занимаешься этой гадостью, зачем покупаешь женщин?

— Я?! — удивлялся Джафар, садясь на постели. — Ты что?

— Слушай, не надо ослиную шкуру на лицо натягивать!

Юсуф расхаживал по комнате, меча в него громы и молнии.

— Ты клялся, что будешь ждать Махди! Ведь клялся?

Джафар пожимал плечами.

— Ну да, клялся... при чем тут женщины?

Зачем рассказывать Юсуфу все обстоятельства кое-каких походов, если заранее известно, что ему не понравится?! А раз знает, значит, опять донес кто-то!.. кому-то не нравится их дружба!..

Он пытался внедрить эту догадку в разгоряченное сознание друга:

— Пойми, Юсуф, нас просто хотят поссорить! Пока мы с тобой вместе, пока поддерживаем друг друга, с нами никому из бездарей не сладить, мы всегда будем лучшими в глазах эмира! А значит и в глазах всех его прислужников!

— Поссорить? — морщился Юсуф. — Да ладно тебе, я совершенно случайно узнал...

— Как же, случайно! — Джафар переходил в наступление. — Ничего случайного не бывает.

— Вот именно! — снова ярился Муради. — Ничего случайного не бывает! Ведь ты не случайно таскаешься в квартал Менял?

В квартале Менял возле одноименного базара располагались заведения, содержатели которых способствовали скорому утолению внезапно возникшей в ком-либо страсти.

— А что? Нельзя мне розового масла купить?!

— Перестань! Я уж не говорю про... — Юсуф перешел на арабский, — про то, что разрешает вера! Ты забыл? Для женитьбы — для женитьбы! — вам дозволены целомудренные женщины из уверовавших, если уплатите выкуп за них! Если вы целомудренны и не распутничаете! Если хотите взять их в жены, а не в наложницы! Вспомнил? А про квартал Менял там ничего не сказано!

— Я не собираюсь жениться, — вставлял Джафар.

— Тогда соблюдай целомудрие!

Позевывая, Джафар большим пальцем чесал всклокоченную со сна голову.

— Да, но...

— Ты клялся ждать прихода Махди! Но что значит — ждать прихода Махди? Погрузиться в разврат и грех, сонно сидеть сложа руки, ничем не ускоряя наступление светлого дня? Я тебе еще раз говорю: поверь, Махди не придет, пока мы все не будем готовы к его появлению! Он не захочет шагать по тому дерьму, которым сейчас является мир!

— Сам говоришь, а сам сквернословил...

— Нельзя покупать людей! Ты платишь деньги за наложниц — а ведь они такие же люди, как ты!

— Ну, не во всем такие же...

— Хватит шуток! Или ты обратишься к вере и целомудрию, или между нами все кончено!

— Э! э! погоди! — Джафар вскакивал и брал Юсуфа за рукав. — Что ты разошелся?! Давай хоть позавтракаем напоследок! Муслим!

— Ты мне сахара на уши не клади! — Юсуф вырывал руку. — Не надо строить из себя дурачка!

— Свежий творог, сметана хорошая... Муслим, чтоб ты провалился!

Дверь приоткрывалась.

— Муслим! — торжественно возглашал Джафар. — Вот Юсуф Муради. Он голоден и страшно зол! Если немедленно не дать ему творога со сметаной и свежей лепешкой, он откусит мне голову! Ты лишишься хозяина, а следовательно — всех благ, которыми я тебя обеспечиваю! Так что шевелись!

— Все готово, — обычно ворчливо сообщал Муслим. — Сюда нести или на айван пойдете?..

Как-то раз Юсуф сердито отмахнулся от предложения позавтракать вместе и ушел, сославшись на явно придуманные им срочные дела.

Джафар вышел на айван один. Сидел, щурясь на утреннее солнце. Зевал, раздумывая, не взглянуть ли на те три или четыре бейта, что нацарапал вчера. С глухим раздражением понимал, что не выспался, что его томит похмелье, что на бейты эти, будь они неладны, смотреть он не хочет, а хочет, напротив, вернуться в спальню, вернуться в чистую, пахнущую речной водой курпачу и крепко уснуть, чтобы через пару часов проснуться веселым и бодрым.

К сожалению, не успел он подняться на ноги, чтобы осуществить задуманное, как в ворота постучали.

— Кого это нелегкая несет? — бурчал Муслим, шагая по дорожке мимо розовых кустов. — Принимаете?

— Разносчик, наверное? — предположил Джафар. — Взгляни...

— Разносчику голову оторву, — грозно пообещал Муслим. — Будет в аду угли разносить этот чертов разносчик!

Но нет, оказался не разносчик.

Господин, явившийся в этот ранний час с небольшой свитой, оставленной им за воротами, назвался дихканом Кубаем. Был он благообразен, рост имел небольшой, фигуру складную, бороду стриг, карие глаза смотрели из-под густых бровей. Некоторая полнота говорила о том, что он ведет спокойный и размеренный образ жизни. Были и признаки того, что таковой она являлась не всегда: на правой руке отсутствовали два пальца — мизинец и безымянный, на шее тоже виднелся след ратных подвигов — шрам, уходивший под ворот богато расшитого чапана.

Когда они обменялись формальными любезностями и сели на топчан в тени раскидистой яблони, дихкан Кубай сказал:

— Видите ли, господин Рудаки, вы такой известный, такой славный поэт!.. У меня почти нет надежды, что вы согласитесь... э-э-э... согласитесь на мою просьбу.

— Не теряйте надежды на милосердие Аллаха, ибо отчаиваются в милости Аллаха только люди неверующие! — возгласил Джафар слова Пророка.

Дихкан Кубай с недоумением посмотрел на него, из чего Джафар заключил, что арабского тот не знает.

— Стучите, и вам откроют, — сказал он. — Так в чем же состоит ваша просьба, уважаемый Кубай?

Кубай основательно прокашлялся.

— У меня есть сын. Он, видите ли, любит стихи... читает, собирает библиотеку. Я заказываю ему у переписчиков все новые диваны, какие могу достать...

— Сколько лет?

Дихкан отчего-то замялся.

— Тринадцать ему. Тринадцать... с небольшим. Он наслышан о ваших стихотворениях, а то, что смог достать через меня или моих людей, знает наизусть. И хочет сам попробовать силы в поэзии...

— Неблагодарное это занятие! — вздохнул Джафар.

— Вот и я о том же толкую, — с похожим вздохом ответил Кубай. — Зачем ему быть поэтом? Поэтами становятся люди бедные... — он замолк, с некоторой неловкостью глядя на Джафара.

— Обычно так, — с оловянной улыбкой кивнул тот. — Впрочем, не всегда. Однако продолжайте.

— Я хочу сказать: у него же все и так есть!.. ему не нужно искать славы, чтобы потом получать за нее деньги! Но что делать? Характер такой: уж если что втемяшилось... Честное слово, упрямей барана.

— Наверное, в вас? — усмехнулся Джафар, получив возможность вернуть любезность.

— В меня? — изумился дихкан Кубай. — С чего бы?! То есть... ну да, конечно. Я и толкую: весь в меня.

— Так он пишет уже или еще только собирается?

— Вот, — Кубай достал из-за пазухи несколько сложенных листов бумаги.

Джафар молча просмотрел странички. Кубай, в ожидании приговора следивший за ним с плохо скрытым волнением, заметил, что мастер несколько раз удовлетворенно кивнул и дважды пробормотал для себя прочитанные строки, как будто намереваясь их запомнить.

— Ну что же, — протянул Джафар, снова проглядывая стихи. — А вы знаете, уважаемый Кубай, это очень даже неплохо! Вот это, например... — Он с удовольствием повторил приглянувшуюся строку. — Неплохо, неплохо! Я не встречал такого сравнения!.. И вот это тоже... Несколько свежих рифм... да и в целом довольно напевно! Знаете, музыка сама проникает в слова, когда они стоят в нужном порядке! — он вскинул взгляд, уперся им в непонимающие глаза дихкана Кубая, осекся и сказал затем, возвращая рукопись: — Гм, гм!.. Короче говоря, у вашего сына есть искорка, несомненно.

— Вы считаете? — спросил дихкан, разминая пальцы, и Джафору показалось, что в его голосе звучит разочарование. — Я бы мог его обмануть, — сказал он, как будто размышляя вслух. — Сказать, что был у вас... и вы оценили его писульки как совсем негодные... Да мог бы и вовсе вас не беспокоить, а соврать, что ездил!.. Но вы говорите — хорошие стихи? И ведь обманывать нельзя?

Джафар развел руками.

— Ну, насколько я могу судить... Впрочем, бывает, что в самом начале поэт кажется интересным... но скоро свежесть вянет, он выговаривается, начинает повторяться...

— А вы мне сообщите, если это случится? — с надеждой спросил Кубай.

— Конечно... С бездарем я возиться не буду.

— Ну вот! А я так ему и скажу! Дескать, учитель сказал, что ты бездарь! И дело с концом! — бодро заявил Кубай. — Хватит голову морочить, коли Аллах таланта не дал! Верно?

— Как вам будет угодно, — Джафар пожал плечами. — Тут я вам не указчик...

Они договорились о цене. Каждую неделю дихкан привозил Джафору новые вирши. Джафар читал, высказывал мнение (обычно одобрительное), подчас даже кое-что правил, показывая молодому коллеге, как можно было бы выразиться ловчее и экономнее.

Месяца через два Кубай заявился как-то в очень сумрачном состоянии духа.

— Хочет с вами увидеться, — горестно сообщил он. — Говорит, многого на бумаге не передашь... надо, говорит, обязательно лично! Пристал — ну просто нет сил! Уж я и так и этак — не помогает!.. В слезы — и что хочешь, то и делай!

— В слезы? — удивился Джафар. — Парень-то вроде уже не маленький...

— Ну, не в слезы, нет, — спешно поправился дихкан. — Не в слезы, а просто нудит одно и то же, как мельничный жернов: дай увидеться с Рудаки, и все тут!

— Да пожалуйста, — Джафар развел руками. — Мне тоже будет приятно...

Кубай молчал, покусывая ус.

— Понимаете, господин Рудаки... Как бы вам сказать... Он у меня не совсем обычный, — дихкан утер пот рукавом чапана. — Он, видите ли, болен... — Что-то захрипело у дихкана в горле, едва прокашлялся, побагровев. — У него, видите ли, болезнь... водянка... водянка головы. Так-то ничего, соображает. — Он покрутил пальцем у виска. — А смотреть неприятно. Ну а чего вы хотите: вот такая голова-то!

И Кубай, разведя руки, показал что-то размером с большой арбуз.

Ошарашенный Джафар молчал.

— Да вы не бойтесь. Я его занавеской закрою, — обнадежил Кубай. — За такую, знаете ли, занавеску — и дело с концом. Говорить можно. Правильно? А смотреть вам ни к чему.

И так сморщился, что стало понятно: не завидует он человеку, осмелившемуся бросить взгляд за ту занавеску...

— Совершенно ни к чему! — поспешно поддержал Джафар. Ему было трудно отогнать возникший в воображении образ сморщенного человечка с огромной водянистой головой. И представить-то страшно, а уж смотреть!.. — Зачем мне?

— Вот именно! Вот именно! А говорить — да сколько угодно говорите! Занавеска тонкая... Я за вами паланкин пришлю.

— Не надо, мне проще верхом, — сказал Джафар. — Лучше слугу пришлите, чтоб дорогу показал...

Кубай встретил его как нельзя более радушно. Дастархан был уставлен блюдами, слуги суетились. Джафар воздал должное и печеной форели, и курятине с индийской пшеницей, и ягненку под золотистым луком и баклажанами. При этом более или ме-

нее заинтересованно поддерживал разговор о ценах на просо, земельные участки и туркменских лошадей.

Затем Кубай проводил его в комнату сына.

Комната и впрямь была перегорожена занавеской. Перед ней у стены на разостланном ковре лежала стопка подушек.

— Присаживайтесь, — предложил Кубай. И сказал, обращаясь к занавеске: — Ануш, господин Рудаки пришел!

Послышалось легкое шуршание, занавеску тронуло движение воздуха, раздался детский голос:

— Господин Рудаки! Я так... рад, что вы согласились приехать!

— Мне тоже очень приятно, — ответил Джафар. — Здоровья вам... Вам нравится, как я редактирую ваши стихи, Ануш?

— О, конечно! Вы мне очень помогаете! Это просто чудо! Вы, такой известный мастер, снисходите до моих беспомощных стараний!

Из-за занавески донеслось смущенное хихиканье.

— Ну почему же! Не совсем беспомощные... я подчеркивал те строки, что кажутся мне удачными.

— Я стараюсь...

— О чем же мы будем говорить? — спросил Джафар.

— О чем?.. Ну, давайте просто поговорим, — предложил Ануш. — О стихах, о поэзии... А?

— Я рад говорить о поэзии, — сказал Джафар, усмехаясь. — Поэзия — это не только мой хлеб...

Он хотел сказать, что поэзия — это и его жизнь, но, бросив взгляд на Кубая, промолчал. Дихкан то и дело утирал пот со лба и вздыхал.

— Ну тогда расскажите мне, — робко попросил мальчик.

— Ну что ж, — сказал Джафар, тщетно пытаясь соотнести этот мелодичный голос с тем образом большеголового карлика, что витал в воображении. — Начнем с самого начала.

— Давайте! — пискнул Ануш.

— Когда говоришь о поэзии, не обойтись без множества арабских слов, — начал Джафар. — Так вышло, что в нашем родном языке не существовало терминов для обозначения тех или иных явлений, связанных с поэзией, поэтому мы заимствовали их из арабского. На мой взгляд, это неправильно. Следует разрабатывать собственный словарь, тем более, что персидская поэзия гораздо древнее и богаче арабской...

— А почему так? — спросил Ануш.

— Нас завоевали, — Джафар пожал плечами. — Мы приняли веру завоевателей... а раз приняли веру, приняли и все остальное. Многие стремятся угодить им, чтобы получить через это блага для себя... многие превозносят арабский язык, чтобы подольститься к чиновникам халифата. Арабский язык богат и выразителен, не спорю, но у нас есть и свой, ничем ему не уступающий, а кое в чем и превосходящий.

— Неужели «поэзия» — это тоже арабское слово?

— Да, «ши'ир» — это тоже арабское слово... просто мы уже давно привыкли и используем его совсем как свое, — Джафар помолчал, собираясь с мыслями. — Так вот.

Поэзия, как определяли ее наши предшественники, есть речь упорядоченная, осмысленная, мерная, повторяющаяся, одинаковая и подобная в окончаниях. Некоторые, впрочем, говорят, что это речь, созданная воображением, мерная, рифмованная, произнесенная с определенной целью...

При последнем его слове дихкан Кубай громко всхрапнул, но тут же встрепенулся и пробормотал, виновато моргая:

— Извините!

* * *

Первого занятия ему хватило сполна.

Однако через неделю дихкан все же уломал его снова. Сын, дескать, потерял покой и сон. Мечтает лишь о том, чтобы продолжить беседу с господином Рудаки. А сам он готов увеличить сумму гонорара.

Джафар поддался только из-за собственного любопытства.

— Происхождение слова «ши'ир» нам точно неизвестно...

В естественных паузах прислушивался, пытаюсь уловить звук дыхания. Ведь там живое существо... и такая тонкая занавеска!.. Это хорошо, что она есть, занавеска-то... еще не хватает глаза в глаза с каким-то чудовищем!..

И все же томило желание увидеть уродца — хоть и боязливое, но довольно острое.

Вообразить только — водянка головы!

— Одни передают, что сразу после бурного Ноева потопа первым заговорил по-арабски некий Йаруб бен Кахтан. При расстановке слов в предложении и подборе словосочетаний он был якобы столь жаден до говорения в рифму и декламации в лад, что произнесенные им речи никогда не оставались без этих украшений. Когда он проговаривал рифмованные и мерные словосочетания, ему казалось, что в этом проявляется проницательность его ума. Однажды он продекламировал два бейта в каком-то собрании, и присутствующие удивленно спросили: «Что за манера речи? Что за способ выражения? Мы никогда такого не слышали». Йаруб ответил им: «Раньше я тоже не понимал смысла своих речей, а сегодня постиг». И якобы именно потому, что он сподобился понимания — шу'ур — мерной речи без обучения этому, ее и называли поэзией — ши'ир, — а произносящего ее — поэтом: ша'ир!

Джафар покосился на сидящего рядом Кубая. Голова того неуклонно клонилась на грудь. Слушатель из него был еще тот. Из-за занавески не доносилось никакого шевеления. И было вообще непонятно, перед кем он тут, собственно, распинается?!

— Другие летописцы настаивают на иной версии, — сказал он, возвышая голос (Кубай вздрогнул). — Был якобы некий человек, предводитель йеменских племен, звавшийся Аш'ар бен Сааба. Он говорил по-арабски в высшей степени изящно, красноречиво, и большая часть его речей получалась мерной. От его имени — Аш'ар — возникло слово ши'ир, а если кто-то другой начинал говорить похоже, его звали ша'ир! Аллах лучше ведает! — раздраженно закончил Джафар под первые всхрапывания дихкана и резко поднялся со своего места.

Дихкан испуганно раскрыл глаза и облизнулся.

— Уважаемый Кубай! Может быть, мои слова ничего не стоят, но все равно я не могу произносить их под ваш храп! Одно из двух! Либо вы храпите в другом месте, либо я немедленно уезжаю и никогда больше не приеду!

— Нет! — пискнуло из-за занавески. — Ни за что!
— Подождите! — растерянно пробормотал Кубай, поднимаясь. — Что случилось?
— Я же говорю: я толкую невесть для кого, вы подремываете себе, а потом еще начинаете храпеть, как удушенный! Кому это понравится?!
— Ну правда, зачем тебе тут находиться? — спросил тонкий голос из-за занавески.
— Иди в соседнюю комнату!
— Я не могу оставить вас вдвоем! — крикнул Кубай. — Нет, нет и нет!
— Тогда прощайте!
Из-за занавески уже слышались рыдания, но Джафар закрыл за собой дверь...
Кубай догнал его во дворе.
— Господин Рудаки! Господин Рудаки! — шумно дыша, он шагал рядом. — Прошу вас, не уезжайте! Хорошо, я уйду в соседнюю комнату!
— Да это просто смешно! — упирался Джафар. — Какие-то детские игры! Я же не мальчишка! Я не собираюсь бегать туда-сюда!
— Умоляю!
— Не надо меня умолять!..
В конце концов все-таки вернулись.
Кубай потерянно постоял на пороге, похрустел суставами пальцев. Потом тихо прикрыл за собой дверь.
— Итак, — со вздохом сказал Джафар, усаживаясь. — На чем мы остановились?
— На легенде... Господин Рудаки, а правда, что в Самарканде есть стена Поэтов?
— Правда...
— И каждый может прийти и оставить свои стихи?
— Конечно.
— И послушать, что говорят о них люди?
— Ну да, — Джафар развел руками. — Для этого, наверное, Стена и существует..
— Ах, почему я не могу этого сделать! — воскликнул Ануш.
Джафар растерялся. Может быть, обнадежить его? Произнести какую-нибудь нелепицу вроде того, что, дескать, возможно, болезнь отступит, и тогда...
Но он не успел.
Повернул голову на звук открывавшейся двери.
И в эту секунду Ануш всхлипнул, воскликнув плачущим голосом:
— Ах, зачем! зачем я родилась женщиной!

* * *

На самом деле ее, скорее всего, звали *Ануша*, то есть *Бессмертная*...

Возможно, впрочем, дихкан Кубай выдумал это имя. Чтобы присвоить его своему столь же выдуманному сыну. В действительности являвшемуся женой.

Как обстояло дело на самом деле, неизвестно.

Разрешение одной коллизии стало началом другой, гораздо более острой.

Скоро разрешилась и другая. При этом время не остановилось в ошеломлении, не замерло в ужасе.

Равнодушное время спокойно текло дальше.

Как будто ничего не случилось.

Тщета пыли, уносимой ветром. Тщета камня, упавшего в воду. Разойдутся круги — быстро истаивая, утекут вместе с водой.

Ничто не меняется в мире — только в душе появляется рана. Сначала горит, саднит и ломит. В конце концов боль стихает, остается шрам. А потом проведешь ладонью — уже и шрам едва заметен. Даже зарубка в памяти может затянуться... силишься вспомнить — но перед глазами только зыбкие, бесплотные тени. Разве это на самом деле было? На самом деле случилось?! Не может быть...

Тщета.

Но встреча с сыном дихкана Кубая наложила отпечаток на всю жизнь.

Тогда он был юношей — сейчас старик. И все равно: закроешь глаза... о господи, опять эти налитые мукой глаза!.. зажмуришься, вспомнишь — и как будто вчера.

Странно.

Почему так?

Он не видел ее. А когда слышал голос, был уверен, что принадлежит он большеголовому уродцу, сыну несчастного дихкана.

Даже не видел... и всю жизнь жалеет об этом. Разве не странно? Как если бы не смог дотянуться взором до чего-то такого, что сделало бы его... господи, даже и сравнения сразу не подберешь!.. счастливец среди людей?.. ангелом?.. самим Богом?.. Как если бы оставалось всего ничего — один шаг, одно движение, одна тонкая завеса: стоит отвести ее — и окажешься в неслыханном, баснословном мире жизни и счастья! — но не хватило мига!.. не хватило удара сердца!.. не хватило вдоха. Колышимая ее дыханием завеса оказалась непреодолимым препятствием.

Волшебный мир не раскрылся.

Оставалось гадать, каким он был.

* * *

Бессмертная!.. Что это, если не насмешка судьбы?..

Он даже не успел как следует удивиться.

Дихкан Кубай стоял в дверях с таким бурным и перекошенным лицом, как будто его уже хватил удар.

Потом они шли к коновязи. Дихкан держал его под локоть железными пальцами.

— Вот видите!.. — бормотал он. — Что делается! Беда-то какая!.. Заговариваться начал... Болезнь-то — она того... она не шутит...

Собственноручно подал стремя и, посмотрев сощуренными, черными от необъясненной муки глазами, сказал, кривясь:

— Не надо больше приезжать, господин Рудаки. Прощайте!

Ах, как легко ему было бы подавить в себе вспыхнувшую злость! И уехать, не сказав ни единого слова. Тогда уж давно забыл бы всю эту нелепую историю: и Кубай, и жена его Ануш растворились бы в густеющей памяти, как растворяется всякая смешная и нелепая мелочь.

Нет, не растворилась. Помнится. И безответные упреки самому себе все так же остры...

На что ему было так уж злиться? Кубай нанимал его. Нанимал на время. Платил щедро. И в срок. То есть, исправно исполнял существующие договоренности. Теперь

случилось нечто, что, на взгляд нанимателя, препятствует продолжению отношений с работником. Что остается работнику? — поблагодарить за уже полученные деньги и удалиться...

В самом крайнем случае он, как вежливый человек, мог напоследок высказать надежду на возобновление в будущем столь выгодного и приятного для него сотрудничества.

Но самолюбие кипело. Его! Джафара Рудаки!.. Какой-то жалкий дихкан! Чурбан, не способный выслушать десяток возвышенных фраз без того, чтобы не огласить помещение своим слоновьим храпом!.. Из-за сущей ерунды! Которая только в его, дихкана, воспаленном воображении может выглядеть чем-то существенным!.. Из-за того, что Джафар услышал голос его никому не интересной, в сущности, жены, забывшей на мгновение, что ей следует и далее играть роль интересующегося поэзией мальчика!..

Найти в этой глупости повод выставить его вон?! Пусть вежливо — но все же твердо и решительно изгнать?! Ну не дурак ли он после этого? Не хам?!

И что же: утереться и уйти?!

— Станный вы человек, дорогой Кубай! — сказал он, напряженно посмеиваясь. Хоть чем-нибудь ответить! Хоть как-то уколоть!..

— Поздно спохватились: мы уже обо всем условились.

Ворота закрылись.

* * *

Ехал к дому, то сдавленно хохоча, то оглядываясь назад — как будто хотел убедиться, что все это случилось на самом деле.

Что за глупость, господи!

Воображение только-только начало свою работу.

Так вот чей это был голос! Этот тонкий, этот сладкозвучный голос!.. Этот чарующий смех!..

Вот что скрывала занавеска!.. Дурак, дурак!.. Она была так близко, что долетало ее легкое дыхание!..

Как же он раньше не понял! Нужно быть совершеннейшим болваном, чтобы не сообразить!..

Слишком высокий голос! И эти дразнящие колокольцы смеха! Нет, мальчики так никогда не смеются...

Лунолика!.. милая!.. нежная!..

Нет, ну что за глупость, подумать только!..

Зачем вот только он ляпнул Кубаю напоследок эту глупость?.. Да ладно, не имеет значения. Пусть чуток поволнуется. Пусть думает: когда успели?! Каким образом? — он ведь отсутствовал не больше минуты!.. Помучайся, дурачина. Сам виноват. Твои чувства к молодой жене станут от этого только крепче...

Будет что рассказать друзьям!

Бросил Муслиму повод, соскочил с седла, не удержав смеха.

— Что случилось, хозяин?

— Ничего, ничего... Юсуф заходил?

— Нет, хозяин, Юсуф не заходил, — обстоятельно, как всегда, начал докладывать Муслим. — Никто не заходил, слава богу. Должно быть, все делами заняты, никто попусту не тревожит. Да вы и сами знаете, хозяин. Пустой человек — он вечно болтается, как собачий хвост. А если человек серьезный, если он занят делом...

— Господи!

— Что вы вздыхаете, хозяин?

— Ты короче можешь?

— Да куда уж короче, хозяин...

— Нет моих сил! Расседлай.

— Погодите, вы же не дослушали.

— Ну?

— От господина Ардашира посыльный был...

— А что же ты несешь, черт бы тебя побрал, вместо того чтобы дело говорить?!

— Вы же рта не даете открыть, хозяин. Вы, хозяин, думаете, что...

— Силы небесные! Что сказал?

— Господин Ардашир к себе просили на ужин...

— Слава богу, разродился! Тогда не расседывай.

— Сказали, паланкин пришлют...

— Чтоб тебя! Тогда расседывай! Да скажи там, чтоб помыться мне приготовили.

Приводя себя в порядок, все еще посмеивался. Господи, ну надо же такому случиться! Не придумаешь... а если придумаешь, скажут: ну, дорогой, такого не бывает! Ты, дескать, уж если сочиняешь, так сочиняй по-хорошему. Пожалуйста, можешь толковать нам о пальме с золотыми финиками. Но вот чтоб на сливе груши росли — это уж ты уволь!..

Пускаясь в путь, твердо решил про себя: не будет ничего рассказывать. Ни к чему. Но, понятное дело, не удержался.

Думал, всех это страшно заинтересует.

— Это что! — воскликнул мулла Багул, сочинитель кулинарных стихов. — Говорят, однажды хан Меркез...

И рассказал свою историю — на взгляд Джафара, во-первых, совершенно нелепую, а во-вторых — никоим образом не имеющую отношения к делу.

Усмехаясь, Ардашир сделал знак слуге, чтобы тот наполнил чаши.

Через несколько минут отозвал его в сторону.

— Не расстраивайтесь, мой дорогой. Чрезвычайно захватывающее приключение. Не сердитесь на моих гостей. Ведь вы попытались вложить душу в свой рассказ. А хмельное застолье — не то место, где люди интересуются душами собутыльников.

Джафар отмахнулся — мол, бог с ним со всем, это всего лишь случай. Жизнь каждый день дарит нам десяток таких безделок.

Ардашир покачал головой.

— Не знаю, не знаю... Так или иначе, история замечательная. Хорошо, если она закончится так же благополучно, как началась.

— Что вы имеете в виду? — спросил Джафар. — По-моему, она уже закончилась.

— Если бы вы, по вашим собственным словам, не пошутили напоследок, — заметил Ардашир. — Столь удачно...

— А что такого? — деланно удивился Джафар. — В конце концов, даже глупая шутка — всего лишь шутка.

Он гнал от себя эту мысль. Гнал тревожное чувство. Старался забыть. Ну сказал и сказал... явная чушь, даже безумец не обратил бы внимания на его слова. Однако всякий раз холодел, вспоминая. Кто знает, как повернется его пустое слово в голове этого безумного Кубая?.. Что за мука тлеет в глазах дихкана?.. А если в душе у него такая надсада, такие нависают глыбы беспричинной ревности, что самое пустое слово может вызвать обвал?

Вот уж верно: нечистый дернул за язык!..

— Будем надеяться, — вздохнул Ардашир.

Джафар построил постную физиономию и воздел руки к небу.

* * *

Пир шел своим порядком. Гости ели, пили, болтали, смеялись и снова болтали.

Он рассеянно следил за разговором. Воображение работало, то и дело подсовывая ему новую картину будущего.

Может быть, ее нужно спасать?

Вот он едет к Кубаю... «Что?! Вы с ума сошли?!» — «Поймите правильно. Ваша жена — существо утонченное, тяготеющее к поэзии...» — «Да, да... А я ничего не понимаю в стихах... Да, вы правы. Я согласен с вами. Ах, бедная моя Ануша! Я хочу только одного: чтобы она была счастлива!..»

Из недр жилища появляется закутанная в покрывала фигурка... слуга помогает ей сесть в седло... Нет, лучше в паланкин...

А если Кубай против?!

Новая череда картин. Он уже открылся Ардаширу... нужно сказать больше... нужно сказать правду. Ардашир поймет его чувство. Да, чувство — пусть возникшее стремительно и на пустом месте. Что с того? — молния тоже возникает стремительно и на пустом месте... Ардашир человек опытный... если он поможет, можно организовать все ловко и решительно... Темнота... робкий луч луны... поблескивание пряжек... осторожный стук копыт... негромкие голоса... Ага! Вот ворота!.. Муслим, ловко встав на седло, уже перевалился через дувал. Нет ли тревоги? Тихо... И вдруг! — вдруг все срывается в цветастую мешанину огней, криков, звона, лошадиного храпа... свивается в стремительную путаницу боя!.. Конь летит!.. черный ночной ветер гладит разгоряченное лицо... Меч еще в правой руке... а левой он прижимает к себе то, что похищено! То, что силой вырвано у судьбы!.. Вот оно — исполнение задуманного!..

Ануша!..

... — Что?

— Джафар, ну ты совсем меня не слушаешь! Я же говорю: Мухаммед Балхи написал, что выберется к нам ближе к зиме.

— Да ну? Здорово...

* * *

Ночь пролетела быстро. Когда они с Юсуфом подошли к дому, светало. Утренняя свежесть холодила виски.

Юсуф, обернувшись, сделал знак провожатым, чтобы больше не беспокоились. Два дюжих парня, посланные Ардаширом в качестве охраны, поклонились и пошли назад, тут же заведя все более невнятный — по мере удаления — разговор. Дольше всего было слышно, как один шаркает сапогами.

Кто-то из слуг уже гремел запорами.

Они вошли во двор.

— Ну что, спать? — сказал Джафар, зевая.

В эту минуту послышался стук копыт... приблизился... и стих.

Что-то темное показалось на верху дувала... с шорохом потревожило листву... и глухо шмякнулось о землю!

Копыта грянули в галоп. Простучали переулком... стихли за поворотом к мечети.

Все вместе могло бы теперь считаться рассеявшимся в утренней мгле неясным видением.

Конечно, если бы не мешок, оставшийся лежать под виноградными плетями.

— Что это? — оторопело спросил Юсуф. — Святой Хызр подарок тебе прислал?

— Н-н-не знаю, — пробормотал Джафар, приглядываясь.

— Или посылка от халифа? Из Багдада ничего не ждешь?

— От халифа-то? Хорошая мысль... Должен же и халиф когда-нибудь наградить меня! Не думал, правда, что это случится сегодня...

Нижние углы мешка выглядели так, будто намokли в чернилах.

— Подожди! — сказал Джафар, холодея. — Бога ради, не трогай!

* * *

Ардашир еще не лег.

— Ах, вот как! — сказал он. — Чудненькая история... Джафар, а почему вы так уверены, что это именно она? Ведь вы говорите, что лица не видели... да если бы и видели: что толку в лице, если при теле нет головы?

Джафар из последних сил сдерживал желание закричать, повалиться на землю, бить по ней кулаками, кататься в пыли — вообще сделать что-нибудь такое, что избавит его от мучительного остекленения, охватившего все его существо в то мгновение, когда он заглянул в проклятый мешок; спокойный голос Ардашира довершил дело.

— Что! — срывающимся голосом закричал он. — Что вы!.. вы себе!.. я!..

И, должно быть, обеспамятел ненадолго: свет закружился, померк, и он заново обнаружил себя лежащим на ковре, с мокрой физиономией, в которую Юсуф готовился брызнуть новую порцию холодной воды.

— Не надо...

Сел.

— Ну вот, — сказал Ардашир, обеспокоенно щурясь. — Как вы? Получше?

Кивнул.

И в самом деле было лучше. Случившееся потускнело, отошло вдаль... жизнь, как и прежде, снова стояла перед глазами.

Об опознании Ардашир больше не заговаривал. Да и вообще все сделал сам. Послал людей, чтобы забрали мешок, и больше Джафар о нем не слышал. Ближе к обеду

вооружил четырех слуг. Ощетинившись железом, двинулись в имение дихкана Кубая. Ничего хорошего Джафар не ждал. Вздыхал про себя, что нет рядом Шейзара... *

Ворота оказались незаперты. Дом — пуст.

Дихкан внезапно выехал.

Ардашир побеспокоил соседей. Однако все только удивлялись и разводили руками: никто из них не знал причины этого спешного выселения.

«Ануша, — повторял про себя Джафар, безвольно качаясь в седле. — Ануша. Бессмертная...»

Пожалуй, в тот раз он почувствовал это впервые. Потом много раз повторялось: когда узнаешь о неожиданной смерти, испытываешь ошеломление, горе... И одновременно — острый укол радости. Как будто мучительно бившаяся в силках птица наконец-то вырвалась — и улетела.

Никогда никому не говорил. Но всю жизнь пытался понять, всем ли свойственно переживать эту странную, эту горькую радость. Все такие? Или он один?

Так и не понял...

Столько лет прошло, а стоит вспомнить — и снова щемит сердце.

Ануша.

Бессмертная.

* * *

...Ардашир так и не вернулся из Багдада: стал учеником и помощником ат-Табари, писал большие труды по истории, не мог оторваться ни от учителя, ни от тамошних библиотек.

Редкие его письма искрились шутками. Джафар звал в Бухару, — отвечал, что по быстротечности времени, старческой рассеянности и прогрессирующей глупости его фальшивая ученость достойна разве что Вабкента. Уверял, что, опасаясь поветрий, последние годы вообще не выходит из дома, а если все же решается сделать это, пользуется закрытыми носилками. Из того, что говорилось всерьез, можно было сделать вывод, что Ардашир готовится к смерти — готовится так же деловито и собранно, как живет.

Бумага всегда приносила с собой аромат сирийских благовоний — более угадываемый, нежели существующий на самом деле...

* Родич и ровесник Рудаки (об их дружбе в детские годы рассказывается в первых главах романа). (Прим ВС).

Божий дар и яичница

Вчера шла мимо церкви. У обочины останавливается колорадской расцветки «жучок». Из него выходят две девушки — в леггинсах, обтягивающих стройные ножки, в коротких маечках (пупки с пирсингом и глубокий вырез), с копнами художественно растрепанных волос. Девушки деловито вытаскивают из машины пакеты, и — начинается... Большой монохромный платок фиксируется на талии булавкой, — получается длинная юбка с запахом. Косынка, осыпанная мелким бисером, — на голову. Целомудренный шарфик пастельных тонов — на шею. Стирают помаду, снимают цыганские обручи с запястий. И вот уже две скромные богомолки, потупив глаза, устремляются к церковным воротам.

...Вечером забегает поболтать соседка:

— Завтра пост начинается. Будешь держать?.. Да ну, глупости, делов-то... А пост — отличная штука. Я всегда потом кило шесть-семь скидываю, плюс душу очищаю!

И непроизвольно оглаживает себе бока.

Коллега попросил начальника о повышении, получил отказ. Резкий и несправедливый. В курилке рассказывает об этом, не скрывая разочарования. Сочувствую:

— Слушай, мне так жаль. И что будешь делать, уволишься? Или наоборот, ляжешь грудью на амбразуру, покажешь себя в выгодном свете?

— Ничего не буду делать, — постно вздыхает коллега. — Подставлю вторую щеку. Господь терпел — и нам велел.

Да, мы такие. Всегда ищем простые решения. Вот говорят, рыба ищет — где глубже, а человек — где лучше. А лучше бы человек — где глубже...

Я далека от морализаторства. В эту позицию лучше не вставать, неминуемо полезут в голову воспоминания о собственных лицемерных делах. Начиная со школьных сочинений о пионерах-героях и заканчивая принципиальными высказываниями на форумах о гнусности взяток и nepотизма — на фоне семейных обсуждений, кому, сколько и когда «сунуть».

Да, проще подстроиться под систему и относительно спокойно жить, не привлекая к себе внимания, чем открыто демонстрировать nonконформизм. Большинство

людей об этом знают давно и прочно, так явственно знают, что всегда обходят эту тему стороной. Обсуждать ее — дурной тон, тебя никто не поймет. Надо приспособливаться. Не надо возражать, целее будешь.

Но если правила взаимного выживания еще как-то оправданны (от нас зависят близкие, надо зарабатывать на хлеб, у всех — сотни проблем, нечего их множить, и так далее), то простые решения в духовной сфере меня продолжают удивлять.

Человек идет в церковь, чтобы молиться, ведь так? Прикоснуться, войти в особое состояние. Такие метаморфозы не могут произойти мгновенно. Человек думает, надеется, размышляет, готовит себя. В том числе — заранее продумывает свою одежду, поведение.

Человек держит пост, чтобы подчеркнуть свою готовность очиститься — и внешне, и внутренне. Соблюдать пост и в мыслях, и в физическом мире. Ограничить себя, позаботиться о своих теле и душе — чтобы вернуться в фазу легкого, не ощущаемого здоровья и довольства собой и миром, которые обычно дарит нам короткая бездумная молодость. Довольства не эгоистического, нет, скорее — гармонии, причастности к общему духовному подъему, когда тысячи и миллионы людей размышляют об одном и том же, повторяя одни и те же слова молитв.

Человек старается не отвечать агрессией на обиды, заботясь о своем душевном здоровье и не беря на себя ответственность за грехи других людей.

Ведь так? Я, может быть, что-то неправильно понимаю... Может быть, и правда — не стоит выходить на такие темы? Разве что с духовником, психологом или хорошим другом.

Мы так много говорим. В основном, о себе, конечно. О других тоже: у людей множество увлечений, хобби, фобий. Есть еще понятие моды и мейнстрима. Но мне почему-то захотелось написать об этом. О том, почему мы все время путаем Божий дар с яичницей?..

...История с девушками закончилась так. Минут через десять, выйдя из церкви, они обнаружили, что их «жучок» намертво заперт двумя могучими джипами, принадлежавшими, очевидно, другим прихожанам. Последовали малоцензурные крики, пинки по колесам, вой сирен сигнализации, сопровождаемый лаем бродячих собак, «наезды» на выскочивших из церкви хозяев джипов и даже небольшая драка, впрочем, без кровопролития. В ходе этих интересных событий юбки-платки были втоптаны в грязь (английская булавка — ненадежное средство), косынки растеряли часть бисера, а шарфики едва не стали удавками.

...И посещение церкви может стать ярким, волнующим эпизодом вашей биографии. Особенно такое.

ДВОЙНОЕ ПРОЧТЕНИЕ:

протоиерей Сергей СТАЦЕНКО и Лилия КАЛАУС

О книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы»

От редакции. Книга наместника московского Сретенского монастыря архимандрита Тихона (Шевкунова) стала наиболее заметным событием в книгоиздательской деятельности Русской Православной Церкви этого года. Ее оценили не только православные, воцерковленные читатели, но — редкий случай для книги, автором которой является православный священнослужитель, — и те, которые от Церкви достаточно далеки. В отличие от последней известной работы о Тихоне — фильма «Гибель империи. Византийский урок» (2008), изобиловавшего слишком прямыми, порой исторически некорректными аналогиями между Византией и современной Россией, — «Несвятые святые»...» — это, собственно, книга воспоминаний — очень личных, интимных: о людях, о событиях, о времени. Короткие, избегающие всякой патетики и нравочений рассуждения о вере, о неверии. О пути от неверия к вере. Точнее — о путях; у каждого из тех, о ком рассказывает книга, этот путь был свой.

Хочется верить, что «Несвятых святых»...» прочтет и узбекистанский читатель (книга размещена в Интернете, а в «бумажном» виде уже есть — или будет в ближайшее время — в библиотеках ряда приходов Узбекистанской епархии). Тем более, что некоторые страницы «Несвятых святых»...» рассказывают о людях, проживших в Узбекистане какую-то часть своей жизни. Например, о сестрах Дивеевского монастыря, в 1937 году конвоированных в Ташкент и содержавшихся здесь на тюремном режиме. Или об архимандрите Клавдиане (Моденове), служившем в 1950-е годы настоятелем в Фергане...

С просьбой поделиться своими мыслями о книге о Тихона мы обратились к двум постоянным авторам нашего журнала — прозаику и издателю Лилии КАЛАУС и заместителю ректора Ташкентской духовной семинарии протоиерею Сергию СТАЦЕНКО. Надеемся опубликовать в ближайших номерах ВС и другие отклики на «Несвятых святых»...».

Протоиерей Сергей Стаценко:

«Комментарий в жанре светлой элегии»

Своей новой книгой архимандрит Тихон (Шевкунов) в очередной раз потревожил интеллектуальный покой думающей публики — пребывающей как в церковной ограде, так и в самой «секулярной» гуще людского водоворота.

До этого был его фильм «Гибель империи. Византийский урок». И многое другое. Каждое появление о. Тихона в медийном пространстве было эффектным, ярким.

И вот — «Несвятые святые»...». Первое место в номинации «Проза года» ежегодной национальной премии «Книга года», одной из самых престижных литературных наград России. Переводы на несколько языков. Шесть изданий за год, совокупный тираж которых уже перевалил за миллион...

Чем же вызван такой ошеломляющий успех книги, к которому, уверен, не готов был даже ее автор? Ответ может быть сформулирован очень коротко: в простоте... Слишком долго читающая публика, входящая в мир Православия, закармливалась произведениями дореволюционной эпохи с особо витиеватым стилем. Или же современными творениями, стремящимися не отстать от слога эпохи техногенной цивилизации. В «Несвятых святых»...» читатель услышал предельно доступный рассказ — о замкнутом мире православного монашества и о проникновении этого мира в нашу обычную жизнь. Здесь переплелись эпохи, а прошлое вдруг стало единым целым с настоящим и будущим.

Православного читателя, или, если так можно сказать, — профессионального православного читателя книга привлекает множеством подробностей, связанных с жизнью многих известных в современной церковной среде фигур. Для меня, например, совершенно неожиданным было узнать, что автор предельно кратких по содержанию песен иеромонах Роман в «прошлой жизни» был профессиональным специалистом по восточным единоборствам, один раз даже сподобившимся применить свои навыки в защиту имени Господня.

Для обычного читателя, которому мир православия был доступен исключительно в легендарной, «житийной», упаковке, книга становится просветом в глухой стене «лубочного» христианства. Читатель с удивлением открывает для себя, что и святые вырастают из обычных людей, с обычной жизнью, обычными чувствами и желаниями. И тогда понятие святости из категории чего-то сказочного переходит в нашу обычную жизнь. И человек начинает понимать, что благодать Божия не за глухим забором прячется, а отгорожена от нас только нашим нежеланием ее увидеть и принять. Вот поэтому книга «Несвятые святые»...», кроме литературного, стремительно обретает мощнейшее миссионерское значение, не будучи специально-миссионерской по содержанию.

Книга о. Тихона во многом является его собственной автобиографией с обширными ответвлениями. Вот, например, автор описывает свое вхождение в мир православия:

«...Постепенно мы с удивлением обнаружили, что все великие деятели мировой и русской истории, с которыми мы духовно познакомились во время учебы, кому мы доверяли, кого любили и уважали, — мыслили о Боге совершенно по-другому. Проще сказать, оказались людьми верующими. Достоевский, Кант, Пушкин, Толстой, Гете, Паскаль, Гегель, Лосев — всех не перечислишь. Не говоря уже об ученых — Ньютоне, Планке, Линнее, Менделееве. О них мы, в силу гуманитарного образования, знали меньше, но и здесь картина складывалась та же. Хотя, конечно, восприятие этими людьми Бога могло быть различным. Но, как бы то ни было, для большинства из них вопрос веры был самым главным, хотя и наиболее сложным в жизни.

А вот персонажи, не вызывавшие у нас никаких симпатий, с кем ассоциировалось все самое злое и отталкивающее в судьбе России и в мировой истории, — Маркс, Ленин, Троцкий, Гитлер, руководители нашего атеистического государства, разрушители-революционеры, — все, как один, были атеистами. И тогда перед нами встал еще один вопрос, сформулированный жизнью грубо, но определенно: или пушкины, Достоевские и Ньютоны оказались столь примитивными и недалекими, что так и не смогли разобраться в этой проблеме и попросту были дураками, или все же дураки — мы...»

В неприметном в общем тексте рассуждении автора о его исканиях в годы отрочества есть некая изюминка, которая буквально привораживает внимание своей бесхитростностью и одновременно спрятанными под спудом глубокими духовными рассуждениями.

Или рассказывает автор о своем увлечении оккультизмом и о последующем определении источника этого явления. Речь идет о столкновении с «духом Гоголя»:

«...Мои друзья возобновили прерванную накануне беседу с «духом Гоголя». Этот персонаж вещал всегда исключительно образно, языком начала XIX века. Но сегодня он почему-то не отвечал на наши вопросы. Он жаловался. Стенал, сетовал, разрывая сердце. Рассказывал, как ему невыносимо тяжело. И главное, просил о помощи.

— Но что с вами происходит? — недоумевали мои друзья.

— Помогите мне! Ужас, ужас!.. — заклинало загадочное существо. — О, как нестерпимо тяжело! Умоляю вас, помогите!

Все мы искренне любили Николая Васильевича Гоголя и так же искренне думали, что беседуем именно с ним.

— Но что мы можем для вас сделать? — спрашивали мы, от всего сердца желая помочь столь любимому нами писателю.

— Помогите! Прошу, не оставляйте! Страшный пламень, сера, страдания... О, это нестерпимо, помогите...

— Но как? Как мы можем вам помочь?!

— Вы и правда хотите меня спасти? Вы готовы?

— Да, да, готовы! — горячо отозвались мы. — Но что мы должны сделать? Ведь вы в другом мире.

Дух помедлил и осторожно ответил:

— Добрые юноши! Если вы и вправду готовы сжалиться над страдальцем...

— Конечно! Скажите только — как?

— О, если так!.. Тогда я... Тогда я бы дал вам... яду...

Когда до нас дошел смысл этих слов, мы окаменели. А подняв глаза друг на друга, даже при тусклом пламени свечного огарка, увидели, что наши лица стали белы как мел. Опрокинув стулья, мы опрометью вылетели из комнаты.

Придя в себя, я сказал:

— Все правильно. Чтобы помочь ему, нам надо вначале стать такими же, как он. То есть... умереть!

— И мне все понятно, — стуча зубами от ужаса, проговорил Саша Ольков. — Он хочет, чтобы мы... совершили самоубийство.

— Я даже думаю, что вернусь сейчас в комнату и увижу на столе какую-нибудь таблетку, — добавил зеленый от страха Иван Лоцилин. — И пойму, что мне ее обяза-

тельно надо проглотить. Или захочется броситься из окна... Они будут заставлять нас сделать это.

Мы не могли уснуть всю ночь, а наутро отправились в соседний храм Тихвинской иконы Божией Матери. Больше мы не знали, где просить совета и помощи».

Каждый новый сюжет в книге начинается с будничных мелочей то ли жизни монастыря, то ли отдельного человека, затем, как в хорошем фильме, довольно быстро нарастает интрига, далее развязка, а после — комментарий в жанре светлой элегии. Вся книга «“Несвятые святые”...» выдержана в этом ритме, который легко слагается в... песню. А лучше сказать, в гимн православному христианству, в воспевание жизни духа...

Особое место в книге о Тихона занимает архимандрит Иоанн (Крестьянкин) — знаменитый старец, отошедший в мир иной относительно недавно — в начале 2006 года. В череде небольших рассказов книги разворачивается целая эпопея становления обычного человека в духоносного наставника, которому открыты тайны этого мира и мира невидимого.

«Случаются трагедии, когда неразумные священники начинают мнить себя старцами и при этом повелевать, самонадеянно приказывать и, наконец, совершать абсолютно непозволительное в духовной жизни — подавлять свободу своих духовных детей. Отец Иоанн никогда не диктовал и не навязывал свою волю. Он бесконечно ценил человеческую свободу и относился к ней с каким-то особым благоговением. Батюшка готов был уговаривать, увещевать, готов был даже умолять об исполнении того, что, как он знал, необходимо для обратившегося к нему человека. Но если тот упорно настаивал на своем, батюшка обычно вздыхал и говорил:

— Ну что ж, попробуйте. Делайте как знаете...

И всегда, насколько мне известно, те, кто не исполнял советов отца Иоанна, в конце концов горько в этом раскаивались».

Книга рассказывает о многих знаменитых в Русской Церкви людях, начинавших свое служение с Псково-Печерской обители. Для каждого из них о. Иоанн стал авторитетным наставником, с помощью которого они выбирали правильные ориентиры на пути в Царство Небесное. И роль этого старца в жизни Русской Православной Церкви в последние годы невозможно переоценить. Именно его голос, исполненный духовной трезвости, остановил в среде одураченных политехнологами людей вакханалию поиска антихриста и «печатей» в штрих-кодах и в индивидуальных налоговых номерах (ИНН). Многие после его пламенных обращений вошли в разум и остановились в своем безумном бегстве от Церкви. Для о. Тихона архимандрит Иоанн стал тем человеком, который дал ему пророческое указание на возрождение Сретенского монастыря в центре Москвы.

На ум снова приходит сравнение с профессиональным киносценарием. Несомненно, что на формирование общей композиции произведения повлияло кинематографическое образование о. Тихона (Шевкунова). Очередной сценарный прием, используемый в книге, — «наезд камеры» на отдельные лица.

Перед нами разворачивается череда образов, где в текстах о сонме подвижников вдруг проскакивает рассказ об обычном проходимце («Августин»). Повествуя о монастырской братии, несущей явные для всех тяжелые подвиги, автор начинает рассказывать о тайных подвижниках веры, у которых под несимпатичным обликом скрывает-

ся подлинная святость («Вредный отец Нафанаил»). Величие и яркий свет образа Божия в личности человека раскрыты в рассказах об архиепископе Василии (Родзянко).

Среди черноризных образов у о. Тихона проходят повествования о мирянах, малоизвестных и знаменитых (Сергей Бондарчук, Булат Окуджава), о верующих православно и строящих собственные версии православия («Василий и Василий Васильевич»), — и о каждом из них рассказано с любовью, — это главная и замечательнейшая особенность книги.

Книга наполнена искрометным юмором и легкой иронией, ни в коей мере не обижаящими людей; читается она легко, на одном дыхании; простота и яркость описания буквально «впечатывают» портреты ее героев в память читателя. Этот перечень достоинств можно продолжать довольно долго, но конечный вывод для себя сделает только тот, кто прочтет ее от начала до конца...

«В часы, когда тягучее уныние подкрадывается и хочет заполнить душу, когда то же происходит с близкими мне людьми, я вспоминаю события, связанные с чудным Промыслом Божиим. ... Мы, хоть и немощные, грешные, но Его ученики, и нет на свете ничего более прекрасного, чем созерцание поразительных действий Промысла Спасителя о нашем мире...»

Лилия Калаус:

«Странный, непонятный, необыкновенный параллельный мир...»

Вы, наверное, замечали: когда читаешь книгу, возникает ощущение общения с ней. Нет, даже не с автором — автор часто скрыт от читателей. Автор может играть, менять маски, оказываться то милым собеседником, то гневным обличителем, то хитро-простодушным свидетелем неких событий.

А вот сама книга, сам текст — дело другое. Он открыт для толкований, для фантазий и домыслов, при этом точен и ясен. Между текстом и автором редко стоит знак равенства. С иными текстами толкуешь всю жизнь. Повторяешь про себя фразы, цитируешь вслух. Примеряешь, вольно или невольно, сюжеты и образы к своей жизни, к жизни других людей.

Когда я читала книгу архимандрита Тихона (Шевкунова) ««Несвятые святые»...», у меня было странное ощущение дрящегося разговора с новым интересным собеседником. Явственно непохожим на других. В начале, как это всегда бывает, надо было преодолеть недоверие и стеснение, привыкнуть к добродушно-наивной манере изложения, понять главное — что хочет автор сказать нам, читателям, своей книгой? Потом, когда замысел отца Тихона стал более или менее очевиден, мне показалось, что книга предсказуема. Еще несколько рассказов о людях церкви, и все герои будут выглядеть славными и добрыми, и архимандрит Тихон, в простоте своей, будет разливаться соловьем о деле всей своей жизни — служении Богу. На этом этапе я чуть было не бросила читать. Не то чтобы я не верила тексту, просто смутили толстые «розовые очки», сидящие на воображаемом носу автора.

И я рада, что читать не бросила. Потому что в какой-то момент суетные мысли о розовых очках, литературных достоинствах книги... — вдруг отступили и растворились.

лись. Книга заговорила во весь голос. Спокойно, сильно, доброжелательно, она развернулась передо мной. Как четки, каждая бусинка которых засветилась особой тонкой красотой.

Эту книгу не следует (да и невозможно, наверное) читать запоем. Несколько главок в день. Несколько бусинок тихонько стукнутся, шелестя между пальцами. Несколько историй, несколько судеб — таких разных, но с одинаковым знаменателем.

А самое странное — я вдруг поймала себя на том, что, укладываясь спать, больше не думаю о плохом. Отступают страхи, безнадежные мысли, печаль, злоба, обиды, часто надуманные. Просто не хочется думать вообще ни о чем. И на душе спокойно и радостно. Почти забытые ощущения из детства, когда не ждешь от следующего дня ничего, кроме очередных приключений, интересных книжек, веселых друзей, солнца.

Такова магнетическая власть доброты и надежды, исходящая от «Несвятых святых»...».

Вот вьюга за окном, а в печке — ласковый золотой огонь, на столе — чай, вишневое варенье, собеседник подливает себе в чашку кипятку и не спеша продолжает свой рассказ.

Про монашеские скиты... Про столетних церковных старушек... Про юродивых... Про битвы отцов-священников с «отцами» Лубянки... Про изгнание бесов и экскурсии членов ЦК в подземные пещеры... Про отроков и отроковиц, посвятивших себя Богу... Про жуликов и проходимцев, некоторые из которых после раскаялись, а некоторые — нет, но заботу и молитву получили все... Про мелкие и крупные чудеса и неслучайные совпадения... Про старцев и бесноватых... Про дальние приходы и монастырские заботы...

И когда дочитываешь эту книгу, возникает то самое — правильное — чувство: как, это уже все? Нет, погодите, интересно же, ну а дальше-то, дальше?

Автор честен и прямодушен. Это не поза и не игра. Он действительно не умеет по-другому — видеть, слышать, говорить, писать, думать. Он как будто освещен мощным лучом — и невольно распространяет этот свет вокруг, и так же светится его книга. Этот луч — любовь. Это слово десятки раз повторяется в книге, оно-то и есть главный камень преткновения, потому что «возлюбить ближнего своего» — это, пожалуй, самая трудная задача на свете для обычного человека.

«Нам дана от Господа заповедь любви к людям, к нашим ближним. Но любят ли они нас или нет — нам об этом нечего беспокоиться! Надо лишь о том заботиться, чтоб нам их полюбить!». Это слова архимандрита Иоанна (Крестьянкина), учителя и духовного отца автора.

Рассказы о жизни и деяниях архимандрита Иоанна, о гневливом, но щедром душой наместнике Гаврииле, загадочном архимандрите Серафиме, «вредном» чудаковатом отце-казначее Нафанаиле, «советском архимандрите» отце Алепии, любящем скорость завязанном автомобилисте отце Рафаиле и многих других перемежаются отрывками из «Пролога», краткими зарисовками монашеской жизни, историями из жизни прихожан, короткими биографическими главками. Строгого порядка в композиции нет, да это и ни к чему. Как ни раскладывай бусинки, каждая из них — неотъемлемая часть четок, и каждая по-своему интересна.

Вот отец Тихон рассказывает, как студентом ВГИКа, почти случайно оказавшись в Псково-Печерском монастыре, впервые понял свое призвание:

«И тут произошло то, что повергло меня в настоящий шок. Когда, впервые за десять дней, я оказался за монастырскими воротами, первым чувством, охватившим меня, было неудержимое желание — бросить сумки и стремглав бежать назад! Такого я от себя никак не ожидал. Сделав над собой огромное усилие, я медленно пошел к автовокзалу, с каждой минутой понимая, что оказался совершенно в другом мире, совсем не в том, который оставил десять дней назад...»

...Единственное место, где я чувствовал себя хорошо, был храм. Ни друзья, ни развлечения, ни желанная когда-то работа — ничто не касалось моего сердца. Даже книги, даже любимые Достоевский и Толстой не задерживали внимания. Я понял, что совершенно изменился. А может, безнадежно испортился для этого, столь любезного для меня раньше, мира. Открылась другая жизнь..., с которой все, прожитое мною за двадцать четыре года, не шло ни в какое сравнение. То есть я искренне любил тот старый мир, жалел его, сопереживал ему от всего сердца!.. Но как раз в сердце и было дело — оно уже принадлежало не старым заветам, а новому, открывшемуся так неожиданно таинственному и непреодолимому завету человека с Богом».

Не хотелось бы пересказывать истории о «несвятых святых» в короткой рецензии. Лучше — как всегда — прочитать самому. Могу сказать, что общее впечатление у меня было — чуда. Как будто я увидела странный, непонятный, необыкновенный параллельный мир. Со своими законами, простыми в изложении и сложными в исполнении. Мир молитвенного созидания, духовных подвигов и постижения воли Божьей. Но этот мир не существует сам по себе. Солидная часть книги посвящена рассказам о том, как монахи и священники помогают людям, и не только молитвой. Часто человеку просто некуда пойти со своим горем или неразрешимой проблемой — и тогда он идет к священнику. Не говоря уже о материальной помощи, которую Церковь оказывает старикам, больным, неимущим.

«Но весь вопрос в том, как попасть в этот удивительный мир. Это невозможно никакими обычными человеческими способами. Никакой земной властью. Ни по какому «блату». Ни за какие деньги. В этот мир нельзя и краешком глаза заглянуть, даже при помощи всех разведок и спецслужб. А еще выясняется, что в него нельзя величественно прошеествовать, скажем, просто закончив Духовную академию и даже получив священнический и епископский сан»...

Несколько слов об оформлении книги. Признаюсь, оформление обложки — этот, что называется, «лобовой» вариант — мне кажется несколько слащавым и по-плохому, до непрофессионализма, простым. Впрочем, это епархия рекламщиков, кому, как не им, знать все о «продвижении товара».

Книга архимандрита Тихона стала известной. Не знаю, способна ли она привести человека к Церкви, но отвлечь от дурных мыслей, от вала тревожной и часто безнадежной информации, от груза обид и непонимания — она совершенно точно может.

А вдруг оно все же вернулось, то самое время, о котором вздыхают люди моего поколения и старше? Время чтения хороших умных книг, время сопереживания добрым и честным героям?.. Хотелось бы верить.

Сомнения в очевидном, уверенность в невидимом

Антоний, митрополит Сурожский. *Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001—2002) / Пер. с англ. — М.: Духовное наследие митрополита Антония: Никея, 2012.*

Митрополит Антоний Сурожский почти не жил в России. Родился в Швейцарии, детские годы провел в Персии, учился во Франции, там же в годы войны участвовал в Соппротивлении и принял постриг. Дальнейшая его жизнь и служение связаны с Англией. В то же время иерарх сохранял верность Московскому патриархату, несколько раз бывал на родине, поддерживая живую связь с ее верующими. За свою долгую жизнь он успел застать две мировые войны и трагедию 11 сентября, крупнейшие межрелигиозные конфликты XX века, подъем и кризис экуменического движения. И оставить несколько книг проповедей и бесед, находящих отклик не только в православном мире, но и за его пределами.

Посмертное издание бесед митрополита Антония Сурожского, вышедшее в этом году, читается как духовное завещание.

Владыка Антоний в этой книге не вещает с амвона, а тихим голосом рассуждает о вопросах веры, о трудностях и сомнениях, которые ждут каждого на пути к ней. Постоянно прерывая и уточняя себя, он как будто бы то и дело нащупывает тему и своего собеседника. Говорит о себе, о собственном опыте преодоления «полумрака» (в который, по словам автора, окутан мир после грехопадения), но делает это так, что незнакомый и далекий читатель идет на свет.

Только с такой подкупающей безыскусностью, наверное, и стоит говорить о «вещах невидимых».

«...Я ищу ясности и подлинного знания и хочу поделиться с вами своими вопросами и ответами, которые едва начинают зарождаться». Странная на первый взгляд фраза в устах 87-летнего иерарха — но совершенно обезоруживающая.

Нет ощущения, что автор принадлежит к другому поколению. В одной из своих книг Антоний вспоминает, как, разговорившись с лондонскими хиппи, провел с ними много часов в молитве и привлек их в православный храм.

Дело не только в простоте слога и обаянии личности. Проповедь Антония достигает цели потому, что события Ветхого и Нового Завета он переводит из плоскости

стереотипов, привычно покоящихся на периферии сознания, в реальность. «Цель моих бесед, — говорит автор, — постараться привлечь всех нас, каждого из нас к размышлению над вещами, которые кажутся настолько очевидными, настолько привычными, что не вызывают вопросов, но тем не менее полны тайны и требуют от нас не только умственного усилия, но и постоянного духовного роста». Библейская история (включая выделяемую Антонием «метаисторию», предшествовавшую грехопадению) — это реальные события, в которых мы должны разобраться.

Острее всего волнует автора вопрос, которому он посвящает несколько бесед: почему Бог, любящий своих детей, сажает в райском саду рядом с деревом жизни и ведущее к гибели древо познания? Не является ли тогда вся история вочеловечивания Христа лишь попыткой Творца исправить собственную ошибку? Антоний находит для себя ответ в трудах Ириния Лионского. По версии французского богослова, древо познания — тоже путь к Богу, хотя и более трудный и окольный, пролегающий в полумраке. Путь не через приобщение к Богу, а через познание сотворенного им мира, из глубины этого мира. Грех первого человека, таким образом, осмысливается не столько в категориях этики, сколько онтологически: как отдаление от Бога. Митрополит не навязывает этот ответ читателю, но призывает его найти собственный. Он убежден, что сомнение плодотворней застывшего канона.

В «Последних беседах» мы неожиданно встречаем взгляд не столько богослова, сколько историка, вслух пытающегося справиться с принципиально неразрешимой до конца загадкой. Неразрешимой потому, что Священное Писание (и прежде всего Книга Бытия) — это попытка сказать на языке падшего мира о событиях мира уже не существующего. Отсюда — множественность отражений и толкований истины. Отсюда же — межконфессиональная рознь и отчуждение.

Слишком часто язык подводит человека, разобщает вместо того, чтобы соединять. Любя человека и почитая его как живую икону — подобие Божье, митрополит Антоний с недоверием относится к языку: «Было время, когда я отчаянно цеплялся за букву, но постепенно мне стало открываться, что буква — это только приближение, намек, попытка передать то, что находится за пределами текстов и человеческой речи». Язык сердца состоятельней, чем язык букв. Не случайно каждая беседа в книге заканчивается призывом к совместной молчаливой молитве.

Владыка Антоний был человеком мира, одинаково открытым западному и восточному духовному опыту. Говоря о Серафиме Саровском и Франциске Ассизском, он находит немало общего в личности, учении и жизни этих двух святых. Его беседы наполнены примерами из жизни как восточных, так и западных христиан. Так, несколько раз на протяжении «Последних бесед» автор приводит эпизод времен войны, когда один офицер шесть раз выходил из укрытия для того, чтобы вынести раненых с поля боя. «Его принесли в лазарет изрешеченного пулями. Он не был православным, но мог ли я, посмотрев на него, сказать: “А, еретик!”? Нет, потому что он от Самого Христа узнал, Кто Он такой и к чему нас призывает...»

Жить по Христу, утверждает Антоний, гораздо важнее, чем знать наизусть Символ веры. Свое утверждение он иллюстрирует отрывком из рассказа Толстого о миссионере, который в Сибири попадает в жилище трех братьев (притчи и случаи из жизни встречаются в беседах и проповедях Антония столь же часто, как в Священном Писа-

нии). Миссионер обнаруживает, что братья верующие и крещеные, но не знают о своей вере ничего, даже молить, кроме той, что придумали сами. Он долго учит их молитве Господней, затем покидает поселение. Уплывая по реке, он вдруг видит, как братья бегут за ним по волнам, не уходя под воду. «Отче, — говорит один из них, — нам нужно было догнать тебя, потому что мы забыли слова молитвы». Миссионер отпускает их с миром и советует молиться, как раньше.

Говоря о других религиях, владыка Антоний призывает видеть в них не изъяны, а крупички и фрагменты истины. Задаваясь вопросом, можно ли молиться за некрещеных и людей другой веры, он приводит слова старого русского священника: «Христос умер на кресте ради спасения всего человечества, а не только тех немногих... в то время веровавших в него». И вслед за Филаретом Московским напоминает, что перегородки, разделяющие конфессии, не достают до небес.

Митрополит Антоний не был созерцателем, не стоял над схваткой. Он всегда был рядом с людьми, их бедами и сомнениями. И он хорошо понимал, насколько тернист и уникален путь каждого человека к Богу. Поэтому его «Последние беседы» — не путеводитель. Скорее — свеча, помогающая двигаться в полумраке.

Инна КУЛИШОВА

Ре-анимация любви

*Заметки о фестивале анимационных фильмов «Никози»
в Никозской епархии (Грузия)*

Дети из села Никози рисовали церковь. Сосредоточенно и весело.

Но сначала все было серым и коричневым.

— Внимательно присмотритесь, — говорит им художник, — здесь ведь каждый камень разного цвета и размера...

Никозская епархия — одна из первых епархий христианской Грузии, основанных в V веке святым царем Вахтангом Горгасали, — находится почти в центре Грузии. В Шида Картли (Внутренней Картли). В Никозском кафедральном соборе покоятся останки грузинского первомученика, персидского наставника жены царя Вахтанга, святого Раждена. Церковь также была основана в V веке, потом достраивалась и перестраивалась, и стены сохранили следы столетий. Каменная мощь храма выдержана в красках, удивительно сочетающихся с ландшафтом. Слитность с Природой — наверное, одна из главных особенностей церковной архитектуры Грузии. И не только архитектуры...

Художник вслушивался в детей, дети — в свое воображение. И вместо прежних рисунков стали появляться другие. Дети дофантазировали цвета, превратив церковь в источник света, мозаику непредсказуемых красок. Серый цвет почти исчез.

Так выглядит мир ребенка, даже если он прошел войну.

При взгляде на этих детей, выросших в деревне, оказавшейся почти в самом центре августовского вихря 2008 года, невольно улыбаешься. Их непосредственности, в чем-то отличной от мира детей больших городов, иному восприятию реальности...

«Будьте как дети». Размышляя об этих словах, протопресвитер Александр Шеман писал:

«Вопрос не о том, что приобретает человек, становясь взрослым, ибо это ясно и без слов, а о том, что теряет он, выходя из детства... Если бы нужно было определить это что-то одним словом, то слово это было бы “целостность”. Ребенок не знает еще этого раскола жизни на прошлое, насто-

ящее и будущее, этого печального опыта утекающего безвозвратно времени. Он весь в настоящем, он весь в полноте того, что *сейчас...* Ребенок... отдается весь — всему... эта чудесная связь всего со всем, эта возможность во всем увидеть другое, эта способность к полной самоотдаче и слиянию, это внутреннее открытие, это доверие ко всему — ведь все это и есть суть религиозного опыта, это и есть чувство Божественной глубины, Божественной красоты, Божественной сущности всего, это и есть непосредственный опыт Бога...»

Школа искусств в Никози создана при епархии митрополитом Никозским и Цхинвальским Исайей (Чантурия) — в прежней своей жизни художником-аниматором.

— Регион наш — место древнее, оно было в свое время культурным, но в первую очередь духовным центром, — говорит владыка. — Сейчас это деревня... Недавно мы разговаривали с одной прихожанкой из другого села, она говорила, что далеко не везде возможно существование подобной школы... Дети есть дети — чему будешь обучать, то и будут изучать. Но возможности выявить свои способности, талант, который вложен в них, не всегда найдешь... И с Божьей помощью мы создали школу искусств, наши дети могут в своей же среде прийти и попробовать себя. Хотя раньше создание такой школы казалось чем-то из сферы фантастики. Но сейчас у школы уже будет отдельное здание, всё как-то друг другу помогает, и всё становится реальностью. В этом процессе есть такой замысел: помочь найти самого себя и при этом охранить их от многих соблазнов, которые есть в миру. Как персонаж Сэлинджера, который хочет спасти детей, играющих в поле, чтобы они не упали в пропасть, и самому стоять в этой игре во избежание беды. Примерно так видится наша попытка.

Что касается фестиваля... Если немного глубже пойти — сам я учился анимации и бросил тогда, когда что-то не то почувствовал в ней. [*По окончании кинофакультета театрального института и дипломной работы, анимационного фильма, будущий владыка Исайя принял постриг*]. В первые годы служения в Никози непредставимо было: какая там анимация — даже жилища не было два года, надо было заново все восстанавливать. Когда я учился на первом курсе, у нас гостил Юрий Норштейн, и, по правде говоря, до того, как я увидел его работы... Ну, первый курс, я еще не был хорошо знаком с анимацией, мультфильмы не очень привлекали. После Норштейна я понял, что в руках творца, личности этот вид искусства может быть очень высоким. Потом мой бывший однокурсник, который сейчас тоже владыка, встретился с Норштейном в Москве и рассказал мне. А у меня еще во время студенчества появилось желание посмотреть его мастерскую, «кухню». ...Я был в гостях у Юрия, и потом он пригласил нас на анимационный фестиваль в Суздаль. Первый раз мы с владыкой были вместе, на второй год тоже нас пригласили. Честно говоря, после первой поездки захотелось построить анимационный станок. Однако после многих событий в нашей стране все заводы были в таком состоянии, что не могли этого сделать, или же обошлось бы очень дорого. На второй год я поехал, надеясь достать в России, в Москве, детали для станка немного дешевле. Конечно, там встретились с людьми, и это тоже очень важно, что появились новые друзья. По приезде я поделился с кем-то, и после просмотра фильмов мне сказали, что меня ищут руководители студии «Анимос» Тенгиз Семенов и его супруга Наталья Орлова. Они подарили мне все оборудование: ярусный станок, кинокамеру, освещение. Я даже помышлять не мог о таком. Привез я все в Никози, мы поставили, даже пробовал немножко что-то...

В августе 2008 года случилась эта война, и все сгорело вместе с жилищем... Позже восстановили небольшую анимационную студию и основали школу искусств. И, наверно, опыт в сфере анимации и посещение фестивалей анимационных фильмов — я бывал и на других религиозных фестивалях после того — сыграли роль. Друзья тогда же пригласили в Серпухов, а там позвали в Киев на религиозный фестиваль, где даже грамоту какую-то мне вручили за документальный фильм «Благодарение»... Фестивали обычно проводятся или в больших городах, или в приморских, или в таких особых местах... Но почему бы не провести его в такой деревне, как Никози? Тем более после войны... Это всегда было тихое место, и мы тоже не хотим делать его шумным. Но хочется, чтобы наши жители, дети не находились взаперти в своем селе, смогли бы открыться общению с миром. Так мы и дошли до дня, когда в Никози проводится международный анимационный фестиваль... Как гласит грузинская пословица: ненависть разрушает, любовь строит.

— *На фестивале исключается принцип конкурса, и, следовательно, борьба самолюбий, тщеславие...*

— Конкурса, действительно, не хотелось. Мы готовы показать все, что когда-либо было сделано в этом виде искусства достойного, чтобы это стало достоянием тех людей, которые будут смотреть фильмы.

— *Фестиваль проводится при епархии. Когда-то монастыри, церкви так или иначе выполняли и просветительскую функцию...*

— Согласен. Ну, в древности, может, тоже что-то делалось не так, а где-то, может, делалось хорошо. И сегодняшний день — то же самое... Просто я стараюсь в том месте, где стою, делать то, что, как мне видится, может принести какое-то благо, что-то хорошее. Стараюсь так делать и так жить.

В Шида Картли люди прямые. Они и примут приветливо, и скажут, что думают, без обиняков и достойно. И не будет этих велеречивых тостов за столом, после которых остается порою ощущение блестящей конфетной обертки...

В одном или двух километрах от Цхинвали, куда теперь не попасть, в заново отстроенном Дворце епископа (датируемом изначально IX-X веками и сгоревшем вместе с жилым монастырским комплексом в августе 2008 года после воздушной бомбардировки) проходило торжественное открытие второго фестиваля в Никози. Недалеко от него, в самом селе, все еще торчат инвалидные обрубки бывших жилых зданий... Но тем яснее понимаешь, что главное — не стены. И вспоминаются слова из приветственного письма Юрия Норштейна первому фестивалю:

«Культура — наше общее отечество, она — поверх политических барьеров. Она дает отчетливое представление о прекрасном, она наполняет нас вниманием к миру, открывает сочувствующий взгляд, она помогает разглядеть в малой частице отражение огромности жизни, она обращает наше сострадание к чужому человеческому горю и к измученным блестящим глазам лежащей в пыли беременной собаки, она открывает небо и учит слышать успокаивающий шелест листвы, шум ручья и чей-то поющий голос. Культура соединяет одного человека с другим, и тогда не нужно объяснять, что есть добро. Она простирает наше сознание за границу нашего бытия.

Ваш фестиваль — это мужественное противостояние разрушению и разбою. Любой фрагмент

искусства, будь то песнопение, фреска или живопись, или хорошо сработанная табуретка, пошитые башмаки или снятое кино, вселяет в нашу душу полноту бытия. Ваш фестиваль — это улыбка любви. Проще восстановить взорванные бомбами дома, чем вылечить душевное потрясение при виде искореженной жизни. Ваш фестиваль — духовный лекарь, способный справедливостью, надеждой и красотой бытия восстановить душевный мир...»

Тональность, заданная как самим владыкой, так и общей атмосферой, сохранилась на обоих прошедших фестивалях. На прошлом — прекрасное пение гостей из Аляски, студентов Духовной академии имени св. Иннокентия: под руководством ректора отца Паисия они выучили грузинские песни, и в их исполнении не раз звучали «Мравалжамиер» («Многая лета»), русские, английские, итальянские песни. Как в прошлом, так и в этом году фестиваль был просто непредставим без знаменитого церковного хора Анчисхати («Нерукотворный образ», по имени древней церкви VI века в Тбилиси), исполняющего народные песни и духовные песнопения. Взрослые и детские программы, мастер-классы, поездки по Грузии...

Классик польской анимации Витольд Гирш и его коллеги; Гарри Бардин, бывший в Грузии последний раз 49 лет назад, и его ученик «оскароносец» Александр Петров, впервые оказавшийся на грузинской земле, как и Михаил Алдашин; руководители студии «Анимос», когда-то подарившие владыке анимационный станок и все оборудование, сгоревшее после августа; Сергей Серегин с программой «Эхо Суздальского фестиваля», профессор из Германии, киновед и философ Вольфганг Байленхофф, Дмитрий Попов и Алла Чурикова из Мюнхена, белорусский аниматор Ирина Кодюкова, грузинские режиссеры... Среди гостей — поэты, художники, священники. Среди зрителей, а потом и друзей — жители деревень, дети и взрослые...

Да нет. Не так... Это сумасшедшее — и совершенно адекватное, трезвое чувство всеобщей любви, охватившее практически каждого, кто оказывался внутри фестиваля, среди участников, гостей и хозяев. Это желание обнять друг друга, петь, любоваться и любить... Александр Петров потом поделился, что такого благодатного состояния слияния с людьми и природой, состояния счастья у него не было.

Протоиерей Павел Гирёв, прилетевший из далекой Восточной Сибири, играл на гитаре, которую вез через всю Россию в Грузию по просьбе владыки; уверял, что нынешняя зима в Сибири наступит гораздо позже — благодаря огромному количеству тепла, которое он увезет в Усть-Кут... Как заметил Михаил Алдашин, запах гажи (ягненок, зажаренный целиком) в только что отстроенной трапезной монастыря гораздо приятнее ароматов Парижа...

И что сравнится с космосом грузинского многоголосья, подаренного хором Анчисхати? Особенно если оказываешься внутри него, за столом, откуда песня и начиналась. Концерты-то явление более позднее. С разных сторон вступают все новые голоса, и словно оказываешься посреди гор с разными вершинами, одна выше, другая ниже, — и всевозможные цвета и оттенки, трава и небо, вода и ветер, лес и луга... Никакой диск не передаст объемность, высоту и глубину такого песнопения, как никакой рассказ не забросит человека внутрь этого ощущения.

Трогательность без сентиментальности, единодушие без единообразия, вино без пьянства, застолье с песнями на разных языках, гитара и пандури, многоголосье и

молчание... Просмотр фильмов, усилие всмотреться, вслушаться, вдуматься сплетались с легкостью общения — взрослых, детей...

Завтрак у Лейлы — для гостей, оставшихся ночевать в монастыре. Лейла, артистичная и в 81 год. Гости вместе с хозяйкой пекли грузинский хлеб в тонэ (специальная печь для изготовления хлеба) во дворе ее дома, примыкающего к монастырю. И именно об этом в первую очередь вспомнил Александр Петров, предваряя показ своих фильмов: «Это было утро абсолютного счастья, доверия, любви и сердечной участливости... Мы сидели во дворе, пили вино, ели хлеб, говорили о жизни, счастье, о друзьях, о войне, и это было и просто, и как-то обыденно, может, даже, — но такое ощущение, что над нами небо разверзлось, и на нас еще сверху ангелы смотрели». И стал под аплодисменты раздавать зрителям в зале, отламывая по кусочку, испеченный Лейлой хлеб.

А как долго зал хлопал самой Лейле, которая пришла на просмотр фильмов Петрова в последний день фестиваля. Показ не начинался, пока за ней не послали и не привели ее, зрители сидели и ждали.

Вместе с гостями за столом сидели самые настоящие самородки, народные чудачки. Валико, 22 года один строивший театр в своей деревне. Когда-то кто-то ему сказал, что Грузия не сможет прожить самостоятельно так же, как один человек без посторонней помощи не построит дом. И Валико решил доказать обратное. Над ним смеялись, но Валико собрал, кажется, все камни в своей деревне, а когда не хватило, пошел к реке... И театр на 120 мест был построен! Но после его открытия, на котором присутствовал и тогдашний министр культуры, через две недели началась война...

Говорят, театр уцелел. А вот от села почти ничего не осталось...

Или Леван Мчедлидзе, гениальный художник без картин. Так, наброски, эскизы с точно угаданным характером или безошибочно подобранным к теме цветом, порой один штрих на бумаге... Леван утверждает, что после того, как увидел «Троицу» Рублева в Третьяковке и голубого ангела (фреска в монастырском комплексе Кинцвиси в Грузии), он не смеет писать ничего.

Закрытие фестиваля прошло в Церовани, поселке, построенном для изгнанников (не люблю это приниженное слово — беженцы), навсегда потерявших свои маленькие родины, кто-то и близких, — ютящихся в маленьких домиках, а десятки тысяч других расселены по разным районам Грузии. Все это — паства владыки, разбросанная по стране, словно разлетевшийся пепел бусинок сгоревшего винограда, который мне довелось увидеть в Никози после войны.

Странное это дело — мультипликация. Или, как сейчас принято говорить — анимация. (Анима — душа, одушевляющая и вочеловечивающая). Она порой способна запечатлеть, ловить некое пограничное состояние между сном и реальностью. Те доли секунды, когда уход вовнутрь равнозначен выходу вовне, между сознанием и неосознанным. И не смотришь такие произведения, а соучаствуешь в творчестве, и порою это рождает ощущение безостановочного счастья, перемешанного с болью. Предельно концентрированные мультипликационные миры Александра Петрова,

Юрия Норштейна. Иронические, щемяще пронзительные фильмы-притчи Гарри Бардина...

«Искусство мультипликации не знает границ, потому что совпадает с границами фантазии» — крылатые слова первого лауреата «Оскара» в области анимации Душана Вукотича. Анимация продлевает детство и столь необходимую иной раз «детскую радость христианства». Открытый, еще лишенный условностей и предрассудков, не различающий наций, классов, не разделяющий окружение на «чистых» и «нечистых», ребенок тянется к красоте, доверяя любому ее проявлению. Вообще доверие — основа искусства, будь то литература, музыка, живопись, кино или анимация.

Искусство, по выражению игумена Петра Мещеринова, «в полноте своего контекста — великое противоядие от стадности, одинаковости, плоскостности, примитивности, неглубокости современного пространства культуры». Искусство всегда предлагает и продлевает иную точку зрения, и не одну. И где бы мы ни находились в духовном смысле, всегда остается шанс для развития, шанс через искусство увидеть все иначе, по-новому. Превратить стереотипическое — в стереоскопическое. Оказаться дальше, чем даже думалось, в своем движении к Первоначалу. Как говорил преподобный Исаак Сирийский, «в какой мере человек приближается к Богу намерением своим, в такой и Бог приближается к нему дарованиями Своими».

АВТОРЫ НОМЕРА

БАБАДЖАНОВ Бахтияр — востоковед; доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Института востоковедения АН РУз, доцент Ташкентского Исламского университета. Автор более ста научных работ, опубликованных в Германии, России, США, Узбекистане, Франции, Японии. Почетный профессор Национального университета Киото (Япония). Живет в Ташкенте.

ВОЛОС Андрей — прозаик, лауреат Государственной премии Российской Федерации, российско-итальянской премии «Москва-Пенне», премии «Антибукер» и других. Автор романов «Хуррамабад», «Аниматор», «Недвижимость» и других. Живет в Москве.

ДЖУМАЕВ Александр — музыковед, востоковед. Кандидат искусствоведческих наук. Автор более 150 научных работ, опубликованных в Великобритании, Германии, России, США, Узбекистане. Живет в Ташкенте.

ДОРОФЕЕВ Роман — историк, религиовед; проректор Ташкентской духовной семинарии. Член редакционного совета журнала «Восток Свыше». Живет в Ташкенте.

ИЛЮШКИНА Ольга — библиотековед; консультант по библиотечному делу Ташкентского Епархиального управления, преподаватель Ташкентской Духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

КАЛАУС Лилия — писатель, книгоиздатель; главный редактор журнала «Книголюб» (Алма-Ата). Участник 3-го Ташкентского фестиваля поэзии (2003 г.). С 2011 года живет в Ростове-на-Дону.

КУЛИШОВА Инна — поэт, переводчик, журналист. Кандидат филологических наук. Стихи публиковались в Грузии, России, США. Живет в Тбилиси.

МАСЛАКОВ Борис, протоиерей — настоятель церкви во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» в г. Газалкент Ташкентской области. Живет в Газалкенте.

МУРАТХАНОВ Вадим — поэт, прозаик, критик. Один из основателей объединения «Ташкентская поэтическая школа», член редакционного совета журнала «Восток Свыше». Редактор отдела поэзии журнала «Новая Юность» (Москва). Автор пяти книг стихов. Живет в Подмосковье.

НАЗАРЬЯН Рубен — литературовед, историк, журналист и кинодокументалист. Кандидат филологических наук, доцент Самаркандского Государственного университета, председатель правления Самаркандского общества преподавателей русского языка и литературы. Живет в Самарканде.

СТАЦЕНКО Сергей, протоиерей — настоятель храма св. Александра Невского в Ташкенте, проректор по учебной части Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекстанской епархии, член редакционного совета журнала «Восток Свыше». Живет в Ташкенте.

СТОЛЯРОВ Виталий — журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекстанской епархии. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии — в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в редакторе Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

День проверки редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу на предмет плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые редакцией.

После прохождения журнальной редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородным или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

**ДО КОНЦА 2012 ГОДА И В НАЧАЛЕ 2013 ГОДА «ВОСТОК СВЫШЕ»
ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ:**

В рубрике «Православные приходы Узбекистана» — рассказы об истории и сегодняшней жизни Свято-Троице-Георгиевского мужского монастыря в г. Чирчик Ташкентской области и Храме святого великомученика Георгия Победоносца в Самарканде.

Статья пермского историка философии *Алексея Каменских* «София — Премудрость Божия в Ветхом Завете» готовится к публикации в рубрике «Пути христианской философии».

В рубрике «Династия: к 400-летию Дома Романовых» будет продолжена публикация дневников *Николая Второго* с комментариями, а также будут опубликованы архивные материалы, касающиеся ташкентского периода жизни великого князя *Николая Константиновича*.

Редкие архивные материалы увидят свет и в рубрике «Из истории Церкви в Средней Азии».

В рубрике «Туркестановедение» будет завершена публикация статей *Бахтияра Бабджанова* о туркестанском периоде деятельности генерала Черняева (вторая ее часть посвящена его религиозной политике на посту генерала-губернатора) и *Александра Джумаева* — о выдающемся востоковеде и историке Средней Азии *Александре Семенове*.

В той же рубрике готовятся к публикации статья *Ирины Богословской* об истории производства хан-атласа в Узбекистане, рецензия *Валерия Германова* на новую книгу историка и литературоведа *Рубена Назарьяна* по истории Самарканда, а также материалы по истории библиотечного дела в Узбекистане (исторические очерки, воспоминания).

Будет продолжена публикация нового романа *Андрея Волоса* о великом среднеазиатском поэте Рудаки «Возвращение в Панчруд», а также воспоминаний *Натальи Селуяновой* «Семейная хроника Селуяновых».

В рубрике «Общество. Литература. Искусство» мы планируем представить материалы на тему «Церковь и музыка».

Кроме того, будут продолжены постоянные авторские рубрики нашего журнала: «Новостные страницы *Виталия Столярова*», «Церковная жизнь: страницы *Романа Дорофеева*», «Социальные страницы *Лилии Калаус*» и «Литературные страницы *Вадима Муратханова*».

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее чем через три месяца после выхода из типографии (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XXVII

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лиля Шахназарова**
Вёрстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать 07.11.2012 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № .

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz